This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

PG2904.S736.A6.L445

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

СБОРНИКЪ

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

ИЗДАНЪ

РЕДАКЦІЕЙ СОВРЕМЕННИКА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1849

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, марта 22-го дня 1849 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*
Цензоръ *И. Срезневскій.*
Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

TAYLOR INSTITUTION UNIVERSITY OF OXFORD LIBRARY

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Мѣстничество, драма въ пяти дѣйств. Гр. В. А. СОЛЛОГУБА. . 1

Трактатъ о физіономикѣ . . . . . *** 143
(Съ семью картинками).

Сонъ Обломова. Эпизодъ изъ неконченнаго романа . . . . . И. А. ГОНЧАРОВА. . 211

Ѳомушка, разсказъ . . . . . А. В. С—ЧА. . . . 253
(Съ картинкой).

Египетская сказка . . . . . М. А. ГАМАЗОВА. . 265
(Съ пятью картинками).

Digitized by Google

Digitized by Google

МѢСТНИЧЕСТВО

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

СОЧИНЕНІЕ

ГРАФА В. А. СОЛЛОГУБА.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, февраля 8-го дня 1849 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*
Цензоръ *И. Срезневскій.*

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мнѣ всегда казалось крайне неловко быть ходатаемъ въ собственномъ дѣлѣ. Я даже не понималъ никогда, какъ можно рѣшиться говорить о своей книгѣ, скромно выхвалять ея достоинства и просить снисхожденія у безпристрастно-зѣвающей публики. Теперь я вижу, что эта крайность бываетъ иногда слѣдствіемъ необходимости. Разсматривая, съ понятной многимъ сочинителямъ грустью, недостатки моей драмы, я не могъ не убѣдиться, что едва ли не главный изъ нихъ заключается въ томъ, что она требуетъ объясненій. Въ ней настоящій вымыселъ такъ перепутанъ съ былой дѣйствительностью, что человѣку, не посвятившему себя исключительно историческимъ изслѣдованіямъ, трудно будетъ отличить ихъ другъ отъ друга. Причина тому можетъ быть безсиліе автора, можетъ быть и самая сущность избраннаго имъ предмета, быть можетъ и условія драмы, такъ-какъ онъ ее понимаетъ. Ему кажется, что въ драматическомъ сочиненіи строгая историческая точность должна занимать мѣсто второстепенное, что достаточно, когда главныя извѣстныя событія не искажены, а незначительныя сохранили правдоподобіе и не вовлекли въ грубые анахронизмы.

Подобное мнѣніе можетъ быть ошибочно, но оно составляетъ право автора, право, такъ сказать, собственнаго воззрѣнія. Другое дѣло, какъ выполнилъ, какъ олицетворилъ художникъ избранную по личному произволу, по направленію своихъ понятій данную или мысль. Тутъ дѣло общаго суда.

Digitized by Google

Старина наша исчезаетъ. Прежній русскій бытъ становится съ каждымъ днемъ отдаленнѣе и загадочнѣе. Оттого и возникаютъ между нами то странная, какая-то идеальная любовь къ отжитому времени, то совершенное къ нему пренебреженіе и непростительная ненависть. Прислушиваясь къ такимъ разнороднымъ мнѣніямъ, я остановился на мысли, что любопытно было бы съ возможной истиной и безпристрастіемъ перенести на сцену отрывокъ русской старины, въ полномъ ея нарядѣ, съ ея обычаями, предразсудками, заботами, страстями, — словомъ, со всей ея былой жизнью. Очевидно, что точнаго возсозданія и требовать нельзя, уже по самой скудности источниковъ; но все-таки представлялась возможность составить, по сохранившимся преданіямъ, хотя неполную картину отжитыхъ нравовъ. Такова цѣль моей драмы, которую я не опредѣлилъ никакимъ прилагательнымъ. Исторической назвать ее нельзя, а скорѣе — *историко-нравоописательной*, на что, по безконечности названья, я не могъ рѣшиться. Представляю ее какъ опытъ, кажется, довольно новый въ нашей литературѣ.

Отъ драмы требуются условія, въ совокупности образующія почти непобѣдимыя затрудненія. Отъ нея требуются основная мысль, нравственная цѣль, удачный вымыселъ, завязка, занимательность, развитіе, движеніе, вѣрность характеровъ и слога, если лица, выведенныя на сцену извѣстны въ исторіи, — истина или по-крайней-мѣрѣ возможность истины въ ихъ поступкахъ и строжайшая точность въ изображеніи духа времени, его колорита и подробностей.

Художественную часть моего сочиненія я передаю безусловно на судъ читателей и въ добычу критики. Предоставляю только себѣ нѣсколько словъ въ защиту плана драмы въ историческомъ отношеніи и касательно изученія изображеннаго мною времени.

Каждый, вѣроятно, согласится, что мѣстничество между лицами, сословіями и городами составляло одинъ изъ самыхъ драматическихъ стихій русской старины. Къ сожалѣнію, о немъ подробныхъ данныхъ немного. Нѣкоторыя уцѣлѣвшія дѣла, изданныя преимущественно господами Ивановымъ и Погодинымъ, нѣкоторыя указанія въ Собраніи законовъ и въ спасенныхъ отъ огня разрядныхъ книгахъ, — вотъ все, что, кажется, осталось для любознательности ученаго, для усвоенія худож-

Digitized by Google

нику. Замѣчательная, по совѣстливости изслѣдованія, статья молодого Валуева, слишкомъ рано похищеннаго смертью у науки, есть, безъ сомнѣнія, самое лучшее разсужденіе о мѣстническихъ обычаяхъ, составлявшихъ одно изъ самыхъ рѣзкихъ выраженій до-петровскаго времени. Но полнаго обозрѣнія всѣхъ возникшихъ отъ мѣстничества пагубныхъ послѣдствій въ государственныхъ дѣлахъ и въ частной жизни, но отчетливой исторіи, систематическаго разрѣшенія исчезнувшихъ вопросовъ, у насъ нѣтъ и врядъ ли когда будетъ.

Въ драмѣ, то есть въ отдѣльной картинѣ, я не могъ, а можетъ быть и не умѣлъ, обнять всѣхъ сторонъ бѣдствія, такъ долго тяготѣвшаго надъ Россіей. Мнѣ, слѣдовательно, нужно было избрать ту эпоху, когда это бѣдствіе дошло уже до того, что самодержавная власть была вынуждена положить ему конецъ. Соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества само-по-себѣ нечто иное, какъ развязка вѣковой драмы, взволновавшей всю русскую землю. Самая сущность предмета указывала мнѣ на выборъ времени, тѣмъ болѣе, что въ это же самое время, служащее какъ бы предисловіемъ къ общему преобразованію, уже приготовлялось упорное, въ высшей степени драматическое сопротивленіе непреложнымъ требованіямъ вѣка, сопротивленіе, которое выразилось въ одно время и положительно и отрицательно, стрѣлецкими смутами и распространеніемъ расколовъ. Тѣ и другія слѣпыя и безсознательныя орудія упрямаго невѣжества тѣсно связаны съ упадкомъ мѣстничества, выражавшаго, какъ сказано выше, отличительный характеръ старинныхъ предубѣжденій. Кто вникалъ въ странное свойство стрѣлецкихъ бунтовъ, всегда прикрытыхъ мнимой законностью, подъ руководствомъ личнаго честолюбія, кто изучалъ русскіе расколы, основанные бо́льшей частью на наружномъ отпаденіи отъ церкви и вкоренившіеся впервые постоянно въ Россіи, когда исправленіе книгъ начало угрожать просвѣщеніемъ, тотъ согласится, что всѣ таковыя событія происходили отъ одного начала— старовѣрческаго обскурантизма....

Само собой разумѣется, что въ своей драмѣ я только бѣгло могъ указать на тайную связь погибающаго мѣстничества, политическихъ ересей и стрѣлецкаго возмущенія. Подобный предметъ слишкомъ значителенъ, слишкомъ многостороненъ для тѣсной рамы драматическаго сочиненія.

Digitized by Google

Теперь же отъ общей исторической основы избраннаго мною предмета, обращаюсь къ самому изложенію его.

Вражда между Ромадановскими и Мстиславскими не вымышлена. Въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, окольничій князь Иванъ Иванычъ Ромадановскій, будучи приглашенъ къ царскому столу, не хотѣлъ сѣсть ниже окольничаго Василія Васильича Мстиславскаго, за что и былъ посаженъ въ тюрьму на два дня. Несмотря на это наказаніе, споръ возобновился спустя шесть дней, за столомъ у патріарха. Ромадановскаго привели и посадили силою, но онъ упалъ со скамьи, и его принуждены были поднять и держать подъ руки. Вслѣдствіе этого царскимъ указомъ, сохраненнымъ въ Общемъ Собраніи законовъ, приговоренъ Ромадановскій къ выдачѣ Мстиславскому головой, что и было исполнено. Несмотря на то, меньшой братъ князя Ивана, князь Василій, спустя менѣе года, билъ челомъ государю въ отчествѣ на того же Мстиславскаго и былъ приговоренъ къ уплатѣ этому послѣднему за безчестіе трехъ-сотъ пятидесяти рублей.

Мстиславскій вскорѣ послѣ того пожалованный въ бояре, былъ, какъ извѣстно, достойнымъ царскимъ любимцемъ и быстрымъ своимъ возвышеніемъ не могъ, въ особенности по понятіямъ того времени, не навлечь на себя явныхъ завистниковъ и враговъ.

Впрочемъ—пишетъ Берхъ—по актамъ, современнымъ царю Алексѣю Михаиловичу, видно, что родъ Ромадановскихъ превосходилъ необузданной своей гордостью всю мѣру приличій, преданности къ монарху и уваженія къ родству.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что князь Григорій Григорьичъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Михаиломъ, во время украинскихъ войнъ погибшій отъ стрѣлецкаго бунта, мѣстничалъ съ роднымъ племянникомъ, и, чтобы не уступить ему, ослушался царской воли.

Этотъ сынъ князя Григорія, князь Михаилъ Григорьичъ Ромадановскій, избранъ однимъ изъ главныхъ двигателей въ предлагаемой драмѣ. Тридцать лѣтъ послѣ униженія своихъ двоюродныхъ братьевъ передъ Мстиславскими, онъ подписалъ Соборное дѣяніе, объ уничтоженіи мѣстничества рядомъ съ Иваномъ Васильичемъ Мстиславскимъ, но ниже его однимъ мѣстомъ. Равнымъ образомъ на бывшихъ потомъ при дворѣ печальныхъ

Digitized by Google

церемоніяхъ князь Михаилъ Ромадановскій вездѣ поставленъ ниже Мстиславскаго. Въ спискѣ же бояръ, подписавшихъ Соборное дѣяніе, князь Григорій Григорьичъ Ромадановскій записанъ 13, князь Ѳедоръ Григорьичъ Ромадановскій 31, Иванъ Васильичъ Мстиславскій 32, а князь Михаилъ Григорьичъ Ромадановскій 33. Разумѣется, это происходило отъ старшинства въ производствѣ; но это самое сближеніе, при предшествовавшихъ обстоятельствахъ, не доказываетъ ли, что князь Михаилъ Ромадановскій долженъ былъ почитать себя обиженнымъ Мстиславскимъ, если не по разрядной, то по родовой чести.

Многіе весьма ошибочно полагаютъ, что мѣстничество основывалось на одномъ служебномъ отличіи и вовсе не на родовомъ. Напротивъ, оставшіеся акты явно показываютъ, что въ мѣстническихъ актахъ мѣсто было только предлогомъ, основаніемъ же было отечество или отчество, что уже по одному названію изобличаетъ начало чисто генеалогическое. Такимъ образомъ тотъ же окольничій князь Иванъ Ромадановскій, о которомъ упомянуто выше, билъ челомъ въ отчествѣ на боярина Салтыкова, тогда-какъ званіе боярина, безспорно, было выше окольничаго. Любопытно, что во всѣхъ дѣлахъ подобнаго рода сужденіе или отстраняется какой-нибудь отговоркой, или если произносится въ чью-нибудь невыгоду, то сопровождается всегда объясненіемъ, что домогательство было неосновательно по самымъ понятіямъ родового старшинства, тогда-какъ довольно было бы, кажется, упомянуть объ ослушаніи противъ царской воли. Такое снисхожденіе не доказываетъ ли явно всю вкоренившуюся силу, все неистребимое вліяніе родового начала. Не будь этого, къ чему объясненія. Да и самыя наказанія были, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, обыкновенно незначительны, не сопровождались никакимъ понятіемъ о безчестіи и не лишали ни дальнѣйшихъ повышеній, ни даже царской милости.

Но если нельзя отвергать кичливости породы, т. е. аристократическаго духа русской старины, нельзя въ тоже время не скорбѣть о жалкомъ, даже преступномъ примѣненіи этого духа, который поддерживался не полезнымъ соревнованіемъ, не горделивой увѣренностью въ дѣйствительно оказанныхъ услугахъ, а малодушною мнительностью и ложнымъ честолюбіемъ. Русское боярство, впавъ въ самую жалкую крайность аристократизма, лишило себя не только высокаго значенія въ необразо-

Digitized by Google

ванномъ еще обществѣ, но даже отъ ничтожности своихъ дѣйствій заставило сомнѣваться въ своемъ существованіи.

Этотъ заслуженный упрекъ хотѣлъ я высказать; и можно ли было не высказать его въ сочиненіи, посвященномъ мѣстничеству?

Представителемъ нынѣ къ счастью совершенно исчезнувшихъ понятій, типомъ неизбѣжнымъ въ драмѣ, относящейся до того времени, выбралъ я князя Михаила Григорьича, къ чему побудила меня еще другая важная причина, а именно та, что онъ былъ замѣшанъ въ стрѣлецкихъ смутахъ, — явленіи, имѣвшемъ тайную связь съ мѣстничествомъ. Князь Михаилъ Григорьичъ хотя и находился во время Соборнаго дѣянія въ Москвѣ, но бо́льшую часть своей жизни провелъ на Украйнѣ со стрѣльцами, чѣмъ и оправдываются его отношенія съ ними въ моей драмѣ. Онъ вездѣ упоминается въ походахъ В. Ѳ. Голицына въ товарищахъ къ отцу своему князю Григорію Григорьичу, сперва стольникомъ, а потомъ бояриномъ. Въ 1675 году велѣно ему быть *по-прежнему* съ Сѣвскимъ полкомъ. Жизнь его была преимущественно военная, что́ доказывается и тѣмъ, что еще въ 1698 году шедшіе для бунта изъ Торопца въ Москву стрѣльцы были его полка. Въ этомъ бунтѣ Ромадановскій участвовалъ, хотя можетъ быть и не прямымъ образомъ. Въ запискахъ Желябужскаго сказано, стр. 71: «и на Воронежѣ былъ гнѣвъ и опала на боярина князя Михаила Григорьича Ромадановскаго съ солдатами въ деревню свою, что́ на Клязьмѣ», а стр. 73: «а боярина князя Михаила Григорьича Ромадановскаго взяли изъ деревни въ Семеновское *для розыска и очныхъ ставокъ съ достальными стрѣльцами, и очныя ставки у него съ ними были*».

Въ спискѣ бояръ, составленномъ Берхомъ, годъ смерти князя Михаила Ромадановскаго не отвѣченъ. Вѣроятно онъ умеръ въ своей деревнѣ подъ царскою опалою, за преступное участіе въ стрѣлецкихъ замыслахъ.

Какая же причина побудила Ромадановскаго принять участіе въ смутахъ, жертвой которыхъ былъ отецъ его, — неизвѣстно. Но зная характеръ рода его и духъ времени, нельзя не полагать съ достовѣрностью, что эта причина была нечто иное, какъ какое-нибудь неудовольствіе, относящееся до мѣстническаго тщеславія, долго сохранившагося въ нравахъ, несмотря даже на самое уничтоженіе счета о мѣстахъ. — Если же предположеніе

Digitized by Google

это покажется основательнымъ, то съ кѣмъ же и было мѣстничаться Ромадановскому какъ не съ Мстиславскимъ, который всегда становился выше его однимъ мѣстомъ, тогда-какъ вражда между обоими родами и безъ того есть уже фактъ, исторически доказанный.

Я воспользовался этими данными для завязки своей драмы и набавилъ только произвольно нѣсколько годовъ Ромадановскому, который въ 1681 году не могъ еще быть дряхлымъ старикомъ. Въ этомъ преступленіи каюсь откровенно.

Строгіе знатоки замѣтятъ мнѣ можетъ быть еще, что между боярами не было извѣстныхъ случаевъ выдачи головой въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича. — На это представляю слѣдующее оправданіе. Многое, и къ сожалѣнію, слишкомъ многое, изъ того времени или еще не найдено, или утрачено безвозвратно. Что мѣстничество было при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ въ полномъ разгарѣ, то доказывается, не говоря уже о самомъ Соборномъ дѣяніи, указомъ 1679 года, которымъ повелѣно не считаться отечествомъ и не ставить никому въ оскорбленіе и укоризну назначенье въ крестные ходы для препровожденія святыхъ иконъ, такъ-какъ бояре даже при освященіи воды и церковныхъ обрядахъ начали считаться между собою мѣстами и тутъ находили новые поводы къ ссорамъ и враждамъ. Самыя же мѣстническія событія того времени тщательно истреблены сожженіемъ тогдашнихъ обрядныхъ случаевъ. — Но въ запискахъ къ Сибирской Исторіи я отыскалъ, что въ 1681 г. по государевой грамотѣ въ Тобольскѣ приведенъ былъ и головой отданъ преосвященному Павлу митрополиту сибирскому и тобольскому тобольскій воевода стольникъ Михаилъ Приклонскій. — Слѣдовательно, выдача головой допускалась царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ какъ мѣра наказанія. Такимъ образомъ, если я и переставилъ выдачу головой Ромадановскихъ Мстиславскимъ на 30 лѣтъ, то нѣтъ сомнѣнія, что въ изображенную мною эпоху такая выдача *могла* случиться. Большаго и требовать нельзя. Утверждающимъ противное я могу отвѣчать, что она *могла быть*, а *можетъ быть и была въ самомъ дѣлѣ*.

Обращаюсь еще къ важнѣйшему предмету, а именно къ стрѣлецкимъ безпорядкамъ, которые начинаются у меня еще при жизни царя Ѳеодора Алексѣевича, тогда-какъ исторія обыкновенно записываетъ ихъ послѣ кончины.

Digitized by Google

Но и на то представляю оправданіе.

Изъ 4-хъ актовъ, напечатанныхъ Археографическою Коммиссіею (1672 — 1682), видно, что для содержанія стрѣльцовъ были сдѣланы новые оклады, причинившіе недоимки и недодачи — поводъ къ сильному негодованію.

Къ тому же притѣсненія отъ полковниковъ, — притѣсненія, подробно описанныя въ актахъ того времени, превосходили дѣйствительно всякую мѣру. Первое челобитье было подано царю Ѳеодору Алексѣевичу на Богдана Пыжова. Розыскъ по челобитью былъ порученъ Языкову, который обвинилъ стрѣльцовъ, стрѣльцы были преданы жестокому наказанію, но, несмотря на то, принесли вторично жалобу на Семена Грибоѣдова. Грибоѣдовъ былъ посаженъ въ тюрьму на одинъ день. Впослѣдствіи онъ былъ разжалованъ и наказанъ, а въ читанномъ ему указѣ прописаны всѣ чинимыя имъ неправды.

«Стрѣльцы же—пишетъ Медвѣдевъ въ своихъ записскахъ— «не только той расправой (т. е. заключеніемъ Грибоѣдова на одинъ день въ тюрьму) не были удовольствованы, но паче на ярость подвигошася и начаху себѣ такожде за праведное свое челобитіе неправеднаго наказанья и сеылки чаяти и того ради во всѣхъ полкахъ тайно начаша мыслити, — какъ бы того бѣдства избыти».

Но этого мало.

Одного стрѣльца, взятаго въ приказъ и приговореннаго къ казни, стрѣльцы отбили силой и увели съ собой.

Въ тоже время повсемѣстно случались въ Москвѣ пожары. Зажигателями, по всему вѣроятію, были стрѣльцы, начинавшіе свои буйства.

Неудовольствія же ихъ на бояръ ясно изображены въ челобитной, поданной ими въ оправданіе мятежа, совершившагося уже по кончинѣ царя Ѳеодора Алексѣевича. — Но самый мятежъ былъ только послѣдствіемъ взрыва, приготовленнаго во время самого Соборнаго дѣянія, т. е. за 3 мѣсяца передъ событіемъ.

На этихъ данныхъ основана моя драма.

Одно назначеніе въ полковники Лаврентія Сухарева можетъ быть слишкомъ преждевременно, но точнаго опредѣленія его въ эту должность я нигдѣ не отыскалъ, а потому по принятому мной правилу и воспользовался возможностью, которой ничто

Digitized by Google

очевидно не противилось. — Впрочемъ, говоря о стрѣльцахъ, можно ли было не упомянуть о Сухаревскомъ полкѣ, который, благодаря твердости своего полковника и одного пятидесятника, не увлекся кровавымъ безуміемъ своихъ товарищей?

Наконецъ соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества, какъ фактъ важнѣйшій въ цѣлой драмѣ, сохранено мною въ точности. Указъ, читанный съ постельнаго крыльца, сокращенъ изъ самого акта.

Относительно же подробностей, разбросанныхъ въ драмѣ, я могъ бы прибавить къ ней цѣлый томъ приложеній, съ указаніемъ ихъ источниковъ. Но такъ-какъ трудъ мой — собственно трудъ не историческій, а литературный, то я рѣшился не прибѣгать къ этому извѣстному способу выказывать дешевую ученость.

Укажу однако же на одну статью изъ Кошихина, въ которой оправдывается странное и, слава Богу, нынѣ непонятное обвиненіе стрѣльца, составляющее сущность моего 2-го дѣйствія.

Стр. 23: «А который бы человѣкъ кромѣ вахты на Москвѣ и въ селѣхъ пошелъ черезъ царскій дворъ съ ружьемъ, саблею, или пистольми, тайнымъ обычаемъ, съ простоты, а не умысломъ злымъ, а такого бъ человѣка увидѣвъ, или бъ кто на него указалъ, поймавъ, пытали бъ, для чего онъ черезъ царскій дворъ шелъ съ ружьемъ, не на царя или на его домъ или на бояръ и на думныхъ и на ближнихъ людей, и не по наученію ль чьему, отъ кого, отъ бояръ и думныхъ и ближнихъ людей, или отъ посадскихъ и отъ гуляющихъ людей и отъ крестьянъ, — а далѣе, или не по наученію какого иного патентата».

Само собою разумѣется, что любовь молодого Мстиславскаго и лицо Петрова совершенно вымышлены, но этого драмѣ, кажется, въ укоръ ставить нельзя.

Бо́льшая же часть дѣйствующихъ въ драмѣ лицъ существовали дѣйствительно, какъ-то бояре и стрѣльцы. Даже Алешка палачъ, Тараска дуракъ, дьякъ Калина Патрикѣевъ упоминаются въ лѣтописяхъ того времени.

Почему, спросятъ можетъ быть снова, сжалъ я такой широкій предметъ въ такую тѣсную раму, — почему не представилъ я полнаго развитія гордой драмы русскаго мѣстничества, почему привелъ я къ одному знаменателю столько разбросанныхъ данныхъ, которыя могли бы обнять не нѣсколько дней, а цѣлые десятки лѣтъ руской жизни? — На эти вопросы я и

Digitized by Google

отвѣчать не умѣю. — У каждаго свои понятія и свои способности. Не признавая вполнѣ правила трехъ единствъ, я не могу отстать отъ мысли, что въ драматическомъ дѣлѣ частыя перемѣны декорацій и времени охлаждаютъ ходъ дѣйствія. Шекспиръ не обращалъ вниманія на подобныя мелочи. Но зато онъ былъ Шекспиръ. Одной сценой, однимъ словомъ онъ вознаграждалъ за довольно скучныя явленія и утомительное ожиданіе. Намъ же пренебрегать правилами искусства и всѣми уловками театральныхъ эффектовъ нельзя, потому-что слишкомъ будетъ надмѣнна мысль о вознагражденіи ихъ болѣе цѣнными красотами. Я писалъ пьесу свою собственно для театра, даже для нѣкоторыхъ актеровъ и не пренебрегалъ ничѣмъ, что относится до сценическаго впечатлѣнія. Для иныхъ это можетъ показаться достоинствомъ, для другихъ недостаткомъ. Спорить не стану. Одно могу сказать, трудъ мой исполненъ добросовѣстно; я старался изучить обычаи избраннаго мною времени и передать ихъ по возможности тогдашнимъ языкомъ. Впрочемъ и тутъ остерегался педантства и заботился болѣе, чтобы рѣчь моя, по излишней вѣрности, не дѣлалась утомительною для всѣхъ и непонятною для нѣкоторыхъ...

Пора остановиться. На поприщѣ литературнаго самохвальства — лиха бѣда начать. Когда драма сама себя не защититъ, мнѣ защищать ее нечего. Какая бы ни была ея участь, я обязанъ ей сближеніемъ съ русской стариной и тихимъ занятіемъ. Въ грустныя минуты одиночества оно едва ли не самый надежный успѣхъ всякаго труда.

Digitized by Google

МѢСТНИЧЕСТВО

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Digitized by Google

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ГРИГОРЬИЧЪ РОМАДАНОВСКІЙ.
ИВАНЪ ВАСИЛЬИЧЪ МСТИСЛАВСКІЙ.
КНЯЗЬ НИКИТА ИВАНЫЧЪ ОДОЕВСКІЙ.
ПЕТРЪ ВАСИЛЬИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ.
ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ПРОНСКОЙ.
КНЯЗЬ ЮРІЙ АЛЕКСѢИЧЪ ДОЛГОРУКОЙ.
ВАСИЛІЙ ИВАНЫЧЪ МСТИСЛАВСКІЙ.
ЖЕЛЯБУЖСКОЙ.
ТОЛСТОЙ.
СУББОТА ПЕТРОВИЧЪ БЕЗДОМНЫЙ, знакомецъ князя Ромадановскаго.
АННА ВАСИЛЬЕВНА МСТИСЛАВСКАЯ, боярыня, супруга Ивана Васильича.
Золовка ея.
Свояченица ея.
КСЕНІЯ.
МАША.
ПРАСКОВЬЯ.
ЕВДОКІЯ.
ПЕТРОВЪ, стрѣлецъ.
ОЛЬГА, дочь его.
КАЛИНЫЧЪ, дворецкій Мстиславскаго.
ДЬЯКЪ КАЛИНА ПАТРИКѢЕВЪ.
ТАРАСКА, дуракъ.
АФАНАСЬЕВЪ, стрѣлецъ.
КУЗМА ЧЕРНЫЙ.
БОРЬКА ОДИНЦОВЪ.
ДОРОСЬКА ПЕТРОВЪ.
Стрѣльцы.
Бояре.
Слуги.
Подъячіе.
Простолюдины.
Народъ.

(Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ 1681 году).

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Роскошныя боярскія палаты Ивана Васильича Мстиславскаго, украшенныя арабесками по карнизу и около оконъ. Посрединѣ столбъ, поддерживающій своды и украшенный поставцомъ съ серебряной посудой. Кругомъ лавки и скамьи, покрытыя коврами.

Слуги суетятся, носятъ тарелки и пр. Сквозь полуотворенную дверь видно приготовленіе къ пиршеству. Болѣе всѣхъ суетится Калинычъ, дворецкій.

ЯВЛЕНІЕ I.

КАЛИНЫЧЪ и СЛУГИ.

КАЛИНЫЧЪ.

Ну, ну, поторопливайтесь же! Того гляди, гости нагрянутъ, а у насъ еще ничего не припасено. Позоръ такой будетъ, что прости Господи. Ромадановскіе люди узнаютъ, на смѣхъ подымутъ. Смотрижь. Солоницы-то поставьте въ средину, судки-то по сторонамъ. Слышите? Да гляди, не разбейте стклянницъ. Вина-то все дорогія: ренское, фряжское, бастра, романея. Шутка сказать! рублевъ на пять слишкомъ будетъ. — Вы это что несете?

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Брагу мартовскую.

КАЛИНЫЧЪ.

Ну, ладно. Серебряные ковши положь туда. Ручники-то узорчатые разложи вокругъ стола, да повиднѣй такъ. Чтожь вы выпучили глаза, дармоѣды этакіе, мало васъ, что ли?! Слава Богу, триста человѣкъ на боярскихъ животахъ, а все толку отъ

Digitized by Google

васъ не видать. Да смотрите, не зѣвать, блюда-то подавать по порядку, не торопяся и не мѣшкая. Сперва перепечь и холодное, потомъ похлебку, потомъ куря во щахъ богатыхъ, потомъ пироги кислые съ сыромъ, пироги подовые не торговое дѣло, блины тонкіе, — да не забудьте. Слышите ли?

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Какъ не слыхать?

КАЛИНЫЧЪ.

А тамъ кашу въ горшечкахъ фарфорныхъ, что̀ изъ Нѣмечины, — а тамъ блюдо барапины съ карасями, а тамъ папорокъ лебединъ подъ шафраннымъ взваромъ, а тамъ рябъ окрашиванъ подъ лимонъ, а тамъ блюдо жаворонковъ, а тамъ поросенка и жаркое, а тамъ ужь верченое да овощи да сахары нарядные. Да смотрѣть у меня въ оба. Гостямъ кланяться да подливать, сколько душѣ угодно. Пей не хочу. — Ты съ чѣмъ?

ВТОРОЙ СЛУГА.

Да вотъ городъ сахарный, Кремль съ башнями.

КАЛИНЫЧЪ (улыбаясь).

Ну, молодецъ Ванька поваръ. Экое взгромоздилъ подобіе.— Ну, ступай, ставь же на столъ. Да пересчитай, всѣ ли тамъ серебряныя лощатыя братины, ковши да кубки. — Серебра, слава Богу, довольно.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

А что̀, Иванъ Калинычъ, чай, Ромадановскимъ вѣкъ не задать такого пира?

КАЛИНЫЧЪ.

Гдѣ имъ собакамъ! Только что лаяться умѣютъ.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

А ономнясь ихній дворецкій Парамонъ Семенычъ хвалился, что ему не чета съ тобой знакомство вести. Порука будетъ моей чести, говоритъ, — мы-де по разрядамъ выше ихъ стоимъ семью мѣстами.

КАЛИНЫЧЪ.

Ахъ онъ, окаянный! Я бы ему всю бороду выщипалъ по разрядамъ. Мало учили мы ихъ, что̀ ли? выдавали же ихъ намъ головой при батюшкѣ Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, — нѣтъ, опять-таки туда лѣзутъ. Вотъ знаешь ли, братъ, когда!... Ну, такъ и

Digitized by Google

есть.... вотъ и гость пожаловалъ. Да неважная птица — Ромадановскихъ знакомецъ. — Этотъ и подождать можетъ.

(Слуги и Калинычъ низко кланяются, входитъ Суббота Петровичъ Бездомный, съ бритою бородой, въ полу-польскомъ костюмѣ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

БЕЗДОМНЫЙ и ТѢЖЕ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Что́, дорогого именинника еще нѣтъ дома?

КАЛИНЫЧЪ.

Никакъ нѣтъ еще, батюшка; во дворецъ поѣхалъ, къ Царскимъ Величествамъ, съ именинными калачами на поклонъ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Да я такъ и думалъ. — Ну да ничего, и подождать можно. Время досужое. Зашелъ-было къ спѣвакамъ повторить кантату, на партесный голосъ, да Воробьева не засталъ. Ушелъ, говорятъ, на казенный дворъ, кармозинновыя рукавицы получать. — Ну, думаю.... спозаранку заберусь къ имениннику.... первый поздравлю.

КАЛИНЫЧЪ (въ сторону).

Вретъ онъ, злочинецъ: провѣдывать пришелъ.... отъ Ромадановскихъ лазутничать. Ужь не будь онъ гостемъ, сказалъ бы я ему непригожее слово. *(Вслухъ)* Нашъ Василій Иванычъ дома, батюшка; коли прикажешь, пойду доложу о твоемъ приходѣ. *(Уходитъ.)*

БЕЗДОМНЫЙ (одинъ).

Экія богатства, ткани асхамитныя, ковры кизилбашскіе, бархаты черевчаты; а посуды-то, посуды.... Нечего сказать, добра много. Да какъ-то самимъ сдобровать съ Ромадановскимъ нашимъ, съ Михайломъ Григорьичемъ. — А досадно, что Воробьева не засталъ. Какъ бишь хвалебный-то стихъ они разучиваютъ? *(Поетъ.)*

Ты Ѳеодоръ царь
Наипаче аще свѣтъ намъ явиша
Наукъ и Россія вся да просвѣтиша,
Да не тому намъ странніе смѣются,
Яко безъ свѣта сущихъ ручаются.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ и ПРЕЖНІЕ.

КАЛИНЫЧЪ.

Ну, что́ вы тутъ глазѣете? Ступайте по мѣстамъ. *(Уходитъ со слугами.)*

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Виноватъ.... что не встрѣтилъ. Прошу извинить. Вы, кажется, пѣньемъ занимались.

БЕЗДОМНЫЙ.

Да; Медвѣдевъ Сильвестръ сложилъ новую кантату. Да вотъ никакъ затвердить не могу.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Да зачѣмъ же вамъ?

БЕЗДОМНЫЙ.

Да какъ же.... Теперь всѣ придворные поютъ съ пѣвчими дьяками на крилосѣ, да и такъ просто въ палатахъ всякіе строчные и демественные большіе стихи изъ праздниковъ и изъ тріодей драгія вещи. Ну, оно-таки и понятно *(шопотомъ)*: регентомъ, чаю, сами знаете теперь кто?

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Ужь не думаете ли вы итти въ духовное званіе?

БЕЗДОМНЫЙ (смѣется).

Что́ вы.... нѣтъ. Это я такъ, по обычаю.... для пріятности старшимъ.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Такъ это, такъ сказать для лицемѣрства.

БЕЗДОМНЫЙ.

Да ктожь и не лицемѣритъ теперь, Василій Иванычъ. Иной съ виду и Богъ знаетъ какой смиренникъ, а развѣдай хорошенько, такъ и узнаешь кое-что.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Бываетъ, Суббота Петровичъ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Бываетъ, Василій Иванычъ. Да вотъ хоть я скажу. Я знаю сына одного важнаго у насъ боярина... какъ бишь его?... забылъ прозвище. Живетъ, кажется, въ страхѣ Господнемъ, всенощ-

Digitized by Google

ной не пропуститъ, словно красная дѣвица. Водой не помутишь.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ (въ сторону).

Къ чему это онъ рѣчь ведетъ?

БЕЗДОМНЫЙ.

День и проходитъ благочестиво, а вечоръ, какъ люди спать полягутъ.... Онъ мой голубчикъ *(смотритъ на одежду Ивана Васильича)* сниметъ съ себя алый полукафтанчикъ, отложитъ въ сторонку мѣха дорогіе, жемчужныя вышивки, да надѣнетъ простой армячокъ, а тамъ потихоньку и пробирается.... и знаете ли куда? За Крымскій бродъ, въ Стрѣлецкую слободу.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ (вспыльчиво).

Кто тебѣ сказалъ это?

БЕЗДОМНЫЙ.

Слухомъ земля полнится.... А въ Стрѣлецкой слободѣ живетъ стрѣлецъ Петровъ.... да это бы еще ничего. У стрѣльца-то дочка. Ольга, кажется. Ольга, что̀ ли? заглядѣнье дѣвка, маковъ цвѣтъ! Немудрено, что и полюбилась красавица доброму молодцу.... Да у насъ эти-то дѣла какъ-то плохо чествуютъ. Такъ вотъ какія бываютъ лицемѣрства, Василій Иванычъ.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Да.... да.... Грѣха таить нечего. Сгубила меня буйная молодость. Такъ слушай же.

БЕЗДОМНЫЙ.

Что̀ тутъ слушать. Наше вѣдь дѣло холостое. Въ Патріаршій Приказъ на покаяніе отдадутъ. Хуже не будетъ.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Нѣтъ, выслушай правду. Дѣло вотъ какъ было: около Троицына дня шелъ я для прогулки на Поклонной горѣ, Поприщахъ въ двухъ никакъ отъ Москвы. Вижу, на встрѣчу мнѣ идетъ стрѣлецъ, запыленный весь, видно съ дальней дороги. Рядомъ съ нимъ телѣга въ одну лошадку, на телѣгѣ дѣвушка. Взглянулъ я, да и отвернулся. Ну, самъ посуди, покраснѣлъ весь, сердце замерло. Хотѣлъ уйти поскорѣе отъ грѣха.... Такъ что̀ же?... Она, дѣвушка, заговариваетъ со мной, не запинаясь, не стыдясь вовсе, словно съ роднымъ братомъ, разспрашиваетъ, гдѣ путь-дорога къ Стрѣлецкой слободѣ. Испугался я, правду сказать, сперва, да потомъ взглянулъ — заглядѣлся. Откуда взялась смѣлость. Самъ сталъ развѣдывать. Узналъ, что отецъ

Digitized by Google

идетъ на службу изъ Сѣвска, что у нихъ тамъ не тотъ обычай, что у насъ: женщины не стыдятся, не бѣгаютъ людей, не прячутся, не то, что у насъ.... Странно оно, а полюбилось мнѣ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Какъ не полюбиться!

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Тутъ-то я провѣдалъ, что они за люди, гдѣ они жить станутъ, а тамъ, грѣха не утаить, не назвалъ я себя именемъ, чтобъ знаешь.... не напугать ихъ. Сперва странно было, совѣстно, стыдно. А потомъ и стыдъ забылъ. Теперь одно у меня на душѣ — взглянуть на нее.

БЕЗДОМНЫЙ.

Тото же. Берегитесь Патріаршаго Приказа.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Да нѣтъ.... не то!... Клянусь всѣмъ святымъ.... у меня и помысла нѣтъ грѣховнаго глядя на нее.... Только бы наслушаться да наглядѣться.

БЕЗДОМНЫЙ.

Ну, а что же батюшка-то вашъ на это скажетъ?

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Батюшка не знаетъ. Сохрани Богъ, какъ дойдетъ до него. Быть бѣдѣ.... Ну, да какъ Богу угодно.... Только смотри, не говори чего знаешь, — слезно прошу. Нето.... мнѣ терять нечего.... я не въ умѣ своемъ, я все забуду, я совершу пожалуй злодѣяніе. Я наложу на себя руки, да ужь и тебѣ тогда не сдобровать.

БЕЗДОМНЫЙ.

Нѣтъ, нѣтъ. Спасибо за угощенье. Живите съ своей стрѣльчихой. Видите, коли говорить правду, дѣвка-то и мнѣ приглянулась. Да какъ узналъ я про васъ, такъ я и на попятный. Гдѣ же мнѣ съ такимъ молодцомъ тягаться!

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Такъ ты никому не скажешь?

БЕЗДОМНЫЙ.

Никому, никому, видитъ Богъ, убей меня громъ.... *(Въ сторону)* благо ужь разсказано.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Смотри же.

Digitized by Google

БЕЗДОМНЫЙ.

Слушаю, слушаю.... А, гости идутъ. Слава Богу. Напугалъ онъ меня совсѣмъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже, ТОЛСТОЙ и ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

ТОЛСТОЙ.

Неслыханная милость.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Кто бы могъ подумать.

ТОЛСТОЙ.

Въ наше время.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Послѣ всего сказаннаго.

ТОЛСТОЙ.

Не въ примѣръ другимъ.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Ужь подлинно счастье.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Андрей Иванычъ, Иванъ Афанасьичъ, прошу извинить. Батюшка сейчасъ будетъ, въ Кремль поѣхалъ.

ТОЛСТОЙ.

Знаемъ, Василій Иванычъ, знаемъ. Мы сами сейчасъ оттуда, — да и поспѣшили поздравить его въ домѣ, съ царской милостью, съ боярскимъ приговоромъ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Съ милостью?

БЕЗДОМНЫЙ.

Съ какой милостью?

ТОЛСТОЙ.

Какъ, вы еще не знаете? дѣло-то его по отчеству съ Ромадановскимъ, съ Михаиломъ Григорьичемъ, порѣшено сегодня.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Какъ же порѣшено, по обычаю, что ли?... отказано обоимъ....

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Тото что нѣтъ. Приговорено, что Михаилъ Григорьичъ билъ челомъ не по своей мѣрѣ, не сказалъ дѣломъ, а за безчестье

Digitized by Google

твоему батюшкѣ государь не приказалъ наказывать Ромадановскаго ни тюрьмой, ни батогами. Приказалъ лучше — выдать его головой.

БЕЗДОМНЫЙ.

Ахъ ты, Боже мой!

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Великая милость.

ТОЛСТОЙ.

Да такая милость, что люди не запомнятъ. Гдѣ же то онъ, нашъ голубчикъ, дорогой нашъ именинникъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ, КАЛИНЫЧЪ, а потомъ БОЯРИНЪ ИВАНЪ ВАСИЛЬИЧЪ МСТИСЛАВСКІЙ.

КАЛИНЫЧЪ.

Бояринъ пріѣхалъ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ (обнимая гостей).

А, Иванъ Аѳанасьичъ, Андрей Иванычъ, Суббота Петровичъ. Просимъ извиненія, простите великодушно, что не встрѣтилъ у воротъ съ должнымъ почетомъ.

ТОЛСТОЙ.

Съ именинами. Иванъ Васильичъ.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Съ царской милостью.

БЕЗДОМНЫЙ.

Съ боярскимъ приговоромъ.

ТОЛСТОЙ.

Много лѣтъ тебѣ здравствовать.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Въ полномъ удовольствіи.

БЕЗДОМНЫЙ.

Въ почетѣ и радости.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Спасибо, спасибо, родные. Ну, угостилъ ли ты, Василій, нашихъ дорогихъ гостей? Чтожь не подчивалъ, не усадилъ? Извините, молодъ еще, зеленъ, робокъ. Эй, Калинычъ. Все ли, братъ, у тебя готово?

Digitized by Google

КАЛИНЫЧЪ.

По твоему, батюшка, приказанью.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Ну, смотри, чтобъ дорогіе наши гости не помянули насъ лихомъ, не осмѣяли нашу скаредность.... Чѣмъ Богъ послалъ.... Да знаешь ли что̀ братъ, къ намъ пожалуетъ неожиданный гость.... князь Михаилъ Григорьичъ.

КАЛИНИЧЪ (шопотомъ).

Слышалъ, батюшка, слышалъ. Теперь насъ не трогай. Ужь я теперь дамъ себя знать этому Перемону.

ИВ. ВАС. МСТИЛСАВСКІЙ

Недостоинъ, истинно недостоинъ великой милости. Да что̀жь, дорогіе гости, не положите вы вашихъ шапокъ? Отбирай же шапки.... что ты стоишь какъ вкопаный?

БЕЗДОМНЫЙ.

Не безпокойтесь пожалуйста.

ТОЛСТОЙ.

Сами положимъ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Да садитесь же пожалуйста, ну, сдѣлайте милость. Не охайте моего дома.

БЕЗДОМНЫЙ.

И постоять можемъ.

ТОЛСТОЙ.

Мы не устали.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Всѣ сидѣли.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Да сдѣлайте мнѣ одолженіе, лавчонки нарочно для васъ покрылъ рухлядишкой, нарочно купилъ у Кизылбаша. Да кланяйся же, Василій. Экой неповоротливый, братецъ! точно въ чужомъ домѣ.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

А мы слышали, Иванъ Васильичъ, что тебя еще можно поздравить съ третьей радостью.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

А съ какою же, батюшка?

Digitized by Google

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Да говорятъ, что будто вы своего Василья Иваныча сговорили съ княжной Долгоруковой.

БЕЗДОМНЫЙ (на ухо Вас. Ив.).

Правда, что́ ли? Вотъ тебѣ и Стрѣлецкая слобода.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Отвяжись отъ меня.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ (улыбаясь).

Ну.... ну, это дѣло еще темное. Были, сказать правду, о томъ рѣчи у насъ съ Юріемъ Алексѣичемъ, да еще время не ушло. Парень молодъ еще, глуповатъ; а впрочемъ, кто знаетъ. Богъ милостивъ, можетъ и онъ найдетъ свое счастье.

КАЛИНЫЧЪ.

Батюшка, Иванъ Васильичъ, бояре у околицы ѣдутъ. Сейчасъ у воротъ будутъ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Вася, бѣги проворнѣе на встрѣчу. Ну, извиненія прошу, гости честные. Сами знаете.... Бояръ-то ужь нельзя не встрѣтить. Вотъ-вотъ сейчасъ же вернусь.... Да садитесь же, пожалуйста. Будьте какъ дома, у себя.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Благодаримъ за честь. Просимъ не безпокоиться.

(Ив. Вас. поспѣшно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ, ТОЛСТОЙ и БЕЗДОМНЫЙ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Вотъ, можно сказать, достойному и счастье.

ТОЛСТОЙ.

Настоящій бояринъ.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Русскій человѣкъ, добродѣющій, хлѣбосольный.

БЕЗДОМНЫЙ.

Коли правду сказать, вѣдь и удачи много.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Это такъ.

Digitized by Google

ТОЛСТОЙ.

Объ этомъ и рѣчи нѣтъ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Ну, вотъ хоть съ Ромадановскимъ. Вѣдь знаемо дѣло, что Ромадановскій его старше семью мѣстами.

ТОЛСТОЙ.

Да вѣдь не досказалъ онъ этого, голубчикъ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Въ томъ-то и счастье все. Бояре требуютъ: положите передъ нами наказы и грамоты.... У Ромадановскаго-то онѣ всѣ на подворіи. Что же.... бѣда случилась. Пожаръ. Грамоту-то онъ представилъ, да не сполна. Припись и скрѣпа невѣдомо чья, и лѣтъ не написано и исподній столбецъ отодранъ. Ну, говорятъ, негодится.... Мстиславскій-то и правъ.

ТОЛСТОЙ.

А всякой знаетъ, что ни дѣдъ, ни прадѣдъ Ромадановскаго ниже Мстиславскихъ не были.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

А при царѣ-то Алексѣѣ Михайловичѣ.

ТОЛСТОЙ.

Ну, то дѣло особое. Царская была воля.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Да вотъ хоть въ Муромскомъ разрядѣ значится, никакъ въ семи тысячахъ пятидесятыхъ годахъ, воеводой въ Муромѣ князь Ѳедоръ Борисычъ Ромадановскій въ передовомъ полку.... А Мстиславскіе гдѣ были, развѣ что въ сторожевомъ.... Такъ вотъ что?...

ТОЛСТОЙ.

Ну, да былъ же такой примѣръ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Какъ подавали Новосильцовъ на Пушкина, Волынскій на Мстиславскаго, а князь Алексѣй Мортькинъ на князя Ивана Ромадановскаго. Что же вышло. Велѣно итти имъ по росписи, къ князю Ромадановскому большому воеводѣ, и впредь о томъ государю не бить челомъ. А теперь иначе сдѣлано. Такова судьба, видно.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Правда, вѣдь и Мстиславскіе не изъ простыхъ людей....

БЕЗДОМНЫЙ.

Да и повезло порядкомъ.

Digitized by Google

ТОЛСТОЙ.

А жаль мнѣ Ромадановскаго. Да, чай, безъ мести не оставитъ. Ты что́ смѣешься?

БЕЗДОМНЫЙ.

А вотъ увидимъ. Берегитесь. Идутъ никакъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Входятъ бояре: КНЯЗЬ НИКИТА ИВАНЫЧЪ ОДОЕВСКІЙ, ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ПРОНСКІЙ, ПЕТРЪ ВАСИЛЬИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ, князь ЮРІЙ АЛЕКСѢИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ и нѣсколько другихъ. Съ ними и оба МСТИСЛАВСКІЕ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Покорнѣйше прошу, осчастливьте мой домишко. Князь Никита Иванычъ, пожалуй, братъ, сюда, садись-ка въ уголку, Князь Юрій Алексѣичъ, Иванъ Петровичъ милости просимъ. Спасибо вамъ, отцы родные, что не побрезгали моимъ убожествомъ; а гдѣ же Козловскій князь?

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Да онъ извиниться велѣлъ: не будетъ. Охотно бы пошелъ, говоритъ къ дорогому имянинику, да боюсь попасть на недруга своего Нарышкина.

ПРОНСКІЙ.

Вотъ какъ! а Кирилъ Полуектовичъ просилъ меня повиниться за него: тоже бы пріѣхалъ, да боялся встрѣчи съ Козловскимъ.

(Бояре смѣются).

ОДОЕВСКІЙ.

Грустно, бояре, слушать эти рѣчи. Таковое ли боярское дѣло? враждовать изъ пустого, жить вѣчно въ нелюбви да въ раздорахъ!

ПРОНСКІЙ.

Да неужто по твоему допуститъ поруху родительской чести?

ДОЛГОРУКІЙ.

Обезчестить родъ свой?

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Ну, нѣтъ, князь, Никита Иванычъ, ты хоть и бывалъ за рубежемъ, въ Нѣмечинѣ, да насъ не переувѣришь. Намъ честь наша дорога.

Digitized by Google

ОДОЕВСКІЙ.

Честь боярская не въ словахъ, а на дѣлѣ, не въ радости родовой, а въ родовой заслугѣ. Многаго натерпѣлись, кажется, отъ вашей чести. У всѣхъ на памяти: царство гибнетъ, а бояре спорятъ о мѣстахъ, о старшинствѣ спорятъ. Чтó погубило Шеина? отчего въ одно лѣто побитъ Трубецкой у Конотопа, Ромадановскій у Нѣжина, Хованскій у Слонима? отчего потеряли мы Литву? отъ мѣстничества проклятаго. Чтó же? это, по вашему, значитъ честь соблюдать? Не честь это: гордость проклятая.

ПРОНСКОЙ.

Чтòжь это, князь Никита Иванычъ.

ОДОЕВСКІЙ.

Я говорю дѣло. Прійдетъ время, поймутъ люди, что боярская честь не въ мѣстѣ по правую али по лѣвую руку, а заповѣдь Божья, чтобъ итти вкупѣ передъ православными да указывать имъ путь къ житейскому благу, къ спасенію души.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Князь Никита Иванычъ, ужь надо правду сказать, никто краснѣе тебя не скажетъ.

ПРОНСКІЙ.

Да какъ же.... нынѣ же въ красѣ приговорено по нашему.

ОДОЕВСКІЙ.

На милость нѣтъ образца. Государю угодно наказать кичливость Ромадановскаго. На то его царская воля. Какъ прикажетъ, такъ и будетъ. Но царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, какъ мудрый государь, первый врагъ мѣстничеству. Положитъ онъ ему конецъ, помяните мое слово. А тогда пеняйте ужь на себя.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и ТАРАСКА дуракъ.

А вотъ и Тараска тутъ.

ТАРАСКА (пляшетъ и поетъ).

Тараска дурачекъ,
Красный колпачекъ,
Сизый кушачекъ,
Чулки вязаные,

Digitized by Google

Коты мазаные,
Штаны нанковы.... Трррр....

Здравствуй, кумъ.... Здравствуйте, ребятушки. По добру ли поживаете, хозяина объѣдаете, славное кушанье получаете, сѣно съ хрѣномъ, солому съ уксусомъ, пироги суконные?... Фырр.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Ну, ну, Тараска, повесели-ка насъ. Спасибо, что въ пору пришелъ, дуракъ.

ТАРАСКА.

Та какъ же мнѣ товарищей-то забыть своихъ. Да знаетель, старшіе, бороды большія, горе.... такое горе, что и сказать нельзя.... Въ опалу.... попалъ въ немилость. Мѣсто мое при дворѣ отняли.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Ха, ха, ха.... Ну, ври, дуракъ... Кто же мѣсто твое отнялъ?

ТАРАСКА.

Да одинъ дуракъ.... Мишка Ромадановскій, а другой здѣшній хозяинъ куманекъ *(гримаса)*. Будутъ, слышно, давать комедію безъ гуслей. Посмотримъ!... посмотримъ, ребятушки. Слышно, старыя ворота хотятъ высокую башню сбить, а народъ-то поглядитъ, куда башня полетитъ, а полетитъ она прямо въ мучную лавку, и оттого станетъ мука дорога. Хлѣба не будетъ, станемъ пряники ѣсть. Фырррр, эхъ! голубчики.

Какъ своихъ мы обойдемъ,
Сами по міру пойдемъ.
Эй сѣю, сѣю, сѣю, сѣю, сѣю
Ягоды мои.

(Поетъ и пляшетъ въ присядку. Его окружаютъ и хохочутъ).

ПРОНСКОЙ.

Ай да дуракъ!

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Ври, да знай мѣру.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Лихой, право.

ДОЛГОРУКІЙ.

Хоть кого распотѣшитъ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Что его дурака слушать! Калинычъ, доложи боярынѣ, что и закусить пора.

Digitized by Google

КАЛИНЫЧЪ.

Слушаю-съ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже и АННА ВАСИЛЬЕВНА съ золовкой, свояченицей и четырьмя дочерьми. Послѣднія двѣ маленькія. Всѣ въ жемчугахъ и парчевыхъ нарядахъ. (Анна Васильевна съ подносомъ обходитъ гостей).

ПРОНСКІЙ.

А вотъ и хозяюшка, вотъ и вдовушка золовушка, и свояченица, и дѣтки красавицы безприданницы.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Ну, смотри, кланяйся жена, да кланяйтесь, дѣти, да пониже. Просите, чтобъ не побрезгали дорогіе гости нашимъ смиреннымъ угощеньемъ.

АННА ВАСИЛЬЕВНА (Пронскому).

Что́ же вы это такъ мало выпить изволили? кушайте на здоровье.

ПРОНСКІЙ.

Благодарю покорно: душа не принимаетъ.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Ну, хоть приневолимъ маленько. Веселѣе за столъ пойдете. Не откажите, пожалуйте.

ПРОНСКІЙ.

По вашему приказанью. Желаю сто лѣтъ здравствовать.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Благодарю покорно. Просимъ на погребеніе.

ДОЛГОРУКІЙ.

А что̀, Анна Васильевна, ужь не поцаловаться ли по-русскому обычаю?

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Что́ вамъ до насъ, старухъ! Вы къ молоденькимъ это подбираетесь, а о томъ забыли.... что́ скажетъ Марина Савишна.

ДОЛГОРУКІЙ (шутя).

Да мы ей не скажемъ-съ.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Ужь развѣ такъ.

Digitized by Google

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Ну, скажите, матушка, Анна Васильевна, какъ васъ Господь Богъ милуетъ.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Слава Богу, не можемъ жаловаться. А у васъ всѣ ли здоровы?

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Слава Богу....

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

И Лукерья Ивановна, и Варвара Ильинишна?

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Жалуются, что вы ихъ забыли совсѣмъ, а еще родней считаетесь, троюродными.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Недосугъ все было.... Ну, а дѣтушки?

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Вотъ-съ старшаго съ собой привелъ. Ну, кланяйся же. (*Сынъ неловко кланяется*).... Еще не развернулся.... да подростетъ — поумнѣетъ.

ТАРАСКА.

А, тетушка, тетушка... которая же моя невѣста.... черноглазая, что́ ли.... давай-ка ее сюда.... (*Дѣвушки отворачиваются и смѣются, закрывшись руками*). Не пугайся, красавица, своего суженаго, ряженаго, стриженаго, немазаннаго. Станемъ жить не тужить, другъ друга величать да дѣтей качать.... Фырррръ.... (*Дѣлаетъ гримасы*).

ОДОЕВСКІЙ.

А давненько не видались мы съ вами, Анна Васильевна.

АННА ВАСИЛЬВНА.

Давненько, князь Никита Иванычъ! Наше дѣло вѣдь женское. Въ терему живемъ, кромѣ какъ въ церковь Божію рѣдко куда выходимъ.

ОДОЕВСКІЙ.

А въ царскія-то палаты.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Ну, слава Богу, царица матушка не оставляетъ своей милостью. Да и царевны Евдокія Алексѣевна, Марѳа Алексѣевна, Софья Алексѣевна, Екатерина Алексѣевна жалуютъ къ себѣ, а маленькихъ такъ и на рукахъ носили.

Digitized by Google

ПРОНСКІЙ.

Ну, какъ, скажи.... Иванъ Васильичъ.... не благодарить тебѣ своего Создателя.... Милость государева къ тебѣ неслыханная, домъ—полная чаша. Дородствомъ и здоровьемъ Богъ не обидѣлъ. Хозяйка и въ старости красотой и пышностью молодымъ не уступитъ; а дѣтушки-то! сынъ—богобоязливый, покорный, собой молодецъ. Дочки — заглядѣнье. Поневолѣ со стороны позавидуешь.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Благодарю, братъ, за привѣтливое слово... Слава Господу... не могу пожаловаться. Да не пора ли и за дѣло приняться. Соловья баснями не кормятъ.... Чай, довольно съ бабами-то калякали. Прошу отвѣдать моего хлѣба.

АННА ВАСИЛЬЕВНА (кланяясь).

Покорнѣйше просимъ.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Да что́ же, пожалуй. Нынче же мясоѣдъ кстати.

ПРОНСКІЙ.

Мы не-прочь.

ДОЛГОРУКІЙ.

Дѣло доброе.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Князь Никита Иванычъ, покажи дорогу.... Иванъ Петровичъ, Юрій Алексѣичъ, дорогіе вы мои гости, не взыщите.... чѣмъ Богъ послалъ. Прошу покорно.... Да войдите же.... милости просимъ.... не побрезгайте.... Жена! дѣти! кланяйтесь. Вотъ сюда. Осчастливьте.... *(Гости кланяются, церемонятся и уходятъ въ столовую)*..

ЯВЛЕНІЕ X.

АННА ВАСИЛЬЕВНА, ея золовка, свояченица и четыре дочери.

АННА ВАСИЛЬЕВНА (садится).

Дай-то Богъ, чтобъ остались довольны... Ужь ничего, можно сказать, не пожалѣла.... все свое хозяйство отдала Калинычу. Пущай знаютъ они, дорогіе гости, что не къ простымъ людямъ

Digitized by Google

пришли... Ну, да кто знаетъ!... и женишекъ можетъ быть найдется... Легко сказать, четырехъ выдать за-мужъ! (*Вздыхаетъ*).

(Дѣвочки подкрадываются къ дверямъ и смотрятъ въ щелку)

ПРАСКОВЬЯ.

Маша.... а Маша, посмотри, какъ кафтанъ на толстомъ-то блеститъ.... Золотой должно быть.

МАША.

Разумѣется, золотой. Словно солнце горитъ.

ПРАСКОВЬЯ.

Ай да диковинный какой! А борода-то какая!

МАША.

Словно у дьяка нашего. Да чтожь этотъ одѣтъ-то не по нашему?

ПРАСКОВЬЯ.

Молчи, ты этого не смыслишь; это, вишь, на польской ладъ. Такъ велѣно.

(Къ маленькимъ подходятъ двѣ старшія сестры).

КСЕНІЯ.

Дѣти, перестаньте.... развѣ вы маленькія?... стыдитесь на мужчинъ смотрѣть. Ступайте отсюда. (*Отгоняютъ ихъ*).

ЕВДОКІЯ.

Ксенюшка, да это никакъ на краю-то сынъ шереметьевскій.

КСЕНІЯ.

Ахъ, и въ-самомъ-дѣлѣ. Ты его замѣтила въ церкви? Все съ лѣвой стороны становится.

ЕВДОКІЯ.

Статный молодчикъ, надо сознаться.... бородка русая.... Тебѣ нравятся русые волосы?

КСЕНІЯ.

А тебѣ на что знать, нѣтъ, не нравятся.... Мнѣ нравятся черные.

ЕВДОКІЯ.

Я такъ слышала, что Борисъ Петровичъ хочетъ женить сына на Куракиной.... Ужь и сваху будто посылали.

КСЕНІЯ.

Не правда; кто это тебѣ сказывалъ?

ЕВДОКІЯ.

Постельница Домна Панкратьевна.

Digitized by Google

КСЕНІЯ.

Ну ужь нашла чьимъ слухамъ вѣрить.... Ей бы разсказать лишь что-нибудь.

ЕВДОКІЯ.

Да зачѣмъ тебѣ не вѣрится. Или приглянулся.онъ тебѣ ?

КСЕНІЯ.

Вотъ выдумала! Ну, какъ тебѣ не стыдно. А еще родная сестра.

ЗОЛОВКА и СВОЯЧЕНИЦА.

ЗОЛОВКА.

Дѣвушки, дѣвушки, развѣ это дѣвичье дѣло на мужчинъ смотрѣть? Стыдитесь. Ступайте къ своей матушкѣ. Видите, она, голубушка, пригорюнилась.

СВОЯЧЕНИЦА.

Взгляни-ка, сестрица. Видишь ли подлѣ Пронскаго сидитъ Петръ Иванычъ Матюшковъ?

ЗОЛОВКА.

Вижу, родная.

СВОЯЧЕНИЦА (слегка всхлипывая).

Покойникъ-то мой мѣстничался съ нимъ, да оттого и въ могилушку пошелъ. Много было горя. Видно доля моя такая горемычная—овдовѣть въ молоды годы... остаться круглой сиротой на чужомъ попеченіи.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Что это онѣ тамъ шепчутся.... Ахти, Боже мой, никакъ въ двери глядятъ.... Стыдъ какой.... Золовушка, свояченица.... не грѣхъ ли вамъ показывать такой примѣръ молоденькимъ. Занимались бы переборочкой. Отойдите отъ двери, ну... какъ замѣтятъ васъ.... что-то скажутъ. *(Смотритъ сама въ дверь)*. Ага.... кушаютъ.... ну, на здоровье. Покорнѣйше просимъ. Эхъ, батюшка Никита Иванычъ! старъ сталъ мой родной, старенекъ, посѣдѣлъ совсѣмъ. А какъ мы съ нимъ были въ царскомъ поѣздѣ на сватьбѣ Алексѣя Михайловича, такъ другого бы красавца въ цѣлой Москвѣ не найти. Да и правду сказать, времена были не такія; что за бояре, что за люди!... Теперь ужь не то : на-

Digitized by Google

родъ мелкій, ни осанки, ни дородства, ничего нѣтъ. Смотрѣть грустно. *(Вздыхаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢЖЕ и дѣвка ПАРАША.

ПАРАША.

Матушка барыня, какъ прикажешь быть?

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

А что случилось?

ПАРАША.

Да внизу пришла стрѣльчиха какая-то, называетъ себя дочерью стрѣльца Петрова, плачется, Христомъ да Богомъ проситъ доступа до тебя.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Да видишь, пора теперь недосужая. Скажи, чтобъ въ другой разъ пришла, коли есть надобность.... послѣ, какъ время будетъ.

ПАРАША.

Да она говоритъ, что дожидаться ей немочно. Плачетъ себѣ, молитъ, дайте взглянуть только на свѣтлыя боярыни очи.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Что за спѣхъ такой! Видишь, нельзя.

ОЛЬГА (за кулисами).

Впустите, впустите.

ПАРАША.

Ну, вотъ-таки поставила на своемъ!

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢЖЕ и ОЛЬГА ПЕТРОВА.

(Она поспѣшно вбѣгаетъ и падаетъ въ ноги къ боярынѣ.)

ОЛЬГА.

Матушка, спаси, заступись, молви слово! Заставь Бога за себя молить.

Digitized by Google

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Дѣти, дѣти, ступайте ко мнѣ. Не подходите къ ней близко. Чего тебѣ надо.... Вѣдь не велѣно пущать.... Какъ же ты это смѣла?

ОЛЬГА.

Не взыщи, сударыня. Не знаю, какъ тебя чествовать. Я простая дѣвушка, стрѣлецкая дочь. Отецъ мой Григорій Петровъ; онъ хорошій человѣкъ. Онъ не виноватъ, видитъ Богъ, не виноватъ. По незнанію согрѣшилъ, матушка, по невѣдѣнію.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Да тебя, голубушка, въ толкъ не возьмешь. Вставай. Говори скорѣй. Пора теперь, видишь, недосужая.

ЕВДОКІЯ.

Посмотри, матушка, какая она молоденькая.

КСЕНІЯ.

И дрожитъ, бѣдная.

ЕВДОКІЯ.

Не пугайся, красавица, не бойся. Матушка выслушаетъ тебя милостиво. Говори только смѣлѣе.

ОЛЬГА.

Спасибо вамъ за ласковое слово. Богъ васъ не оставитъ. Дѣло вотъ какъ было. Живемъ мы въ Стрѣлецкой слободѣ, и всего-то недавно; третій мѣсяцъ никакъ пошелъ. Батюшка мой, Григорій, то есть Петровъ, стрѣлецъ, матушка.... стрѣлецъ.... пятидесятникъ; обычаевъ здѣшнихъ да законовъ всѣхъ еще не знаетъ. Сами посудите, всего вдругъ не узнаешь. Давича пошелъ онъ такъ, въ усердіи, къ Іоанну-воинственнику Богу помолиться. Черезъ Кремль, знаете, отъ насъ ближе. Такъ и пошелъ. Да случился грѣхъ: оружіе оборонилъ, какъ шелъ мимо Кремля. Стой, говорятъ, здѣсь одна вахта при оружьи. Его въ полонъ и взяли моего родного. Ко мнѣ Афанасьевъ стрѣлецъ прибѣгъ. Отца, говоритъ, твоего схватили да въ Разбойный Приказъ отвели.

КСЕНІЯ.

Ахъ, Боже мой!

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Въ Разбойный Приказъ, Господи твоя воля! Да вѣдь это страшное мѣсто.

Digitized by Google

ОЛЬГА.

Знаю, матушка, знаю: Афанасьевъ разсказалъ мнѣ. Не заступится, говоритъ, кто-нибудь за отца, пропадетъ онъ съ головой. Допрашивать станутъ, въ застѣнокъ возьмутъ... смертью казнятъ... Матушка, будь родной матерью, спаси ты мнѣ его.

КСЕНІЯ.

Матушка, здѣсь никакъ Шереметевъ бояринъ, что вѣдаетъ Разбойнымъ Приказомъ.

ЕВДОКІЯ.

Тебѣ можно.

КСЕНІЯ.

Стоитъ слово сказать.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Молчите вы... Вотъ учить вздумали!... Надо еще узнать. Ну, какъ же я пойду такъ прямо безпокоить Ивана Васильича? Ну, а коли дѣло не такъ, коли неправда?

ОЛЬГА.

Правда, сударыня, сущая правда.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Да кто надоумилъ тебя притти ко мнѣ?

ОЛЬГА.

Да на слободѣ добрые люди сказали, глядя, что я плачу. Ступай, говорятъ, въ хоромы къ Мстиславской. Боярыня та добрая, милосливая, нищимъ помогаетъ, многихъ изъ бѣды выручила, да и къ царямъ имѣетъ доступъ. По ея печалованію все будетъ. Я и пришла, прибѣжала къ тебѣ: не откажи. Тебя Господь наградитъ. Помогите, боярышни! я простая дѣвушка, не знаю красныхъ рѣчей. Помогите, научите, какъ просить ея милость.

КСЕНІЯ.

Вымилуйся, матушка.

ЕВДОКІЯ.

Взгляни на нее. Она правду сказала.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Ну, а какъ тутъ есть обманъ, хитрость какая-нибудь? Кто мнѣ будетъ порукой?

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣже и МСТИСЛАВСКІЙ.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ (про себя).

Накланялся довольно. Пущай веселятся. Мнѣ не до веселья! Заѣла тоска, тяжкая кручина. Что-то со мной будетъ?

ОЛЬГА.

Да какую я поруку могу еще представить? Боже мой! время-то идетъ. Его ужь можетъ быть терзать моего родного начали.... и не кому сказать, что я не лгу. Нѣтъ знакомаго человѣка (*вскрикиваетъ*). Ахъ! вотъ Богъ послалъ. Василій Иванычъ! поручись за насъ. Скажи, что ты насъ знаешь, что я сказала боярынѣ всю правду.... не привыкла лгать. Ну.... ну.... говори же.

АННА ВАСИЛЬЕВНА (въ смущеніи).

Какъ?... онъ тебя знаетъ. Онъ?...

ОЛЬГА.

Знаетъ съ нашего пріѣзда... Онъ Василій Иванычъ.... онъ къ намъ.... да постойте же, погодите.... Какъ же онъ простой человѣкъ здѣсь.... въ такомъ нарядѣ... въ боярскихъ хоромахъ.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Что ты, что ты? Да кто же онъ по твоему?

ОЛЬГА.

Да онъ называлъ себя мѣщанской слободы торговымъ человѣкомъ.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Что ты за околесицу несешь! Онъ Василій Иванычъ, сынъ мой. Дѣти, дѣти, ступайте въ свой теремъ.

КСЕНІЯ и ЕВДОКІЯ.

Да, матушка!!...

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Ступайте, ступайте, говорятъ вамъ. (*Ольгѣ*) Ольга! не погуби насъ. Все объяснится послѣ.

ОЛЬГА (шопотомъ).

Бояринъ.... сынъ.... обманулъ.

(За кулисами).

Многія лѣта хозяину.

Digitized by Google

ИВ. ВАС МСТИСЛАВСКІЙ.

Спасибо родимые.... спасибо.

ГОЛОСА БОЯРЪ.

Многія лѣта!

ОЛЬГА (пораженная).

Обманулъ.

АННА ВАСИЛЬЕВНА (качая головой).

Гм! дѣло нечистое.... Неужто Василій? Ты мнѣ, голубушка, повѣдай всю правду истину.... Вглядись въ него хорошенько. Ты ошибкой признала его.... ты признала его за другого.

ОЛЬГА.

Да, я вижу теперь.... въ-самомъ-дѣлѣ.... я признала его за другого... да, и точно за другого.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

То-то же.... уфъ.... На душѣ полегче стало.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢЖЕ и БЕЗДОМНЫЙ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Ведутъ.... ведутъ.... я первый изъ окна видѣлъ.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Кого ведутъ?

БЕЗДОМНЫЙ.

Князя Ромадановскаго съ повинной. Блѣдный такой идетъ. А кто виноватъ? Сколько разъ говорилъ я ему: не тягайся съ Мстиславскими: не одолѣть ихъ теперь. *(Увидя Ольгу)* Ба! какъ ты сюда попала.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

И онъ тоже ее знаетъ!

БЕЗДОМНЫЙ (на ухо Вас. Иванычу).

Ну, братъ.... это ужь неладно, нечестно. Какъ это привелъ къ матери, къ сестрамъ.... пфу....

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Замолчишь ли, бездѣльникъ!

БЕЗДОМНЫЙ.

Браниться вздумалъ. Нѣтъ погоди, братъ, голубчикъ. Мы еще съ тобой посчитаемся. Не ждешь ты моего гостинца.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ XV.

МСТИСЛАВСКІЙ и за нимъ всѣ пирующіе.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ (многимъ).

Жена, дѣти.... ступайте къ себѣ: вамъ оставаться здѣсь непригоже.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Слушаю, Иванъ Васильичъ. (*Ольгѣ*) Ступай и ты съ нами. Мы постоимъ въ другой свѣтлицѣ.... А тамъ я спрошу у Ивана Васильича, какъ онъ объ тебѣ прикажетъ.

(Уходитъ. Суматоха съ трехъ сторонъ).

ТАРАСКА.

Эй, ребята, у кого есть деньги? пожалуйте на позорище. Даромъ показываютъ.... трррръ....

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Молчи, дуракъ. Посмотримъ, какъ Михаилъ Григорьичъ поубавитъ своей спѣси.

ПРОНСКІЙ.

Чай потише станетъ.

КАЛИНЫЧЪ (многимъ).

Посланный отъ Царскаго Величества.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ (бѣжитъ на встрѣчу посланному).

Отъ государя. Отворяй ворота. Бѣги, встрѣчай.... гдѣ онъ?

ПРОНСКІЙ.

Экое счастье человѣку!

ДОЛГОРУКІЙ.

Вотъ можно сказать, въ сорочкѣ родился.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ возвращается съ дьякомъ УКРАИНЦОВЫМЪ, посланнымъ отъ государя.

ДЬЯКЪ.

Слушай, Иванъ Васильевичъ! Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Са-

Digitized by Google

модержецъ велѣлъ тебѣ говорить: Билъ челомъ Государю Князь Михаилъ Григорьевичъ Ромадановскій на тебя въ счетѣ о мѣстахъ, что велѣно ему быть у Государева дѣла въ объѣздѣ на большомъ посадѣ въ Царевѣ городѣ, а тебѣ Ивану Мстиславскому въ Кремлѣ городѣ и что ему меньше тебя быть по своему отечеству не вмѣстно. И Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ приказалъ своимъ боярамъ по челобитной распросить и васъ въ отечествѣ судить и разряды сыскать. И бояре распросили и приговоры слушали и приговорили тебя оправити, а Михаила Ромадановскаго обвинити. А за то, что онъ Ромадановскій билъ челомъ не по дѣлу и не въ свою мѣру, и своимъ челобитіемъ тебя безчестилъ, Царь приказалъ и бояре приговорили тебѣ его Ромадановскаго выдать головой.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ (смущеннымъ голосомъ).

Не въ-силахъ я возблагодарить государя моего, что угодно Его Царскому Пресвѣтлому Величеству почтить мою рабскую службишку и меня, холопа своего, взыскать новой милостью... Чѣмъ воздамъ ему, государю, за щедроты. Все его, свѣтлаго нашего солнца,—и семьишка, и домишко, и имѣньишко каков есть. Только и могу, что возсылать теплыя молитвы къ небесному Владыкѣ, къ Пресвятой Троицѣ и святымъ угодникамъ о здравіи нашего общаго отца, моего благодѣтеля. Да будетъ онъ царствовать въ радости, успѣніи и благоденствіи! да просвѣтится сердце его, да сокрушатся враги его, да возвеличится держава его и прославится имя его отнынѣ и присно во вѣки вѣковъ!

ВСѢ БОЯРЕ (выступая впередъ).

Аминь!...

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

А тебя, посланнаго моего государя, прошу принять отъ моего убожества смиренныя поминки: братинку вызолоченну да два сорока соболей, что отъ сибирскаго намѣстника въ гостинецъ недавно получилъ, да бью челомъ, не побрезгай, осчастливь нашу бесѣду.... отвѣдай моей хлѣба-соли. *(Подаетъ кубокъ съ поставца.)*

ДЬЯКЪ.

Благодарю за честь и за ласку.

Digitized by Google

КАЛИНЫЧЪ (на ухо Ив. Вас.).

Батюшка, Иванъ Васильичъ, какъ прикажешь? тамъ Ромадановскіе у нижняго крыльца стоятъ. Велѣть подождать, что ли?

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, проси рѣдкаго гостя.

КАЛИНЫЧЪ.

Слушаю-съ (*уходитъ*).

ПРОНСКІЙ.

Дайте-ка взглянуть. Что-то у нихъ будетъ.

ОДОЕВСКІЙ.

Грустно смотрѣть. Уйду отсюда.

ТАРАСКА.

Пойдемъ, дядюшка. Мѣсто наше отнимаютъ.

(Одоевскій и Тараска уходятъ. Между боярами слышенъ шопотъ:

Тс.... тс... потише. Ведутъ, кажется.

КАЛИНЫЧЪ (возвращается).

Ведутъ-съ.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Общее молчаніе. Изъ правой двери выходятъ слуги въ безпорядкѣ, оглядываясь, и групируются у дверей. За ними два человѣка ведутъ Ромадановскаго подъ руки. Онъ старъ и блѣденъ, съ сѣдой бородой, идетъ согнувшись, шапку держитъ въ рукахъ. МСТИСЛАВСКІЙ стоитъ на мѣстѣ. РОМАДАНОВСКІЙ къ нему подходитъ и медленно опускается на колѣни.

РОМАДАНОВСКІЙ (слабымъ голосомъ).

Царь приказалъ. Бояре приговорили. Повинуюсь, твоя взяла.... Твоя взяла, Иванъ Васильичъ. Повелѣвай своимъ рабомъ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Повинной головы и мечь не сѣчетъ. Вставай, князь Михаилъ Григорьевичъ. Богъ тебя проститъ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Нѣтъ, Иванъ Васильичъ. Не за милостью: за наказаньемъ пришелъ я къ тебѣ. Собери челядинцевъ. Прикажи учинить безчестье, бить батогами, терзать старика.

ПРОНСКІЙ.

Слышите?

Digitized by Google

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Что это съ нимъ?

ДОЛГОРУКІЙ.

Да онъ ли говоритъ это?

ПРОНСКІЙ.

Ушамъ не вѣрится.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Полно вести такую нестройную рѣчь, князь Михаилъ Григорьичъ. Мы живемъ, слава Богу, не въ такія времена.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Нѣтъ, Иванъ Васильичъ. Пусть до послѣдней капли осушу я чашу сію. Прогнѣвался государь на раба своего, и я со смиреніемъ несу крестъ свой.... Пущай сажаютъ меня въ тюрьму, въ железа, пущай накажутъ кнутомъ, отымутъ боярскую честь, отберутъ вотчины, сошлютъ въ заточенье, въ дальніе города, въ Сибирь. Все приму съ благодарностью, все исполню свято... Теперь воля твоя, Иванъ Васильичъ: дѣлай, какъ знаешь.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Да встань же, князь Михаилъ Григорьичъ. Неприлично русскому боярину становиться на колѣни. Такъ и въ старину не всегда бывало.

РОМАДАНОВСКІЙ (медленно подымаясь).

Благодарю за милость.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Выслушай меня, князь Михаилъ Григорьичъ. Между нами идетъ давнишній споръ. Отцы наши мѣстничались. И мы повраждовали. Пора бы и кончить. Кто правъ, кто виноватъ, въ томъ вѣдаетъ Богъ да великій Государь; гдѣ кому велитъ быть, тутъ тотъ и будетъ. Такъ ли?

ПРОНСКІЙ.

Какъ же не такъ.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Разумѣется, такъ.

ДОЛГОРУКІЙ.

Иначе и быть не можетъ.

ИВ ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Такъ изъ чего же, кажется, продолжать намъ нашу ссору... Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Довольно повраждовали. Теперь, кажется, пора и на мировую. Не такъ ли, бояре?

Digitized by Google

ПРОНСКІЙ.

И подлинно такъ.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Всего лучше.

ДОЛГОРУКІЙ.

По рукамъ, да и все тутъ.

ПРОНСКІЙ.

Концы въ воду....

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Калинычъ, подай сюда стопу моего лучшаго вина... Нынче я справляю именины свои.... Прошу тебя, князь Михаилъ Григорьичъ, забудемъ старое.... Будь моимъ дорогимъ гостемъ.... Отвѣдай моего хлѣба да выпей на здоровье.

(Кланяется и подаетъ кубокъ. Ромадановскій съ бѣшенствомъ кидаетъ кубокъ объ полъ.)

РОМАДАНОВСКІЙ (громовымъ голосомъ).

Ха, ха, ха! ужь впрямъ видно ты именины справляешь и съ похмѣлья разсудокъ потерялъ. Чтобъ я твоимъ гостемъ былъ?! чтобъ я тебѣ, Іудѣ Искаріоту, руку подалъ?!... Или вы съ ума всѣ спятили? или ужь забыли вы, что я.... (*надѣваетъ шапку*) князь Ромадановскій?

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Не къ добру видно присмирѣлъ.

ПРОНСКІЙ.

Вотъ это такъ, такъ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Слышали вы, бояре, слышали вы! Да что́жь я въ-самомъ-дѣлѣ, до того старъ и безпріютенъ, что и Мстиславскій даже какой-нибудь осмѣливается позорить меня своей лаской!

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Князь Михаилъ Григорьичъ, да не ты ли пришелъ съ повинной?

РОМАДАНОВСКІЙ.

Я исполнилъ волю моего государя. Я пришелъ съ повинной по царскому указу, по боярскому приговору; но чтобъ *я* съ *тобой* велъ хлѣбъ-соль и дружбу, чтобъ *я*, князь Ромадановскій, пировалъ съ заклятымъ врагомъ своимъ, да этому малые ребятишки на улицѣ смѣяться станутъ!

Digitized by Google

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Угомонись, князь Михаилъ Григорьичъ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Вотъ нашлось мнѣ знакомство на старости. Ай да честь! Будетъ у насъ о чемъ побесѣдовать. Ужь не станешь ли ты мнѣ разсказывать про дѣдушку своего, какъ служилъ онъ разстригѣ Гришкѣ Отрепьеву и продавалъ насъ за польскіе червонцы?

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Перестань, князь Михаилъ Григорьичъ. Ты у меня въ домѣ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

И объ прадѣдѣ твоемъ поговоримъ, какъ былъ онъ въ намѣстникахъ въ Тобольскѣ и раскралъ государеву казну, и о батюшкѣ твоемъ потолкуемъ, о бояринѣ съ путемъ, даромъ-что былъ безпутнымъ.

ИВ. ВАС МСТИСЛАВСКІЙ. (Хочетъ кинуться на Романовскаго.—бояре его удерживаютъ).

Нѣтъ. Это ужь слишкомъ. Позвольте мнѣ, бояре... позвольте.... я накажу его за дерзость....

(Бояре его удерживаютъ).

ПРОНСКІЙ.

Нѣтъ, нельзя, Иванъ Васильичъ. Не обычай... Ты ужь молчи. Тебѣ отвѣчать немочно.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Такъ ужь заведено.

ДОЛГОРУКІЙ.

Онъ блюдетъ свое право. Ты долженъ слушать терпѣливо.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Да ты-то самъ кто? чѣмъ ты въ люди вышелъ? воровствомъ, двоязычіемъ, наушничествомъ? Послушай-ка, кого московскій народъ проклинаетъ? тебя, измѣнника.... Кого быловскіе стрѣльцы живого схоронить хотѣли? тебя, душегубца. Кто позоритъ честь боярскаго имени? — ты, окаянный....

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Благодари Бога, что у тебя сѣдая борода,—не то бы не выпустилъ тебя живого отсюда.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Какъ? и ты, щенокъ, туда же? Не здѣсь тебѣ мѣсто: не въ боярскомъ кругу.... Ступай себѣ къ мужикамъ на посидѣлки.

Digitized by Google

Срами еще больше твое непотребное имя.... Мѣсто твое въ слободѣ стрѣлецкой. Тамъ ждетъ тебя стрѣлецъ Петровъ... да дочка его, твоя полюбовница....

(За кулисами слышенъ пронзительный крикъ).

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Не правда.

(Общее оцѣпѣненіе. Всѣ прислушиваются).

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Ужь не случилось ли чего, нѣтъ ли какого несчастія....

ДОЛГОРУКІЙ.

Ступай, погляди Иванъ Васильичъ, и впрямъ что тебѣ его слушать.

ПРОНСКІЙ.

Ты видишь, онъ не въ своемъ умѣ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Пойду поглядѣть. Въ-самомъ-дѣлѣ нѣтъ ли бѣды какой. — А ты, князь, ступай себѣ домовь... Бранись тамъ, сколько хочешь. *(Уходитъ).*

РОМАДАНОВСКІЙ (съ изступленіемъ и постепенно усиливая голосъ).

Не бранное слово, слово кровавое оставлю я тебѣ на-память. Слушайте, бояре. Слушай ты, князь Юрій Алексѣичъ, ты Петръ Васильичъ.... ты Иванъ Прокофьичъ. Слушайте всѣ. — Думали вы, что я круглый сирота, безъ роду и племени, что злодѣи разбойники извели на-вѣки мою семью ненаглядную. Нѣтъ! осталась у меня женушка — месть кровавая.... злому непріятелю. Остались у меня дѣтушки.... печали, бѣдствія вражьему проклятому дому. Знайте всѣ.... Пока во мнѣ одна капля крови, пока не полежатъ меня въ могилу.... я буду преслѣдовать и доканать своего недруга мѣстника и мстить ему нечестивцу и позорить его богоотступника, всѣми средствами, всѣми путями до послѣдняго издыханія. Смерть тебѣ, Иванъ Васильичъ, смерть безъ покаянія, и съ чадами и домочадцами, и съ ближними и съ родственниками!... А теперь.... дайте дорогу... Посторонитесь, бояре.... Князь Ромадановскій идетъ.

(Всѣ отступаютъ съ ужасомъ. Ромадановскій медленно выходитъ).

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ (возвращается дрожащій и блѣдный).

Digitized by Google

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Ну, что́ случилось. Да что̀ съ тобой.... ты блѣденъ, весь дрожишь.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ (принужденно).

Нѣтъ.... такъ... ничего. Золовка моя испугалась шуму... Да было правда чего.... Справедливо говорится пословица: незваный гость хуже татарина.... Да что̀ о немъ думать!... Не приняться ли снова за пирушку?... Вѣдь кубки недопитые стоятъ.

ПРОНСКІЙ.

А что́жь! хорошее дѣло... Поразвеселимся маленько. — Пойдемте же, бояре.

БОЯРЕ.

Пойдемте, пойдемте.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Прошу покорно.... Калинычъ, вели подавать снова.... *(Бездомному)* а ты куда?...

БЕЗДОМНЫЙ.

Извините.... недосугъ теперь.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Къ своему милостивцу, къ Михаилу Григорьичу?... Знаю.... Не смѣю удерживать. Вольному воля.... Ну, пойдемтежь, пойдемте....

(Гости возвращаются въ столовую. Вас. Ив. Мстиславскій остается одинъ напереди. Иванъ Васильичъ провожаетъ гостей и потомъ быстро оборачивается къ сыну и хватаетъ его за руку).

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

А съ тобой, голубчикъ, мы раздѣлаемся.

(Василій Иванычъ закрываетъ лицо руками. Гости шумно входятъ съ Иваномъ Васильичемъ въ столовую. Занавѣсъ опускается).

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Внутренность Разбойнаго Приказа. Столъ съ бумагами. Архивный шкапъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТРОЕ ПОДЪЯЧИХЪ.

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Ты что мухъ-то ловишь! Припасенъ извѣтъ?

ВТОРОЙ.

Ну, не ворчи, старый хрычъ. Готовъ.—Чай, допросъ станутъ держать?

ПЕРВЫЙ.

Еще бы.... Вотъ по-крайней-мѣрѣ потѣха будетъ, ато тоска одолѣла. — Подай-ка, братъ, тавлиночку.

ВТОРОЙ.

Слышалъ, дядя Елистратычъ? Говорятъ, царь сегодня изволитъ шествовать въ монастырь.

ПЕРВЫЙ.

Ужь не въ Флорищеву ли пустынь, для бесѣды съ преподобнымъ Иларіономъ? Государь, слышно, больно его жалуетъ.

ВТОРОЙ.

Ну, ужь времячко! Да полно, правда ли?

ТРЕТІЙ.

А что, Елистратычъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, чай, повеселѣе живали?

ПЕРВЫЙ.

А тебѣ на что?

ВТОРОЙ.

Да вотъ все, дядюшка, пораспросить хочется... Ты человѣкъ бывалый. Видалъ, что ли, царскую охоту.

ПЕРВЫЙ.

Да какую охоту? Мало ли ихъ тамъ бывало! — Лосинная, оленья, медвѣжья, волчья, заячья, птицами, псами, тенетами.

Digitized by Google

ВТОРОЙ.

А всѣхъ-то познатнѣе, чай, соколиная?

ПЕРВЫЙ.

Еще бы... Государь самъ изволилъ книгу составить,—урядникъ соколинаго пути.... До трехъ тысячъ птицъ держали. Какъ теперь помню. Изволитъ онъ выѣхать для потѣхи своей въ чистое поле, а за нимъ-то, за нимъ, Господи твоя воля, сокольниковъ, подсокольниковъ, рядовыхъ, всякаго народа! словно мухи. — Кречетъ — отсюда вижу.... что́ за кречетъ! Какъ взовьется къ поднебесью! Фу ты прыть какая!... А оттуда стрѣлой на добычу.... Молнія!... Ну, ужь потѣха. — Вотъ тожъ челичъ цвѣтный Малецъ, добрый былъ челичъ. Да мало ли ихъ было! Малецъ, Палецъ, Лихачъ, Ковачъ, Бѣлый, Бердый, Анпрасъ, Арбасъ, Армасъ.... Въ день не перечтешь. Подай-ка тавлинку.

(Второй подъячій вынимаетъ въ это время изъ шапки штофъ водки и пьетъ).

А ты опять за свое?

ВТОРОЙ.

Да что́, братъ, въ горлѣ пересохло. Не хочешь ли, дядюшка?

ПЕРВЫЙ.

Пожалуй. — Вишь пострѣлъ какой, еще спрашиваетъ: не хочешь ли!

ТРЕТІЙ.

Дай-ка и мнѣ, съ похмѣлья. Вчера весь день пролежалъ: нездоровъ былъ.

(Смѣются и пьютъ).

ВТОРОЙ.

Знамо дѣло! А видѣлъ ты Волка?

ПЕРВЫЙ.

Какого Волка?

ВТОРОЙ.

Да вотъ новую пушку, на Пушкарномъ дворѣ.

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, не видалъ. Намъ что́ за пушки! Погляди-ко въ окно. Никакъ на конѣ кто-то

ВТОРОЙ.

Дьякъ нашъ пожаловалъ — Калина Патрикѣевъ.

Digitized by Google

ПЕРВЫЙ.

Ну, по мѣстамъ живѣе. Подавай сюда извѣтъ, что̀ написанъ о пойманномъ стрѣльцѣ.

ВТОРОЙ.

О которомъ?

ПЕРВЫЙ.

Ну, да вотъ, что̀ давича привели. — Да штофъ-то, смотрите, спрячьте: не попался бы какъ-нибудь.... Тс.... сидѣть смирно!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и КАЛИНА ПАТРИКѢЕВЪ, дьякъ Разбойнаго Приказа.

КАЛИНА.

Здорово.

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Здравія желаемъ твоей милости.

КАЛИНА (смѣясь).

Все ли у васъ благополучно?

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Слава Богу.... Исполняемъ твои приказанія. — Трудимся не покладываючи рукъ. — Можно сказать, другого на помыслѣ и въ рѣчахъ нѣтъ, какъ только радѣніе о государевой службѣ, въ угоду начальству.

ВТОРОЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Даже пищу дневную забываемъ.

ТРЕТІЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Маковой росинки съ утра не было.

КАЛИНА.

Ну, ладно!... подавай бумаги. Эхъ понабралось сколько. — Надо же было изъ Земскаго Приказа навалить на насъ всѣ разбойничьи, убивственныя и татенныя дѣла. — Великое довѣріе, ну да наше дѣло усердствовать. Это что̀ такое.... помѣта наврана.

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Виноватъ: не доглядѣлъ.

КАЛИНА.

То-то же виноватъ!... Какъ разъ бѣду надѣлаете.. Ты у меня, смотри, доглядывай. Приводили сюда кого?

Digitized by Google

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Да одного стрѣльца привели.

КАЛИНА.

Ну! отошлите его въ Стрѣлецкій Приказъ, къ князю Долгорукову.

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Нельзя-съ судетъ.

КАЛИНА.

Какъ нельзя?

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Да обвиненіе на немъ, такъ сказать, такое тяжкое.

КАЛИНА.

Что̀ бы такое....

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Да и вымолвить страшно.

КАЛИНА.

Что̀ ты, братъ? говори.

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Да пойманъ въ Кремлѣ съ оружіемъ.

КАЛИНА (вскакиваетъ съ мѣста).

Что ты? Быть не можетъ. Да гдѣ же онъ.... Распрашивали?... сознался?

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Гдѣ намъ маленькимъ людямъ распрашивать про такія земскія дѣла.

КАЛИНА.

Онъ тутъ?

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Такъ точно.

КАЛИНА.

Позвать его.

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Слушаю-съ!

КАЛИНА.

Ну, ужь эти стрѣльцы. Будетъ отъ нихъ бѣда когда-нибудь. Хорошо-что мы съ бояриномъ, съ Шереметевымъ, съ Петромъ Васильичемъ, держимъ ухо остро, не даемъ потачки; не наше бы стараніе, — долго ли до грѣха. — Эхъ, тяжело приходится.... а извѣтъ о немъ составленъ?

Digitized by Google

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Какже....

КАЛИНА.

Подай сюда... Да, да; то-то *(читаетъ свертокъ)*. Пойманъ... съ оружіемъ, у самого Краснаго крыльца... Что́ скажетъ Петръ Васильичъ? Ну, гдѣ же этотъ душегубецъ?

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Прикажешь ввести.

КАЛИНА.

Введите; а ты садись, да записывай. Да, смотри, опять переврешь, такъ будетъ тебѣ гостинецъ для праздника. Ага.... вотъ онъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и ПЕТРОВЪ въ цѣпяхъ, въ рубашкѣ, между двумя копейщиками.

КАЛИНА.

Ну, ну.... подойди-ка.... сюда поближе еще.... *(Садится)*. Какъ зовутъ?

ПЕТРОВЪ.

Григорій.

КАЛИНА.

Пиши: Гришка.

ПЕТРОВЪ.

Благодарю. Не честь.

КАЛИНА.

Э, братъ! да ты изъ таковскихъ. Да, да.... Ты, чай, и грамотѣ знаешь?

ПЕТРОВЪ.

Знаю.

КАЛИНА.

Ну, такъ и есть! Ужь не жди добра.

ПЕТРОВЪ.

Не грамотный опасенъ, а кто въ толкъ не беретъ.

КАЛИНА.

Разсказывай!... Какъ прозвищемъ?

Digitized by Google

ПЕТРОВЪ.

Петровъ.

КАЛИНА.

Года?

ПЕТРОВЪ.

Лѣтъ сорокъ слишкомъ будетъ.

КАЛИНА.

Родомъ?

ПЕТРОВЪ.

Не знаю.

КАЛИНА.

Родства не помнишь?

ПЕТРОВЪ.

Не знаю. Подкинутъ, слышно, ребенкомъ въ монастырь Батуринскій. Тамъ и жилъ до службы, у святыхъ отцовъ. Грамотѣ сподобился. Спасибо имъ. — А откудова, не вѣдаю.

КАЛИНА.

Э, братъ! грамотный изъ бродягъ. Отъ васъ все нечестивое.... Знаемъ мы васъ. Говори правду.

ПЕТРОВЪ.

И хотѣлъ бы солгать, да не смогу.

КАЛИНА.

Ну, нечего дѣлать.... Пиши.... На исповѣди бываешь?

ПЕТРОВЪ.

Нѣмецъ я, что́ ли? Извѣстно, бываю.

КАЛИНА.

Давно въ службѣ?

ПЕТРОВЪ.

Да ужь давно....

КАЛИНА.

Съ какихъ поръ?

ПЕТРОВЪ.

Еще молодымъ парнемъ былъ, — да вотъ съ того времени, какъ была русскому оружію неудача. Пришла къ намъ вѣсть въ монастырь, что воевода Шереметевъ разбитъ подъ Чудновымъ, самъ въ полонъ взятъ, и нашему знамени стыдъ нанесенъ великій. Не наше дѣло разсуждать, почему такая невзгода... Начальники, говорятъ, старшинствомъ считались, — мѣстничались.... Только обида вышла тяжкая. Не выдержалъ я,

Digitized by Google

заиграла кровь. Кинулся къ настоятелю въ ноги. Отпусти, владыко, въ боевое дѣло. Не выноситъ душа поношенья, одолѣла немочь.... сгину, измаюсь здѣсь безъ пользы, да и грѣхъ пущій на душу возьму. — Спасибо ему, благословилъ.

КАЛИНА.

Красно разсказываешь. — И съ того времени на службѣ?

ПЕТРОВЪ.

Все на службѣ, по Украинскому разряду. — Вѣдался и съ Ордой и съ поляками. Много испыталъ и видѣлъ на своемъ вѣку. — Благодарю своего Создателя да начальника своего Ромадановскаго князя Михаила Григорьича.

КАЛИНА.

Такъ ты, знать, и подъ Чигиринъ ходилъ—Дорошенку смирять.

ПЕТРОВЪ.

Какже.... Я все и служилъ въ Сѣвскомъ полку.

КАЛИНА.

Да, да.... такъ.... Женатъ?

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ, вдовъ; былъ женатъ на стрѣлецкой дочери. Царство ей небесное! Давно уже скончалась.... не выдержала тяжкой ратной жизни.

КАЛИНА.

Дѣти есть?

ПЕТРОВЪ.

Есть одна дочь.

КАЛИНА.

Больше нѣтъ?

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ.

КАЛИНА.

Въ Москвѣ давно?

ПЕТРОВЪ.

Третій мѣсяцъ, какъ переведены изъ Сѣвска въ отличіе на Москву.

КАЛИНА.

Награды получалъ?

ПЕТРОВЪ.

Какже! удостоился съ прочими. Слышали царскую мило-

Digitized by Google

стивую похвалу да по сукну на человѣка получили. — Пятидесятникомъ пожалованъ.

КАЛИНА.

Записалъ, что̀ ли?

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Записалъ, батюшка.

КАЛИНА.

Ну, какъ же не грѣхъ тебѣ, скажи, послѣ этого? Человѣкъ ты немолодой, и видѣлъ, и послужилъ на своемъ вѣку, а вотъ на такое дѣло пошелъ, что и вымолвить страшно. — Какъ это тебя взяли съ оружіемъ въ Кремлѣ?

ПЕТРОВЪ.

Мимо шелъ.

КАЛИНА.

А какъ же тутъ написано, что ты мечъ обнажилъ.

ПЕТРОВЪ.

Обронилъ ненарокомъ.

КАЛИНА.

Ненарокомъ.... То-то же! Нѣтъ ты ужь лучше покайся.... повѣдай всю правду, пока не заставили.... Не помышлялъ ли ты чего?

ПЕТРОВЪ.

Что̀ мнѣ помышлять!

КАЛИНА.

Говори правду. Не помышлялъ ли ты на бояръ и на думныхъ и на ближнихъ людей, либо, чего Боже сохрани, не на кого ли изъ царскаго дома, либо, что̀ и вымолвить страшно, не на самого ли....

ПЕТРОВЪ (перебивая).

Чтобъ я поднялъ руку!... да ты русскій, что̀ ли?

КАЛИНА.

Не по наученію ли чьему отъ кого, отъ бояръ и думныхъ и ближныхъ людей, или отъ посадскихъ и гуляющихъ злочинцевъ, — а? не получалъ ли ты посуловъ отъ царскихъ недоброжелателей, свейскаго короля, или хана крымскаго, или отъ турскаго салтана, или....

ПЕТРОВЪ (показываетъ руки и плечи.)

Погляди-ка.... Вотъ эта рана добрая. Вотъ и другая.... Спроси-ка у товарищей, каково ратовали мы за государево дѣло. Самъ видишь, весь израненъ.

Digitized by Google

КАЛИНА.

Что́ его обыскивали?

ПОДЪЯЧІЙ.

Обыскивали.

КАЛИНА.

Не нашли на немъ денегъ большихъ, вещей дорогихъ?

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Окромѣ креста золотного ничего не нашли.

КАЛИНА.

Что́ бы этакое?... вишь ловкій какой! — Да нѣтъ, нельзя вѣрить. Мое дѣло до конца испытывать. — Такъ ты не хочешь каяться, не скажешь сообщниковъ?

ПЕТРОВЪ.

У меня одинъ сообщникъ — чистая совѣсть, другой сообщникъ — твердый духъ!.... слава Богу не измѣняли доселѣ.

КАЛИНА.

Такъ говорить больше тебѣ нечего?

ПЕТРОВЪ.

Самъ знаешь..... Не въ чемъ мнѣ виниться.

КАЛИНА.

Эхъ, упрямая голова! ты насъ пожалѣй.... не принуждай къ строгости. Что́ ты станешь дѣлать!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже, ПОДЪЯЧІЙ и ОЛЬГА.

ВТОРОЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Калина Семенычъ.

КАЛИНА.

Что̀?

ВТОРОЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Дочь преступника пришла, проситъ, чтобъ впустили.... Какъ прикажешь?

КАЛИНА.

Впустите. Авось она его склонитъ къ признанію.

ОЛЬГА (кидается на шею отца. Оба стоятъ нѣсколько времени обнявшись.)

Батюшка, батюшка, что́ съ тобою дѣлаютъ!

Digitized by Google

ПЕТРОВЪ.

Ольга! рожденіе ты мое, ласточка моя!... Привелось намъ здѣсь свидѣться. Видишь сама. Взвели на меня страшную небылицу. Хотятъ, чтобъ я сознался въ небываломъ. Божья воля! Солгать не могу, не долженъ, лучше умру, а не солгу! Моли Бога, чтобъ онъ подкрѣпилъ меня въ страшный конечный часъ. А ты живи и безъ меня, какъ-будто я въ-живыхъ съ тобою, слышишь ли? Немного пожитковъ я тебѣ оставлю. Да оставлю тебѣ чистую душу, жизнь безъ порока....Береги честь свою дѣвичью. Коли Богъ благословитъ тебя за добраго человѣка, живи съ нимъ въ совѣтѣ и послушенствѣ. Будешь ты ему въ радость, какъ и мнѣ въ радость была. Берегись дурныхъ людей. Слышишь? Помни отцовскій приказъ. Нето и съ того свѣта не будетъ тебѣ моего благословенія. — Ну, не плачь. Поклонись товарищамъ. Скажи спасибо на добромъ товариществѣ. Ну, ступай теперь. Тебѣ дѣлать здѣсь нечего.

ОЛЬГА.

Помилуйте.... Чего хотите вы отъ него? Будьте жалостливы! Не погубите невиннаго!

КАЛИНА.

Ты бы, голубушка, лучше сама его вразумила.... Скрываться теперь нечего.

ОЛЬГА.

Батюшка! коли ты что́ знаешь, коли что́ слышалъ... скажи.... повѣдай все, что́ у тебя на совѣсти. Да нѣтъ, быть нечему.... Мы люди простые, — хоть у кого спросите. Ему говорить нечего. Согрѣшилъ, знать, безъ умыслу.

ПЕТРОВЪ.

Безъ умыслу согрѣшилъ.

КАЛИНА.

Съ вами только время теряешь.

ОЛЬГА (съ отчаяніемъ).

Такъ вы ему не вѣрите? Вы считаете его виноватымъ? Ну, такъ лучше меня накажите. Я моложе: я легче вынесу.... Неужто въ васъ нѣтъ жалости?... Помогите! (*кричитъ*) спасите кто-нибудь!!

КАЛИНА.

Подержите ее.

Digitized by Google

ПЕТРОВЪ (Калинѣ).

Послушай, дьякъ.... ты что ли?... исполни мою просьбу.

КАЛИНА.

А!... наконецъ повиниться хочешь.

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ, виниться мнѣ не въ чемъ. Я такъ прошу, изъ милости. Прикажи дочь мою отвезти домой въ слободу. Вѣдь негоже дѣвушкѣ стоять здѣсь.

КАЛИНА.

При ней скорѣе скажешь.

ПЕТРОВЪ.

И при ней лживаго слова не скажу. Только побереги ее. Она молода, не окрѣпла еще душой. Не запугивай ея!

(На улицѣ шумъ).

КАЛИНА.

Въ колоколъ ударили! что́ это за шумъ? Въ литавры бьютъ, въ суренки играютъ. Погляди-ка въ окно.

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Коней ведутъ.... видимо-невидимо.

ВТОРОЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Пожитки несутъ.

ТРЕТІЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Копейщики.... стольники.... стряпчіе. Народъ шапки снимаетъ, о́-земь кланяется. Видно государь походомъ въ монастырь шествуетъ.

ОЛЬГА.

Что́?... походомъ.... Государь посреди народа.... нѣтъ, онъ не дастъ пролить невинную кровь.... Онъ выслушаетъ, онъ помилуетъ!... Пустите меня.... я сама уйду теперь. Я брошусь, ему въ ноги, я скажу ему: спаси погибающаго безвинно слугу твоего! Твое же есть, какъ Бога на небѣ, спасати и миловать на землѣ. — (*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже, кромѣ ОЛЬГИ. Смотрятъ въ окно.

КАЛИНА

Пустите ее.... А вотъ потянулось шествіе.

Digitized by Google

ВТОРОЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Это что́ несутъ, Елистратычъ?

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Молчи ты. Вишь, это царскіе пожитки, казна столовая....

ВТОРОЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Повозокъ съ 30 будетъ.

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Гляди, вишь дворцовые стряпчіе, сытники, подключники, скороходы съ золотыми бичами, охранные стрѣльцы, дворцовая челядь. Вотъ лошадей ведутъ, въ золотыхъ попонахъ, видимо-невидимо. Вотъ золотая карета.

ВТОРОЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Эва богатство какое!

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

А вотъ и царская скамейка, — приступъ, мѣстное сукно; царь недалеко.

ВТОРОЙ ПОДЪЯЧІЙ.

А народу-то народу!

КАЛИНА.

Молчите. Вотъ скипетръ несутъ.... а вотъ и самъ государь на аргамакѣ.... Эхъ, что это онъ сумраченъ такъ.... Все нездоровъ, сердечный.

ПЕТРОВЪ.

Дай Богъ ему скораго выздоровленія.

(Молчаніе).

КАЛИНА.

Проѣхалъ....

ВТОРОЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Эва!... глядите-ка, вотъ и наша дѣвка прибѣгла. Да нѣтъ, шалитъ. Народу, видишь, сколько. За полверсты не дойдетъ.

ТРЕТІЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Вишь.... руками машетъ. Народъ смѣется.... Упала никакъ?!...

ПЕТРОВЪ (поспѣшно).

Ушиблась?

ТРЕТІЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Отсюда но разглядишь. Да вашъ братъ упадетъ, не расшибется.

Digitized by Google

КАЛИНА.

Молчите вы крапивное сѣмя!... Вамъ бы руки нагрѣть, да обиды чинить, — знаемъ мы васъ. Давно бы васъ бросилъ, коли не польза государева, да Петръ Васильичъ. Ну, видишь, Петровъ, самъ царь проѣхалъ. Хоть при немъ войди въ себя. Облегчи свою участь. Скажи, назови соучастниковъ въ злодѣйскомъ умыслѣ.

ПЕТРОВЪ.

Я сказалъ всю истину. Больше говорить нечего. Коли долгъ твой велитъ судить меня, такъ судите; коли надо мнѣ итти въ тюрьму, покуда судить будутъ, — я пойду. Я не прекословенъ и попрекать не стану. Исполняй твой законъ. Не по злобѣ же ты творишь это, а для оберегательства. Позволь только Богу помолиться.

КАЛИНА.

Молись. Да вразумитъ Онъ тебя.

(Петровъ становится на колѣни и молится. Молчаніе).

Ну, готовъ?

ПЕТРОВЪ.

Готовъ....

КАЛИНА.

Ведите его, да стеречь хорошенько, чтобъ не ушелъ.... Слышите ли?

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Какже!

КАЛИНА (отворачивается).

Ну.... дѣлайте свое дѣло.

(Петрова уводятъ. Въ это время входятъ П. В. Шереметевъ, М. Г. Ромадановскій и Бездомный).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Повремените, присяжные люди.

КАЛИНА.

А! вотъ самъ Петръ Васильичъ пожаловалъ.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

О чемъ идетъ у васъ толкъ?

Digitized by Google

КАЛИНА.

Стрѣльца поймали съ оружіемъ у царскихъ палатъ, такъ вотъ хотимъ дознаться, не замышлялъ ли чего худого.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Не надо. Вотъ князь Михаилъ Григорьичъ ему порука. — Онъ ему воеводой былъ и за него ручается. Прикажите ему одѣться и домой итти.

КАЛИНА.

Ну, слава Богу!

ПЕТРОВЪ.

Спасибо тебѣ, князь, что не оставилъ дочь сиротой.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Ну, князь, сдѣлано по твоему. Теперь извини, боюсьот стать отъ шествія. Да вотъ еще приказать кое-что надо. Прощай покуда. А вы проводите меня.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Не забуду я твоего одолженія.

(Шереметевъ уходитъ въ сопровожденіи Калины и подъячихъ. Петровъ уходитъ съ прочими).

ЯВЛЕНІЕ VII.

РОМАДАНОВСКІЙ и БЕЗДОМНЫЙ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Да! старикъ Ромадановскій помнитъ одолженія, да и обиды крѣпко держитъ въ памяти. Ты мнѣ хорошо присовѣтовалъ. Я помню этого Петрова. Онъ дорожитъ честью не хуже нашего брата. Онъ за обиду спасибо не скажетъ. Съ нимъ Мстиславскіе не раздѣлаются.

БЕЗДОМНЫЙ.

Да то ли еще будетъ! Тутъ есть еще одинъ стрѣлецъ, — сорви-голова, — Афанасьевъ. Онъ все и разсказалъ-то мнѣ. Хоть куда молодецъ, за деньги все сдѣлаетъ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Смотри же, не забудь обѣщанія: отомсти за меня, да хорошенько. А за деньгами дѣло не станетъ: всю казну отдамъ для расплаты. На кого мнѣ ее беречь! Извели у меня семью, убили сына. Однимъ живу, чтобъ развѣдаться съ Мстислав-

Digitized by Google

скимъ.... Ты знаешь ли, что въ 7084 году въ Василевѣ былъ воеводой въ первыхъ предокъ мой князь Антонъ Михайлычъ.— А Мстиславскій былъ въ Апсалѣ вторымъ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Да городъ Апсаль былъ можетъ старше Василева города.

РОМАДАНОВСКІЙ.

То-то что нѣтъ. Гдѣ это видано, чтобъ нѣмецкій городишко былъ выше русскаго города! — А насъ же унижаютъ теперь. О чести родовой и говорить нечего, да честью-то разрядной мы всегда ихъ были выше. — Когда Іоаннъ Васильевичъ выдавалъ дочь свою за литовскаго князя, при ней былъ Ромадановскій князь Василій Васильичъ, а теперь срамятъ насъ въ позоръ передъ людьми и убавляютъ честь нашу съ каждымъ днемъ, хотятъ, чтобъ родъ исхудалъ непоправно. Вѣришь ли, подъ часъ радуюсь, что сына моего ребенкомъ убили, что не дожилъ онъ до нашихъ временъ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Перетерпи, князь!

РОМАДАНОВСКІЙ.

На сватьбѣ царя Алексѣя Михаиловича, одинъ Ромадановскій былъ въ дружкахъ, другой устилалъ царскій путь камками, а Мстиславскіе были въ поѣзжанахъ. Правда, и повезло имъ потомъ. Не съ нынѣшняго дня загорѣлась во мнѣ злоба. Отцы наши мѣстничались и завѣщали намъ вражду. Дѣти исполнятъ завѣщаніе.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и ПЕТРОВЪ (въ полномъ стрѣлецкомъ вооруженіи).

ПЕТРОВЪ.

Батюшка князь Михаилъ Григорьичъ, не забываешь ты насъ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Что́, братъ, попался-было въ бѣду?

ПЕТРОВЪ.

Помилуй Богъ!

РОМАДАНОВСКІЙ.

Забыли вы меня, мои сѣвскіе ратники!

Digitized by Google

ПЕТРОВЪ.

Приказывай своимъ ратникамъ: ты нашъ начальникъ, воевода.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Какой я воевода! Да и ты что за ратникъ! Я — старикъ опозоренный ты — воинъ безъ чести.

ПЕТРОВЪ.

Кто отнялъ у меня честь?

РОМАДАНОВСКІЙ.

Когда я проливалъ кровь свою съ вами на службѣ, здѣсь отнималъ у меня мѣсто временщикъ проклятый.

ПЕТРОВЪ.

Да честь-то кто у меня отнялъ?

РОМАДАНОВСКІЙ.

Любо ему теперь. Смѣется онъ теперь, что стараго воина заставилъ стоять передъ собой на колѣняхъ, что нанесъ онъ конечное пятно моему роду въ вѣчную попирку, въ вѣчный попрекъ. Да нѣтъ, погоди.... мы еще съ нимъ раздѣлаемся. Не такъ ли товарищъ? Скажи, у тебя одна только дочь?

ПЕТРОВЪ.

Одна.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Какъ, только одна и есть? сыновей нѣтъ?

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Да ты Мстиславскихъ-то знаешь?

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ, я человѣкъ новый.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Послушай. Здѣсь въ Москвѣ живетъ попавшій въ бояре Иванъ Васильичъ Мстиславскій, у него сынъ Василій. Сынъ его Василій обманулъ, обольстилъ, обезславилъ твое рожденіе, твою дочь единственную. Понимаешь ли?

ПЕТРОВЪ.

Кто говорилъ это?

РОМАДАНОВСКІЙ.

Я это тебѣ говорю. Вхожъ къ тебѣ молодой парень, суконной сотни торговый человѣкъ?

Digitized by Google

ПЕТРОВЪ.

Бывалъ, — сколько разъ бывалъ! Такъ что-же?

РОМАДАНОВСКІЙ.

То-то и есть, что онъ не торговый человѣкъ, а только личину на себя надѣлъ, — притворство чинитъ: онъ-то и есть обманщикъ Мстиславскій.

ПЕТРОВЪ.

Да правда ли, бояринъ?

РОМАДАНОВСКІЙ.

Да такъ же правда, какъ я, твой воевода, стоялъ передъ отцомъ его на колѣняхъ, просилъ о милости, благодарилъ за ласку. Вѣдь трудно повѣрить, а правда. Смѣшно кажется.... Что́жь ты не смѣешся?

ПЕТРОВЪ (мрачно).

Не до смѣху, бояринъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже, и ОЛЬГА.

ОЛЬГА (плачетъ).

Не допустили меня бѣдную.... толпа такая.... Живъ-ли онъ остался. А.... вотъ и онъ.... да что́ такое?... ужь ему и оружіе отдано. *(вскрикиваетъ и бѣжитъ къ отцу)* Батюшка!

ПЕТРОВЪ.

Ольга.... рад.... *(отталкиваетъ дочь)* Да нѣтъ! погоди, голубушка. Ты куда ходила?

ОЛЬГА (съ удивленіемъ).

Да ты видѣлъ. Царь шелъ походомъ. Хотѣла просить милости, да нельзя было дойти. Оттерли, отбросили.... я и пришла....

ПЕТРОВЪ.

А какъ зовутъ твоего суженаго?

ОЛЬГА.

Батюшка!...

ПЕТРОВЪ.

Какъ зовутъ твоего милаго друга, безстыдница?... Я ли тебя не кормилъ, не возлелѣялъ, не воспиталъ? я ли для тебя

Digitized by Google

не несъ всякихъ тягостей? Отблагодарила же!... Какъ зовутъ твоего любовника, распутница?

ОЛЬГА.

Выслушай, батюшка!

ПЕТРОВЪ.

Мнѣ тебя слушать! Нѣтъ, ты меня послушай. Ты меня еще не слыхивала.... Видала мою любовь, да гнѣва еще не видала. А вотъ узнаешь. Познакомишься.

ОЛЬГА.

Бат...

ПЕТРОВЪ.

Молчать! Видишь, чужіе люди стоятъ. Видишь, бояринъ здѣсь. Или ты стыдъ потеряла и при нихъ говорить станешь. Пойдемъ домой, дочка.... домой пойдемъ. Тамъ побесѣдуемъ, потолкуемъ. Да какъ же ты это меня обманула? какъ не видалъ я вашихъ шашней и вора пустилъ себѣ въ домъ? Ну, отвѣчай же.... Чтóжь ты молчишь? Отвѣчай!

ОЛЬГА.

Батюшка! не вынесу я твоего гнѣва. Сердце захватываетъ. (*Падаетъ въ обморокъ на руки Петрова*).

РОМАДАНОВСКІЙ.

Да ты побереги ее, ато уморишь со страху.

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ.... отъ стыда не умираютъ. Спасибо на добрыя вѣсти, бояринъ. Домой пора. Теперь будетъ о чемъ покалякать. Живите счастливо. (*Вскидываетъ дочь на плечи и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Жаль мнѣ его стало. Вѣдь, чтó ни говори, отецъ....

БЕЗДОМНЫЙ.

Такъ чтóжь! Кланяться ему, чтò ли, Мстиславскимъ?

РОМАДАНОВСКІЙ.

Правда твоя. Нѣтъ имъ пощады. Доведу я ихъ до того, что въ ногахъ у меня будутъ валяться.

БЕЗДОМНЫЙ.

И подѣломъ будетъ.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже и подъячіе. (Боязливо, второпяхъ).

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Уходи, бояринъ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Что?

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Какъ бы не быть бѣдѣ: стрѣльцы издали бѣгутъ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Такъ что же?

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Неравенъ случай. Народъ буйный. Иной разъ съ ними и головы не снесешь.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Да гдѣжь ты слыхивалъ, чтобъ князь Ромадановскій отъ кого-нибудь бѣгалъ?

ВТОРОЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Твоя воля. Такъ позволь хоть намъ спрятаться.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Не бойтесь. Пока я съ вами, бѣды не будетъ.

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Не заложить ли дверей?

РОМАДАНОВСКІЙ.

Настежъ двери.

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Да помилуйте!

РОМАДАНОВСКІЙ.

Слушайся, подъячій, когда я приказываю. (*Отталкиваетъ подъячаго и отпираетъ настежъ двери; на сцену вбѣгаетъ толпа стрѣльцовъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣже и стрѣльцы.

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Кого вамъ надо?

Digitized by Google

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Нашего стрѣльца, слышно, схватили по боярскому приказу.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Пятидесятника Петрова.

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

За нимъ пришли.

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Выпустите его!

ПЯТЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да гдѣ вы его спрятали?

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

А вотъ сами отыщемъ.

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Да его бояринъ уже отпустилъ.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Будто? Ну, дѣло доброе!

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Иное дѣло.

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ахъ! батюшка, прежній воевода нашъ.... князь Михаилъ Григорьичъ.... И ты здѣсь!

РОМАДАНОВСКІЙ.

Сами видите.... здѣсь.... Свобождать прежде васъ пришелъ своего ратника. На мою поруку его и выдали.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ахъ, отецъ ты нашъ, не забылъ ты своихъ сѣвскихъ.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Дай Богъ тебѣ здоровья. Мы тобой, батюшка, довольны.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да что́ это! ты какъ бы постарѣлъ будто, посѣдѣлъ весь?

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Нѣтъ ли тебѣ какой обиды?

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ты намъ слово молви: мы пособить готовы!....

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Животомъ за тебя ляжемъ.

РОМАДАНОВСКІЙ (радостно).

Какъ, въ-самомъ-дѣлѣ? не забыли вы меня, старика? памятуете нашу службу? заступитесь за меня.

Digitized by Google

ПЕРВОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Прикажи только.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Скажи, кто твой злодѣй! чтобъ его не было....

РОМАДАНОВСКІЙ.

Слышишь ли, Иванъ Васильичъ,— слышишь ли, какую Богъ далъ мнѣ семью? Стоитъ мнѣ слово сказать, и ты съ родомъ своимъ исчезнешь какъ прахъ передъ лицомъ вѣтра. Да нѣтъ: законъ не велитъ. Спасибо, дѣти: порадовали вы старика. Спасибо! не надо!

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Эхъ, напрасно, князь.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Не многаго бы стоило.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ.... и не говорите. Нето послушаюсь. Грѣхъ будетъ. Увидимся еще, какъ пойдемъ бить бусурмана. Слышно, опять война.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Дай-то Богъ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Послужимъ еще вмѣстѣ, а теперь ступайте по домамъ. Не забуду я вашей дружбы. Не знаетъ, не чуетъ, мѣстникъ проклятый, что жизнь его на волоскѣ. Ну, чтобы.... да нѣтъ!... уйти скорѣе отъ искушенія... До свиданія, товарищи! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ну, ребята, видно и намъ по избамъ.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Дѣлать, знать, нечего.

БЕЗДОМНЫЙ.

Афанасьевъ, поди-ка сюда въ сторонку: надо посовѣтоваться съ тобой. Сто рублевъ хочешь?

АФАНАСЬЕВЪ.

Какъ не хотѣть! за то, что давича говорили?

Digitized by Google

БЕЗДОМНЫЙ.

Да!... Михайла Григорьича обидѣлъ Мстиславскій. Чай, слышалъ?

АФАНАСЬЕВЪ.

Слышалъ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Сынъ Мстиславскаго обманулъ стрѣлецкую дѣвку. Слышалъ?

АФАНАСЬЕВЪ.

Слышалъ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Ну, такъ что̀ же?

АФАНАСЬЕВЪ (смѣется).

Да; да: смекнулъ, надо отплатить за воеводу и за себя. Да, точно надо, въ-самомъ-дѣлѣ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Да какъ бы это?

АФАНАСЬЕВЪ.

Дай-ка подумать. Сто рублевъ, что̀ ли?

БЕЗДОМНЫЙ.

Сто рублевъ.

АФАНАСЬЕВЪ.

Ладно. Хорошо. Обро̀ська!

ОБРОСЬКА.

Что̀?...

АФАНАСЬЕВЪ.

Ты знаешь хоромы Мстиславскаго?

ОБРОСЬКА.

Какъ не знать!

АФАНАСЬЕВЪ.

Бѣги туда. Вызови потихоньку сына боярина. Скажи, что ты присланъ отъ петровской дочери.... просить вечоръ на свиданье.

ОБРОСЬКА.

Да какъ же это?

АФАНАСЬЕВЪ.

Да такъ же.... Слушай, что̀ говорятъ. Ты нарень ловкій. Тихомолкомъ, знаешь... чтобы повѣрилъ. Очень-де нужно свидѣться.

Digitized by Google

ОБРОСЬКА.

Пожалуй пойду.

АФАНАСЬЕВЪ.

Ну, ступай же.... Эхъ, загорѣлось. Вотъ какъ пообѣдаемъ...

БЕЗДОМНЫЙ.

Да ты что́ хочешь дѣлать?

АФАНАСЬЕВЪ.

Ну, ужь тамъ самъ увидишь. Только денежки припасай. Ну, пойдемъ теперь; просимъ прощенія. Пойдемъ-те, ребята.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Простая стрѣлецкая изба. ПЕТРОВЪ сидитъ задумавшись у стола.

ПЕТРОВЪ (одинъ).

Обманомъ, говоритъ она, коварствомъ, лестью, какъ тать поганый, вкрался онъ въ мою хату, назвалъ себя простымъ человѣкомъ. Знать, обезславить хотѣлъ, позоръ нанести, въ вѣчный попрекъ, на посмѣяніе народу. Да что́жь у меня въ-самомъ-дѣлѣ руки, что́ ли, отсохли? нѣтъ самопала своего, пищали своей стрѣлецкой? Бывалъ же молодцомъ на войнѣ, не спускалъ врагу, а тутъ за рожденіе свое не съумѣю заступиться? Что́ тутъ думать? самъ бѣды напросился. Пеняй на себя. Милости просимъ, гость любезный. Угощу тебя по-русски—дубовыми щами съ желѣзной похлебкой. Не съ дочкой тебя сосватаю, а съ мечемъ булатнымъ, со смертью лютою. Попадись только. Не отвернешься. Убью, просто убью, какъ звѣря хищнаго.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПЕТРОВЪ и ОЛЬГА.

ОЛЬГА.

Ты кликалъ, родной?

Digitized by Google

ПЕТРОВЪ.

Я?... нѣтъ.... ступай себѣ, хозяйничай знай... Да бишь!... Ольга!...

ОЛЬГА.

Чего изволишь?

ПЕТРОВЪ.

Поди-ка сюда, поди.... Вотъ такъ. Погляди на меня... Скажи-ка мнѣ, ты помнишь Божьи заповѣди?

ОЛЬГА.

Слава Богу, не забывала.

ПЕТРОВЪ.

Ты говори правду.... правду говори. Ты знаешь, что лгать грѣхъ великій?

ОЛЬГА.

Знаю.

ПЕТРОВЪ.

А знаешь ли ты это, что солгать родному отцу такой грѣхъ, что вымолвить страшно.... а? знаешь?

ОЛЬГА (въ испугѣ).

Батюшка!

ПЕТРОВЪ.

То-то же.... Ну, не бойся!... я не отъ гнѣва. Я только хотѣлъ спросить, помнишь ли, чему я училъ тебя съ дѣтства? Ну, ступай! Богъ съ тобой.... Такъ ты точно думала, что онъ простой человѣкъ.... какой бишь?

ОЛЬГА.

Суконной сотни торговый человѣкъ.

ПЕТРОВЪ.

Да, ты уже говорила (*про себя*) Лихой обманщикъ! (*вслухъ*) Что же? не говорилъ ли онъ тебѣ льстивыхъ словъ, что ты ему приглянулась, полюбилась, пожалуй? говорилъ ли онъ?...

ОЛЬГА.

Батюшка!!

ПЕТРОВЪ (вспыльчиво).

А! такъ ты солгала мнѣ давича, не признавалась! забыла дѣвичій стыдъ, материнское благословеніе, опозорить меня вздумала! Отойди прочь.

Digitized by Google

ОЛЬГА.

Батюшка, не гнѣвайся, а выслушай милостиво. Я тебѣ сказала всю правду, истину.... Любъ онъ мнѣ былъ, грѣха таить нечего. Но льстивыхъ словъ межъ насъ не было. Обманулъ онъ, — Богъ ему судія! Теперь онъ мнѣ чужой человѣкъ.

ПЕТРОВЪ.

Слушай, дочка, ты меня знаешь, у меня одно слово. Сохрани тебя Небесный Владыко хоть единый разъ видѣться съ этимъ *торговымъ человѣкомъ*, хоть нечарокомъ, хоть невзначай встрѣтиться съ нимъ на улицѣ. Помнишь ли, когда стрѣлецъ, мой товарищъ измѣнилъ присягѣ и бѣжалъ къ стародубскому полковнику Петрушкѣ Рославцеву, чтобъ пристать къ его шатости и воровству....

ОЛЬГА.

Ты убилъ его.

ПЕТРОВЪ.

Да! добрый былъ товарищъ. Жаль было его, да попутали хитрые люди. Сослужилъ я ему послѣднюю службу. Помнишь ли?

ОЛЬГА.

Помню.

ПЕТРОВЪ.

Ну, такъ слушай же. Да сохранитъ тебя Богъ съ нимъ встрѣтиться. Слышишь? Не долга будетъ расправа. Или онъ, или я, а ужь одинъ не встанетъ. А ты ступай себѣ тогда, куда глаза глядятъ. Мнѣ распутница — не дочь.

ОЛЬГА.

Батюшка, ты безвинно меня караешь!

ПЕТРОВЪ.

Развѣ ты виновата? Плакать нечего. Виноватые пусть и плачутъ. Я такъ только предостеречь хотѣлъ, чтобъ неравно не попался онъ тебѣ на глаза. Ну, ступай себѣ. Отдохни маленько. Ты, чаю, моя горлица, измаялась совсѣмъ. Ступай съ Богомъ. (*Беретъ мечь со стола*). Вотъ онъ, мой вѣрный товарищъ, соскучился безъ дѣла, заржавѣлъ. А вотъ погоди, будетъ тебѣ дѣло!

. . . . . .

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ III.

ПЕТРОВЪ и СТРѢЛЬЦЫ.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ну, куда же ты, отшельникъ?... Вишь тягу какую задалъ! Ну, здорово, Петровъ. Вотъ къ тебѣ и гости привалили — поздравить на радость, что съ полона свободился.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ну, братъ, поздравляю. Хорошо, что такъ обошлось. А тобъ мы тебя выручили. Эй, право такъ. Нашихъ не трогай.

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

На то, знать, стрѣльцы-молодцы!

ПЕТРОВЪ.

На дружбѣ вашей спасибо, а своевольство не годится, ребята. Эй, повѣрьте. Наше дѣло служить правдою.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Чтóжь, наша служба видна. Вѣдались мы со всякими — и съ деревенской шишиморой и съ крымскимъ ханомъ. Грудью постояли за царя русскаго да за батюшку нашего воеводу князя Михаила Григорьича. Дѣло свое, кажись, не хуже другихъ исправили, государя нашего счастьемъ да молитвами заступниковъ нашихъ.

ПЕТРОВЪ.

А не читана вамъ въ соборѣ царская милостивая похвала? не переведены вы въ отличіе изъ Сѣвска въ Москву?

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Э, братъ Григорій, въ томъ-то и бѣда вся наша. Здѣсь порядки-то совсѣмъ другіе. Тамъ ратничать пріобыкли, а здѣсь торговать надо да тяжелыя работы нести, на полковниковъ землю пахать.... Эхъ, доля-то горемычная!

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

А тутъ же въ хлѣбѣ недородъ, да дороговь такая, что и приступиться не къ чему.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

А видѣли вы давича воеводу нашего князя Михаила Григорьича? слышали его рѣчи? Ишь постарѣлъ какъ, голубчикъ! Знать, и ему-то не любо здѣсь приходится. Слышно, бояре крѣпко обижаютъ, мѣста не даютъ.

Digitized by Google

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Слышно, обошли совсѣмъ, такую чести его дали поруху, что прости Господи!

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да чтожь онъ въ самомъ-то дѣлѣ не призоветъ насъ на оборону? Намъ не впервой будетъ послужить за него.

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Онъ отецъ нашъ, а мы дѣти его.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

За кого же и постоять!

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да ктожь ему, родному, обиды чинитъ?

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да Мстиславскіе, слышно.

ПЕТРОВЪ (какъ-бы опомнясь).

Кто здѣсь Мстиславскихъ поминаетъ?

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Обижаютъ, говорятъ.

ПЕТРОВЪ.

Кто вамъ это говорилъ? Не трогайте. Мое дѣло! Я съ ними слажу, развѣдаюсь. Не отнимайте. Моя добыча, мой расчетъ. Ужь попадись онъ мнѣ только!

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ай да Григорій! вотъ это по нашему. Люблю за обычай.

СТРѢЛЕЦЪ ВТОРОЙ.

И впрямь, пора къ разсчету.

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да вотъ, спроситься бы Афанасьева: малый смѣтливый,— какъ разъ наставитъ на дѣло.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да кудажь онъ пропалъ? съ утра не видать.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Къ Пыжову, слышно, наряженъ на домашнюю работу.

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Эка! такъ не мы же одни! и Афанасьева туда же! Что-то скажетъ теперь?

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Чай, не любо покажется.

Digitized by Google

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ба! да никакъ и самъ онъ! какъ сонъ въ руку!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и АФАНАСЬЕВЪ.

АФАНАСЬЕВЪ.

Здорово, мужики!

СТРѢЛЕЦЪ.

Здорово, братъ. Что́ цѣлый день не видать?

АФАНАСЬЕВЪ.

Да что́, ребятушки, у Пыжова на огородахъ мужичью должность исправлялъ. Капусту рубилъ. Капуста вотъ какая выросла.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Вотъ и въ огородники попалъ.

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Добрались и до тебя, знать.

АФАНАСЬЕВЪ.

Да что́ съ нимъ станешь дѣлать. Ослушайся, такъ бѣду наживешь, еще хуже!... Знатные, скажу вамъ, огороды.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Чего мудренаго! Достатокъ великъ, не то, что́ у насъ.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

А вотъ намъ такъ все недодача.

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Бога они не боятся, Пыжовъ этотъ да Грибоѣдовъ. Взяли въ крѣпость, да и только. Нынче огороды сажать, завтра пруды копать, плотины дѣлать, сѣно косить, лѣсъ чистить, дрова рубить, да въ Москву на своихъ лошаденкахъ возить. Бѣда, да и все тутъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Добро бы насъ однихъ, ато женъ да дѣтей гоняютъ. Гдѣжь это видано?

ПЯТЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Мы люди торговые.

Digitized by Google

ШЕСТОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да и ратные, пожалуй. Скажутъ походъ, такъ свое дѣло не хуже другихъ исправимъ.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

А съ насъ же вычитаютъ да поборы берутъ. Да вотъ опомнясь пришлось отлучиться мнѣ съ стѣнного караула въ Звенигородъ, такъ вѣдь двѣ гривны отдалъ.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

А я такъ съ недѣльнаго отлучился за десять алтынъ.

АФАНАСЬЕВЪ.

Да, бишь! Богданъ-то Пыжовъ прислалъ меня къ вамъ съ наказомъ.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Что ему еще?

АФАНАСЬЕВЪ.

Да вотъ, не знаю, именины, что ли, скоро праздновать будетъ, такъ проситъ обновы, чтобъ поднесли ему кафтанъ зонашитъ, цвѣтной, съ золотыми нашивками, въ девять аршинъ десять вершковъ, да шапку соболью, да сапоги жолтые.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Вишь ты, какой умникъ! Да намъ-то изъ чего....

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Нѣтъ, ребята, это ужь изъ рукъ вонъ! хоть въ лѣсъ бѣжать. Повершить бы надо.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да гдѣ намъ? Дѣло, чай, не легкое.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ну, своего разума не хватитъ, въ людяхъ займемъ.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да, бояре-то противу насъ. Отъ нихъ, слышно, противу насъ и дѣется.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Не всѣ же. Вотъ Мстиславскій нашу сторону держитъ. Да и Хованскіе тожь.

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Много лѣтъ имъ здравствовать!

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

А другимъ-то не такъ что много больно будетъ. Можно будетъ справиться.

Digitized by Google

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да не подать ли прежде челобитье?

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Э, братъ! Къ Долгорукову пойдемъ, сѣчь станетъ. Всѣ они за-одно. Нѣтъ, ребята, дойдетъ дѣло до расправы... Намъ же скажутъ спасибо.

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Только бы начальника себѣ выбрать, воеводу.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да и впрямь, что̀ мѣшкать. Пора разбирать, кого намъ надобно.

ПЕТРОВЪ.

Эхъ! ребята, ребята! затѣваете вы недоброе на свою голову. Слышали вы, должно быть, что въ чужихъ людяхъ ведется обычай такой: что̀ кому любо и прибыльно, то̀ тому и по совѣсти. Нынѣ совѣсть одна, завтра другая. Да намъ, православнымъ, приходится ли такъ? У насъ никакъ свой законъ. У русскаго человѣка и искони вѣковъ всего только одна совѣсть живала.

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Дѣло, Григорій!

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Не дай Богъ итти противъ совѣсти.

ПЕТРОВЪ.

То-то же. Намъ не доводится заводить новую совѣсть. Жили по старой, и слава Богу, со всякой вѣрностью, безъ измѣны и хитрости. Не пропадутъ передъ Богомъ да великимъ государемъ служба наша, да кровь, да раны, да полонное терпѣніе, да осадное сидѣніе, да чинимыя неправды. Все воздастся въ свое время. А чинить самимъ расправу съ буйствомъ грѣшно. Дали вы государю обѣщаніе и вѣру, по святой и непорочной евангельской заповѣди, противъ крестоцаловальной записи. Эй, бросьте воровскіе замыслы да дѣла, что̀ и бусурманы творить страшатся. Стыдно вамъ забывать, что совѣсть и законъ велятъ вамъ памятовать крестное цалованіе и стоять за него и оборонять его, доколѣ душа въ тѣлѣ и жизнь при васъ будетъ.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Э, братъ, да ты этакъ, пожалуй, на насъ съ извѣтомъ пойдешь.

Digitized by Google

ПЕТРОВЪ.

И подлинно, пойду. Прямо говорю вамъ, пойду, коли не придете къ познанью отъ своевольства. Лучше немногимъ пропадать, чѣмъ всему стрѣлечеству быть въ тяжкой церковной клятвѣ, а отъ государя въ казни безъ милосердія.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Хвастаешь, братъ.... не пойдешь. Мы тебя знаемъ.

ПЕТРОВЪ.

Пойду, какъ Богъ святъ!

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Эва, какой! Да ты самъ у насъ сперва пропадешь.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Мы тебя знаешь какъ!

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Не тронь. Напугать, знать, хочетъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Братьевъ продавать....

ПЯТЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Отъ своихъ отставать....

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Мы и тебя не пожалѣемъ. Виноватаго кровь — вода.

СТРѢЛЬЦЫ.

Какъ муху убьемъ.

(Стрѣльцы подступаютъ къ Петрову. Петровъ стоитъ хладнокровно, сложивши на груди руки.)

ПЕТРОВЪ.

Такъ видите ли, товарищи, что̀ значитъ-то совѣсть. У васъ безъ хмѣля и руки на безвиннаго не подымаются. А я стою среди васъ безъ трепета и страха, и хоть сейчасъ готовъ предстать передъ своимъ Господомъ. Вотъ она, православные, совѣсть-то. Эхъ, братцы, не научу я васъ недоброму. Въ моемъ домѣ нѣтъ измѣны.

АФАНАСЬЕВЪ (смѣясь).

Почему знать?...

ПЕТРОВЪ.

Что̀?...

АФАНАСЬЕВЪ.

Не ты обманешь, другіе за тебя найдутся....

Digitized by Google

ПЕТРОВЪ.

Ктожъ по твоему?

АФАНАСЬЕВЪ.

Да много ли живетъ васъ здѣсь? всего самъ другъ.

ПЕТРОВЪ (поспѣшно отводитъ Афанасьева въ сторону).

Берегись.... чтобъ не услыхали. Ты не спроста говоришь. Говори, что́ знаешь?

АФАНАСЬЕВЪ.

Да я такъ говорю, про-себя, про обманщиковъ. Мало ли ихъ теперь по бѣлу свѣту шатается.... И не то, чтобъ простые люди, нашъ братъ. Ато боярской крови бываютъ. Дѣлать, знать, нѣчего, такъ вотъ что̀ лѣшіе затѣяли. Одѣваются въ скромное платье, да какъ мы со двора, а они къ намъ на дворъ.... къ дочкамъ съ посѣщеніемъ.... Вишь какіе!

ПЕТРОВЪ.

Повремени.... дай вздохнуть маленько. Въ глазахъ красная полоса прошла. Ты отъ кого узналъ?

АФАНАСЬЕВЪ.

Вотъ хорошо, отъ кого узналъ! сколько разъ самъ видѣлъ.

ПЕТРОВЪ.

Что́ видѣлъ?...

АФАНАСЬЕВЪ (смѣется).

Извѣстно, что̀.... У нихъ уже давно полажено.

ПЕТРОВЪ.

Лжешь, окаянный.... Онъ ей человѣкъ чужой.

АФАНАСЬЕВЪ.

Извѣстно. Въ приходѣ не вѣнчался. Да теперь времена такія. И такъ, попросту, бываетъ. Отецъ спать ляжетъ, а въ темну ночь въ калитку пройти трудность не велика, да и отпереть не страшно для милаго дружка.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Эй! хозяинъ.... что́ ты впрямь глядишь пугалой, а гостей забываешь? Сухая ложка ротъ деретъ. Можно бы, кажись, поднести.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Вѣстимо, что́ тутъ горе горевать! По нашему хоть домъ гори, только бражку вари.

Digitized by Google

ПЕТРОВЪ (дрожащимъ голосомъ).

Дочка! дочка!

ОЛЬГА.

Чего прикажешь?

ПЕТРОВЪ (кидаясь на нее).

Я тебя!...

АФАНАСЬЕВЪ (удерживая Петрова).

Остерегись, Григорій. Вишь, люди глядятъ. Вѣдь не уйдетъ она отъ тебя.

ОЛЬГА.

Чего, батюшка, прикажешь?

ПЕТРОВЪ.

Что̀ я приказываю? Забыла, видно, все, все забыла. Да у тебя что̀ въ головѣ? О чемъ ты думаешь? Видишь, гости сидятъ.... А еще хозяйка! Отчего столъ не накрытъ? отчего не просишь ты гостей, чѣмъ Богъ послалъ?... О чемъ же ты думаешь?

ОЛЬГА.

Сейчасъ подамъ.

ПЕТРОВЪ.

Ты у меня смотри. (*Къ Афанасьеву*) Послушай, Афанасьевъ, будь роднымъ братомъ: докажи только.... дай видѣть своими глазами. Вѣкъ не забуду.

АФАНАСЬЕВЪ.

Да пожалуй и показать можемъ. Хочешь, подстережемъ вмѣстѣ у плетня? Тамъ увидишь, какъ онъ каждую ноченьку пробирается.

ПЕТРОВЪ.

Лжешь ты! не повѣрю.

АФАНАСЬЕВЪ.

Самъ увидишь.

(Ольга обноситъ стрѣльцовъ).

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ну, вотъ это такъ по нашему.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Спасибо на угощеніи.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ай да красавица! Уродилъ же, Григорій, Господь такую дочьку.

Digitized by Google

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Жаль будетъ въ люди отдавать. Вѣкъ бы не разстался.

ПЕТРОВЪ (шопотомъ).

Афанасьевъ!

АФАНАСЬЕВЪ.

Что́?

ПЕТРОВЪ.

Изъ какихъ онъ Мстиславскихъ?

АФАНАСЬЕВЪ.

А вотъ сынъ самого Ивана Васильича.

ПЕТРОВЪ.

Ну.... я его.... не спущу!

АФАНАСЬЕВЪ (смѣется).

Какъ?

ПЕТРОВЪ.

А вотъ увидишь....

АФАНАСЬЕВЪ.

Коли правду говорить, по моему ни рѣзать, ни стрѣлять не годится. Рана — улика. То ли дѣло, порошокъ, отравное зельице.... Сгинулъ, пропалъ человѣкъ, невѣдомо какъ. Хочешь одолжу. Вотъ всегда въ ладонкѣ ношу на себѣ на всякой случай. Ты прикинься маленько, приласкай его, какъ-будто онъ тебѣ больно по сердцу.... а тамъ неравно онъ испить попроситъ, ты и подашь.

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ, братъ, это не мое дѣло. Не такъ вѣдаюсь я съ злодѣемъ своимъ. Глазъ противъ глаза. Грудь противъ груди. Онъ съ мечемъ, я съ мечемъ. Обороняйся, какъ знаешь. Только не уйдетъ отъ меня. Не быть ему живому.

АФАНАСЬЕВЪ.

Ну, братъ, какъ знаешь.... Я такъ сказалъ по дружбѣ. Не всякъ злодѣй, кто часомъ лихъ.

ПЕТРОВЪ.

Чтожь вы не пьете? Пейте на здоровье. Что́жь ты, дочька, не просишь? али зазпалась слишкомъ? простымъ людямъ и кланяться не хочешь? Я проучу тебя. Будешь ты свое дѣло помнить.

ОЛЬГА (кланяется).

Прошу покорно.

Digitized by Google

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да полно пугать-то ее. Эка строгость! Была бы у меня дочка такая, худого слова бы не говорилъ.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

А брага знатная: такъ и разбираетъ.

АФАНАСЬЕВЪ.

Налей-ка и мнѣ, красавица.

Эхъ, хороша бражка,
Да мала чашка!

Спасибо.... Ну-ка, по другой. Сто лѣтъ тебѣ здравствовать. Жениха тебѣ молодца. Самъ бы назвался, да не гожусь: выпить люблю. Ну, выпили — и довольно. Ступайте по домамъ. Хозяину теперь недосугъ. Ступай, Григорій, за шапкой. Пойдемъ, покажу я тебѣ хорошее мѣстечко. Будешь доволенъ.

ПЕТРОВЪ.

Пора, что́ ли?

АФАНАСЬЕВЪ.

А вотъ увидимъ. Всего впередъ не узнаешь. *(Петровъ уходитъ).* Да, бишь, ребята, больно насъ обижаютъ. *(шопотомъ)* Слышали вы про его дочку?

СТРѢЛЕЦЪ (указывая на Ольгу).

Слышали, да говорить здѣсь негоже....

АФАНАСЬЕВЪ.

Да вотъ что́.... Я далъ слово постоять за князя Михаила Григорьича. Хотите, что́ ли?

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Какъ не хотѣть! онъ отецъ нашъ.

АФАНАСЬЕВЪ.

То-то же. Такъ ступайте, скликайте къ вечеру народъ сюда на площадь, кому угодно только гулять. Зовите всѣхъ: затинщиковъ, ямщиковъ, посадскихъ людей. На всѣхъ будетъ угощенье.

СТРѢЛЕЦЪ.

Да ты что́, братъ, затѣваешь?

АФАНАСЬЕВЪ.

Не твое дѣло, ступай себѣ.

СТРѢЛЕЦЪ (почесываясь).

Да какъ же это?

Digitized by Google

АФАНАСЬЕВЪ.

Да такъ же. Ты гулять любишь?

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ (смѣло).

Какъ не любить.

АФАНАСЬЕВЪ.

Ну, и все тутъ. Зови всѣхъ къ Съѣзжей избѣ.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ну, пойдемте ребята. Да гдѣ же хозяинъ?

АФАНАСЬЕВЪ.

Онъ тоже со двора. Да вотъ и готовъ. *(Петровъ возвращается.)*

СТРѢЛЕЦЪ ПЕРВЫЙ.

Э, хозяинъ! спасибо на добромъ словѣ и на угощеніи.

ПЕТРОВЪ.

А васъ на посѣщеніи.

СТРѢЛЬЦЫ.

Просимъ прощенія.

ПЕТРОВЪ.

Съ Богомъ....

(Стрѣльцы уходятъ.)

АФАНАСЬЕВЪ.

Ну, и мы пойдемъ.

ПЕТРОВЪ.

Ну, а какъ обманулъ ты меня?

АФАНАСЬЕВЪ.

Тогда дѣлай со мной что́ знаешь.

ПЕТРОВЪ.

Ну, пойдемъ. Смотри, Ольга, береги домъ, чтобъ неравно не вошелъ кто со стороны. Долго ли вору забраться.... Смотри же!

ОЛЬГА.

Буду стеречь.

ПЕТРОВЪ (вспыльчиво).

Ты стеречь станешь.... кого?... а?...

АФАНАСЬЕВЪ.

Да полно. Эхъ, неугомонный какой!... Вѣдь догадается....

ПЕТРОВЪ.

Ну, ну.... пойдемъ.... Смотри же, стереги хорошенько.... Нето я, знаешь ли.... Да, точно, братъ, уйдемъ, ато не вынесу....

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ V.

ОЛЬГА одна.

Не вѣритъ онъ мнѣ. А напрасно. Я ему сказала всю правду-истину, какъ передъ Богомъ. Этого еще горя недоставало. Провинилась, знать, я передъ Господомъ, что падаетъ на меня кара небесная. И точно, провинилась: безъ спросу, безъ воли родительской другому душу отдала. Сама бѣду накликала. Обманулъ онъ меня, неразумную, осмѣялъ, опозорилъ. Надо бы озлобиться, да не въ-силахъ, не могу. Все бы ему простила.... Да и кто противъ него, какъ подумаешь!... Нѣтъ его краше, нѣтъ его привѣтнѣе. Пущай онъ будетъ счастливъ, а я за двоихъ выстрадаю.... Вы, лютыя печали, не печальте его! вы, злые недуги, не недужьте его! святые мученики, заступитесь за него!... Гдѣ-то онъ теперь?... Соколъ ты мой ясный, ненаглядный ты мой.... Гдѣ ты?... Помнишь ли еще меня, горемычную, али забылъ уже совсѣмъ? *(Передъ окончаніемъ монолога, въ избу тихо входитъ Василій и становится за Ольгой.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

ОЛЬГА и ВАСИЛІЙ.

ВАСИЛІЙ (нѣжно).

Ольга! кто тебя забудетъ?

ОЛЬГА (вскрикивая).

Ахъ! ты здѣсь! откуда? зачѣмъ? не подходи! Кто ты таковъ? я тебя не знаю.

ВАСИЛІЙ.

Я все тотъ же, Ольга.... Судьба меня не измѣнитъ.

ОЛЬГА.

Не подходи, говорятъ тебѣ! Нечего дѣлать тебѣ, знатному человѣку, въ избѣ простыхъ людей. Хорошо ли тебѣ обманывать бѣдную дѣвушку?... зачѣмъ снялъ ты свой шитый кафтанъ узорочный? али стыдно тебѣ въ немъ? Какъ пришелъ ты сюда?

Digitized by Google

ВАСИЛІЙ.

Сама знаешь! видѣть тебя хотѣлъ.

ОЛЬГА.

Зачѣмъ! что́ я тебѣ? ты мнѣ что̀? прочь ступай! Я честная дѣвушка: не знаю худыхъ дѣлъ.... Я тебѣ чужая!

ВАСИЛІЙ.

Ты вся жизнь моя!

ОЛЬГА.

Не смѣй говорить такія рѣчи. Я дочь честнаго стрѣльца: Онъ не дастъ меня въ обиду. Меня защитятъ добрые люди. Хочешь, я крикну въ окно, что сынъ боярина какъ воръ пришелъ къ стрѣлецкой дочери?

ВАСИЛІЙ.

Кричи, пожалуй; отъ тебя и смерть любо принять.

ОЛЬГА (грустно).

Бога ты не боишься, Василій Иванычъ. Ну, что́ я тебѣ сдѣлала? начто позоришь меня передъ людьми? Мало ли тебѣ знатныхъ дѣвушекъ! выбирай любую. А я тебѣ неровня. За мной только и есть, что честь моя дѣвичья. Не отымай послѣдняго.

ВАСИЛІЙ.

Да, знаю я, что я тебѣ чужой, и не любъ, и не пригляденъ. Да не тыль сама видѣть меня хотѣла!

ОЛЬГА.

Грѣхъ тебѣ говорить небывалое. Изъ чего стану я съ тобой рѣчь вести? Нѣтъ у меня, у бѣдной, родимой матушки. Отецъ все на службѣ. Живу сиротой. Некому поить, кормить меня, да стеречь, да оборонять противъ лукавыхъ людей. Самъ ты видишь.... грѣхъ тебѣ, Василій Иванычъ!

ВАСИЛІЙ.

Да, правда твоя: согрѣшилъ я передъ тобой. Меня и безъ того совѣсть мучитъ. Да что̀жь мнѣ дѣлать? Скажи изъ милости.... Жить не могу безъ тебя, вѣрь моему слову.

ОЛЬГА.

Не говори.

ВАСИЛІЙ.

Нѣтъ, выслушай! смерть моя приходитъ. Заѣла тоска, одолѣла зазноба. При тебѣ и горько и весело; безъ тебя — одно горе. Съ тобой и умереть бы, кажется, привольно, а жить — куда бъ какъ хорошо! Ночью ль засну — во снѣ тебя вижу. Жи-

Digitized by Google

вемъ мы вмѣстѣ. Я тебѣ мужъ. Ты моя жена. Ты въ домѣ у меня хозяйка.... А я гляжу да любуюсь.

ОЛЬГА (со вздохомъ).

Не бывать этому.

ВАСИЛІЙ.

Утромъ проснусь, ты опять живая стоишь въ помыслахъ.... Только и думаю: вотъ теперь она у окна сидитъ да, можетъ, думу думаетъ.... вспомнитъ ли про меня, чуетъ ли, что я стосковался по ней, или другой у ней на умѣ?

ОЛЬГА.

О комъ мнѣ думать?

ВАСИЛІЙ.

Горько! нелюбъ я тебѣ.

ОЛЬГА.

Ну, прощай же, Василій Иванычъ! Не суждено намъ жить вмѣстѣ. Другую полюбишь. Право, много ихъ на Москвѣ.

ВАСИЛІЙ.

На Москвѣ ихъ много, да въ душѣ-то ты одна. Скажи только одно слово, Ольга! будешь мнѣ женой.

ОЛЬГА (испугавшись).

Помилуй Богъ! Василій Иванычъ! какъ можешь говорить ты такъ?

ВАСИЛІЙ.

А что́жь? Государи наши женятся же на боярскихъ дочеряхъ. Почему же сыну боярина не жениться на стрѣлецкой дочери? какимъ указомъ запрещено?

ОЛЬГА.

Не видано, не слыхано у насъ такого обычая. Не обманывай пуще. Знаю я твою семью. Приходила я къ вамъ невѣдучи за милостью.... вспомнить не могу!... твой родитель приказалъ челядинцамъ выгнать меня со двора съ позоромъ. Выгнали и насмѣялись.

ВАСИЛІЙ.

Быть не можетъ!

ОЛЬГА.

Заплакала я и пошла себѣ. Стыдно, больно было, что и сказать не умѣю. Сердце надрывалось. Вотъ до чего довелъ ты меня.... Богъ тебя проститъ.

Digitized by Google

ВАСИЛІЙ.

Богъ меня накажетъ, коль я оставлю беззащитную. Не все еще пропало, пока мы живы. Ужель Москва одинъ только городъ на Руси. Слава Богу, есть куда пойти. Здѣсь намъ не житье, найдемъ другое мѣсто. Найдемъ гдѣ-нибудь священника на подворьѣ, — упросимъ, уговоримъ, выплачемъ, заставимъ обвѣнчать. Узнаетъ отецъ, да поздно: не поможетъ. Пускай злобится и отыскиваетъ. Отыщетъ, не бѣда: не развязать ему связаннаго отъ Бога.

ОЛЬГА.

Ужель, Василій, ты это говоришь отъ чистаго сердца?

ВАСИЛІЙ.

Ужель ты вѣры ко мнѣ не имѣешь? Погляди на меня — такъ ли смотрятъ лиходѣи? Отъ меня было тебѣ горе, — отъ меня будетъ и радость, послушайся только.

ОЛЬГА.

Нѣтъ, Василій Иванычъ, не войду я въ чужой домъ съ печалью и горемъ. Свѣтлую отраду хочу я принести въ приданое, а не попрекъ и посрамленіе. Не думала я, что доживу въ дѣвушкахъ до такихъ словъ, да дѣлать нечего. Судьба моя такая. И видѣть-то тебя вѣкъ не хотѣла, а вотъ привелъ Господь свидѣться.

ВАСИЛІЙ.

Да вѣдь ты присылала за мной?

ОЛЬГА.

Полно, Василій Иванычъ! не грѣши напрасно.

ВАСИЛІЙ.

Да какъ же! Отъ тебя приходилъ стрѣлецъ.

ОЛЬГА.

Отъ меня приходилъ стрѣлецъ? что̀ бъ это значило?

ВАСИЛІЙ.

Да, тайкомъ приходилъ. Говоритъ, что подосланъ тобой, чтобъ я приходилъ къ тебѣ около вечеренъ. Отца не будетъ дома. Да, говоритъ, чтобъ шелъ я около плетня, а съ улицы увидятъ.

ОЛЬГА.

Ну.... что̀ же! ты какъ пришелъ?

ВАСИЛІЙ.

Мнѣ прятаться теперь нечего. Я пришелъ съ улицы.

Digitized by Google

ОЛЬГА.

Знать, совсѣмъ меня, бѣдную, погубить хотятъ. Да ктожь это могъ притти?... Ахъ! Боже мой! теперь я вспомнила!... Берегись, Василій. Недаромъ отецъ давича шептался съ Афанасьевымъ. Злодѣй, этотъ Афанасьевъ. На тебя есть умыселъ. Спасайся, пока есть время. Тебя извести они хотятъ.

ВАСИЛІЙ.

Да мнѣ отъ отца твоего прятаться не къ чему.

ОЛЬГА.

Да не знаешь ты его.... Онъ въ ярости такой, что спаси Господи. Онъ слова тебѣ не дастъ вымолвить,— убьетъ, покаяться не дастъ. Бѣги пока его нѣтъ.

ПЕТРОВЪ (за кулисой).

Ты, смотри, стереги хорошенько. Говорятъ, онъ здѣсь прошелъ.

ОЛЬГА.

Боже ты мой! онъ самъ идетъ. Спасайся!... Куда бы?... а вотъ въ окно. Еще можешь уйти.

ВАСИЛІЙ.

Къ чему мнѣ уходить? Что будетъ, то будетъ.

ПЕТРОВЪ (за кулисой).

Попался теперь!

ОЛЬГА.

Нѣтъ ему спасенія. Господи! что дѣлать? А! замокъ.... *(запираетъ поспѣшно дверь)*. Хоть этимъ удержать.

ПЕТРОВЪ (стучиться въ дверь).

Ага! заперлись, окаянные, заперлись, — безбожники! Отворяй, змѣя подколодная!

ОЛЬГА.

Василій! уйди, уйди... Все будетъ по твоему. Стану любить тебя, уйду съ тобой, обвѣнчаюсь, гдѣ хочешь. Уйди только.... покамѣстъ....

ВАСИЛІЙ.

Ужели?... въ-самомъ-дѣлѣ? да правда ли?

ОЛЬГА.

Правда, правда, только уйди.

ВАСИЛІЙ.

Ольга, не радуй меня понапрасну, коль не хочешь сдержать слова.

Digitized by Google

ПЕТРОВЪ (за кулисой).

Погодите!... Дверь-то не желѣзная.

ОЛЬГА.

Василій.... Ну, коли ты меня любишь, такъ докажи свою любовь. Не дай умереть отъ страху. Уйди отселѣ. Ато онъ не оставитъ меня въ-живыхъ. Ты вѣкъ меня не увидишь.

ВАСИЛІЙ.

Ну, для тебя пожалуй. И не хотѣлось бы, да нечего дѣлать. Уйду, изволь. Только слово твое свято! Ты моя теперь.

ОЛЬГА.

Твоя.

ВАСИЛІЙ.

На-вѣки моя?

ОЛЬГА.

На-вѣки.

ВАСИЛІЙ.

Ну, такъ скажи, дай услышать, что любъ я тебѣ.

ОЛЬГА.

Скажу, скажу, какъ будешь за окномъ.

ВАСИЛІЙ.

Ну, такъ прощай, невѣста!

ОЛЬГА.

Скорѣй.... скорѣй! Дверь подломана. Вотъ сюда, сюда!

ВАСИЛІЙ (въ окно).

Чтóжь? любишь ли?

ОЛЬГА (вскрикиваетъ).

Люблю!... Ахъ!... ушелъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ОЛЬГА и ПЕТРОВЪ.

(Петровъ выламываетъ дверь и съ бѣшенствомъ кидается въ комнату).

ОЛЬГА (твердо).

Кого тебѣ надо?

ПЕТРОВЪ.

Гдѣ онъ? гдѣ онъ? Подавай его сюда, срамница!

Digitized by Google

ОЛЬГА.

Кого ты ищешь?

ПЕТРОВЪ.

Кого ищу? Много ихъ у тебя, видно. Вора ищу я. Куда ты его спрятала, ехидна? Трусъ, видно, какъ всѣ воры, — въ глаза не смѣетъ взглянуть честному человѣку. Выходи, злочинецъ, на честный бой, пока не разбилъ я тебѣ черепъ о половицу!

ОЛЬГА.

Здѣсь никого нѣтъ.

ПЕТРОВЪ.

Такъ куда же ты его дѣвала? Поди-ка сюда, голубушка. Поди-ка сюда, проклятая. Куда дѣвала ты его? а? *(Хватаетъ ея руку)*.

ОЛЬГА.

Кого?... Ай! больно.

ПЕТРОВЪ.

Кого?... кого?... еще спрашиваетъ! Любовника твоего, распутница,— любовника твоего, дочка моя ненаглядная, дочка моя, родная моя дочка! Куда ты его выпроводила? говори! А въ окно, видно.... А я тутъ въ дверь ломился, да уйти ему далъ. *(За кулисой слышенъ выстрѣлъ)*. Ха, ха, ха, ха, ха! Молодецъ Афанасьевъ, — не то, что́ я, — маху не далъ.

ОЛЬГА.

Убили! убили!

ПЕТРОВЪ.

Молчи! Вонъ отсюда, срамница! Нѣтъ у тебя здѣсь пріюта! нѣтъ у тебя отца! Ты и говорить не смѣй, что у меня дочерью была.

ОЛЬГА.

Батюшка, батюшка! напрасно казнишь ты меня. Онъ честнымъ образомъ хотѣлъ подъ вѣнецъ со мной итти.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и АФАНАСЬЕВЪ.

ПЕТРОВЪ.

А ты, неразумная, и повѣрила?... Ну, что́, Афанасьевъ, подстрѣлилъ кулика?

Digitized by Google

АФАНАСЬЕВЪ.

Да, чорта съ два! Такую далъ тягу, что теперь, чай, съ собаками не сыщешь.

ОЛЬГА.

Спасенъ!

ПЕТРОВЪ.

Да что ты безъ рукъ, видно? Продалъ и ты меня. Гдѣ его отъищешь? Чай, сваху пошелъ снаряжать къ намъ, рядную нашу смотрѣть. А въ рядной то у насъ ножъ да веревки, да горсть пороху въ придачу. Будетъ сватьба на-диво! *(плачетъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже и БЕЗДОМНЫЙ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Петровъ?

ПЕТРОВЪ (кидается на него).

А? не онъ ли? нѣтъ!... Чего надо?

БЕЗДОМНЫЙ.

Я пришелъ, братъ, къ тебѣ съ вѣстями.

ПЕТРОВЪ.

Не до вѣстей теперь.

БЕЗДОМНЫЙ.

Поздравляю съ новымъ полковникомъ.

ПЕТРОВЪ.

Кого?

БЕЗДОМНЫЙ.

Лаврентія Сухарева.

ПЕТРОВЪ.

Такъ чтожь! будемъ и ему служить.

БЕЗДОМНЫЙ.

Да вотъ еще,— князь Михаилъ Григорьичъ велѣлъ тебѣ сказать, — сегодня у Мстиславскихъ сговоръ: Иванъ Васильичъ просваталъ за сына дочь долгоруковскую.

ПЕТРОВЪ.

Да сколько же у него невѣстъ!.. Слышишь ли, дочка, про жениха своего? Видно, самому приходится мнѣ его женить. А вотъ припасу ему жену. Подай мнѣ бердышъ, Афанасьевъ! На краю свѣта отыщу его! До свиданія, дочка!... *(Убѣгаетъ).*

Digitized by Google

БЕЗДОМНЫЙ (шепчетъ Афанасьеву).

Ну, что?

АФАНАСЬЕВЪ.

Ничего! Дѣло пошло, кажется, на ладъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Стрѣлецкая слобода. По обѣ стороны избы. Вдали поле и кладбище. Вечеръ. Мальчишки играютъ въ бабки. Медвѣдь. Народъ. Хороводы. Стрѣльцы разныхъ полковъ. Оживленная картина.

ЯВЛЕНІЕ I.

Хороводъ стрѣлецкихъ дѣвушекъ, мужикъ съ медвѣдемъ, сбитеньщикъ, цыгане, стрѣльцы, мальчишки, АФАНАСЬЕВЪ, — БЕЗДОМНЫЙ, переодѣтый.

ХОРОВОДЪ.

А мы просо сѣяли, сѣяли....
Ой Дидъ, Ладо, сѣяли, сѣяли.
А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ....
Ой Дидъ, Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ.

(Удаляются).

СБИТЕНЬЩИКЪ.

Сбитень, сбитень хорошъ, яблочный съ кваскомъ, что въ ротъ, то спасибо; пейте, ребятушки!

(Мальчишки бѣгутъ).

ПЕРВЫЙ.

Гляди, гляди.... Мишку ведутъ.

ВТОРОЙ.

Вишь косолапый какой!

ТРЕТІЙ.

Словно дядя Терентій.

МУЖИКЪ съ медвѣдемъ.

А ну, кланяйся, Мишенька, а ну, покажи, какъ бабы ходятъ горохъ воровать.... а вотъ какъ красная дѣвушка пристыдилась, рукавомъ закрылась.... а ну, вотъ....

Digitized by Google

АФАНАСЬЕВЪ (выталкиваетъ его).

А ну, ступай, проваливай своей дорогой.... У насъ и своихъ медвѣдей довольно. Припасать пора угощенье.

КУЗЬМА.

Ну, что́?

АФАНАСЬЕВЪ.

Молчи! Ладно.

КУЗЬМА.

Эти полтевскіе съ нами?

АФАНАСЬЕВЪ.

Еще бы нѣтъ! Да что за народъ! Держись только.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Чьи они?

АФАНАСЬЕВЪ.

Борисъ Одинцовъ, Оброська Петровъ, Кузьма Черный. Люди, братъ, вѣрные, не разъ ужь сѣчены.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

И съ жуковскими полажено?

АФАНАСЬЕВЪ.

Со всѣми полажено.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

А собираться гдѣ?

АФАНАСЬЕВЪ.

Извѣстно здѣсь.... Молчи: подслушать могутъ.

(Три полтевскіе стрѣльца окружаютъ цыганку).

ОБРОСЬКА.

Куда, куда?... не уйдешь, колдунья. Погоди маленько, побесѣдуй съ нами.

ЦЫГАНКА.

Отвяжитесь вы, бѣсовскія дѣти!

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Ну, ну, не сердись черномазая. На тебѣ алтынъ. Погадай-ка лучше добрымъ молодцамъ.

ОДИНЦОВЪ.

Вотъ это дѣло. Погадай-на, египетская харя. Вотъ тебѣ ладонь моя.

ОБРОСЬКА.

Да смотри у меня, говори всю правду, по чистой совѣсти.

Digitized by Google

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Посмотримъ твое умѣнье.

ЦЫГАНКА.

Погадать вамъ, что ли?... Это ваше дѣло. Для чегожь нѣтъ.... Давайте-ка руки.... Вотъ такъ. Да чуръ не мѣшать. *(Задумывается)*. Талана много.... злодѣйства много. Флештакъ, Маштакъ, Денисъ, Борисъ, агарагарища, поди на свои станища; нечастый, некаянный, невѣрный духъ, на тѣхъ людей, на злодѣевъ, на супостатовъ, что на него лихо мыслятъ, на раба Божьяго, на зарю надёжу нашу. Отвернись злой человѣкъ отъ него, чтобъ не былъ, не допустился никогда до его рукъ, до его ногъ, до него лихой врагъ супостатъ. Отыму я имъ умъ и разумъ и третій языкъ тѣмъ злодѣямъ, супостатамъ, алазаколамъ, языкъ столбомъ, руки граблями, ноги кочергой, чтобъ худыми дѣлами не доходили до него, моего солнышка, сокровища.

ОДИНЦОВЪ.

Ха, ха, ха.... вотъ околесицу несетъ! Ну, говори скорѣе да и убирайся.

ОБРОСЬКА.

Какое же посулишь намъ благополучіе?

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Много ли годовъ намъ здравствовать?

ЦЫГАНКА.

Ну, не торопите же. Погодите маленько. Куда думаю и что гадаю, чтобъ то мое дѣло сбылось; что я думаю и что гадаю, чтобъ они-то получили. Ты, Кузьма Черный, умрешь на висѣлицѣ. Тебѣ, Оброська, голову отрубятъ. А ты, Борька, издохнешь на колесѣ. Прочь, сгинь, пропади! Хорошо ли я сказала? *(Убѣгаетъ)*.

(Стрѣльцы стоятъ неподвижно).

АФАНАСЬЕВЪ.

Ха, ха, ха!... Напугала васъ вѣдьма. Куда сатана не можетъ, туда бабу пошлетъ. Да и подѣломъ вамъ съ вѣдьмой связываться.

ОБРОСЬКА.

Хватай ее!

ОДИНЦОВЪ.

Ушла окаянная!

Digitized by Google

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Ну, а какъ правду она предсказала?

АФАНАСЬЕВЪ.

Э, братъ, товарищъ, всякаго вздору не наслушаешся. Получена должно быть. Да ну ее.... *(Слышенъ хороводъ).* Никакъ дѣвки опять сюда идутъ. Съ православными толи дѣло малякать. Одна баба — шумъ на весь домъ; двѣ бабы — базаръ, а три — такъ ярмарка.

ОБРОСЬКА.

Напугала она меня чертовка.

ОДИНЦОВЪ.

Ужъ попадется она мнѣ въ руки, такъ дешево не раздѣлается.

ХОРОВОДЪ (возвращается).

А мы коней выкупимъ, выкупимъ....
Эй Дидъ, Ладо, выкупимъ, выкупимъ.
А чѣмъ же намъ выкупить, выкупить?...
Эй Дидъ, Ладо, выкупить, выкупить.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и ОЛЬГА.

ОЛЬГА.

А! Афанасьевъ! не видалъ ты батюшку?

АФАНАСЬЕВЪ.

Не видалъ, красавица; чай, на охоту пошелъ. *(Смѣется).*

ОЛЬГА.

Что-то будетъ! ну, если они встрѣтятся. Подумать не смѣю. Онъ убьетъ его. Едва на ногахъ держусь. Вездѣ ихъ искала. Да гдѣ мнѣ догнать ихъ, гдѣ найти? Нѣтъ силы. Дѣло мое дѣвичье!

. . . . . .

ОБРОСЬКА.

А что, красавица, ты одна-одинешенька?

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Али съ мужчинами веселѣе для тебя?

ОБРОСЬКА.

А что, ребята, видно разбитная. Вишь особнячкомъ себѣ ходитъ.

Digitized by Google

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

А дѣвка-то знатная! Побалагурить можно.

ОБРОСЬКА.

Послушай-ка, красавица.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Нѣтъ, его не слушай, а меня.

ХОРОВОДЪ.

Намъ-то надобно дѣвицу, дѣвицу....
Ой Дидъ, Ладо дѣвицу, дѣвицу.

(Стрѣльцы приступаютъ къ Ольгѣ).

ОЛЬГА.

Оставьте меня, оставьте меня.... Дайте, подруженьки, мѣсто, пустите въ вашъ кружокъ.

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Мы тебя не знаемъ.

ВТОРАЯ ДѢВУШКА.

Прочь ступай, безстыдная.

ТРЕТЬЯ ДѢВУШКА.

Намъ съ безчестными не слѣдъ ходить.

ЧЕТВЕРТАЯ ДѢВУШКА.

Самихъ безславить станутъ.

ПЯТАЯ ДѢВУШКА.

Отстронись, безчестная.

(Всѣ проходятъ мимо Ольги и отталкиваютъ ее).

ОЛЬГА.

Какъ, онѣ меня не пущаютъ! меня, меня!... Помилуйте. Скажите, что̀ я сдѣлала..., зачѣмъ.... Зачѣмъ?...

АФАНАСЬЕВЪ.

А затѣмъ, что принимала къ себѣ боярскаго сынка,— жениха безъ обрученія.

(Стрѣльцы смѣются).

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Ну, что̀ ее слушать. Затягивайте, молодки.

А нашего полку убыло, убыло....
Ой Дидъ, Ладо улыло, убыло;
А нашего полку убыло, убыло....
Ой Дидъ, Ладо убыло, убыло.

Digitized by Google

ОЛЬГА (говоритъ подъ хоръ хороводъ).

Погубили меня задаромъ злые недруги, — обезславили, опорочили жизнь мою невинную. На кого покинули меня сироту подруги ровесницы? Задушила, погубила меня змѣя черная, клевета непощадная.... Знать, пришелъ мой конецъ. Объ одномъ я стану молить моего Создателя, чтобъ прекратилъ онъ скорѣе мою жизнь горемычную, положилъ конецъ моимъ тяжкимъ мученіямъ. Не брачный вѣнецъ, не молодой женихъ дожидаются меня, а сырая могила, лютая смерть. Дайже же мнѣ, Господи, поскорѣе отдохнуть и успокоиться въ послѣдней обители, гдѣ нѣтъ людскихъ пересудовъ и житейскаго горя, а жизнь безконечная и вѣчный покой. (*Закрываетъ лицо руками*).

ОБРОСЬКА.

Ну, теперь, смиренница, ты одна съ нами осталось... А куда было грозно начала.

ОДИНЦОВЪ.

Ну, не серчай! поразвеселись-ка, спой-ка пѣсенку, благо таковская.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Али попляши маленько, мы поглядимъ.

ОБРОСЬКА.

На сарафанъ подарю!... вотъ ей, право, подарю.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Поподчуемъ наливочкой, пряниками медовыми.

ОБРОСЬКА.

Да взгляни же, красавица, не стыдись. Стыдиться теперь нечего.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Отыми-ка руки. Дай посмотрѣть на себя.

(Ольга взглядываетъ на нихъ съ гордостью и презрѣніемъ и медленно входитъ въ свою избу, которая первая на правой сторонѣ театра. Стрѣльцы отступаютъ въ недоумѣніи).

ЯВЛЕНІЕ III.

Одни стрѣльцы.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Эва!... вишь какая быстроглазая. Такъ съ ногъ и сшибла!

Digitized by Google

АФАНАСЬЕВЪ.

Вольно вамъ связываться съ бабами. Баба глупа, пока не побили. Ну, да не о томъ теперь рѣчь. Ступайте-ка въ кружокъ. Все ли здѣсь свои?

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Все свои, кажется. (*Озираются*).

АФАНАСЬЕВЪ.

Чужихъ, постороннихъ нѣтъ?

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Не надо быть.

АФАНАСЬЕВЪ.

Такъ ладно же. Слышали вы, ребята, что̀ въ народѣ-то толкуютъ?

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Что̀ бы такое?

АФАНАСЬЕВЪ.

Да вотъ бояре, слышь, переполошились; своего-то терять не хочется, вотъ и рѣшили они поднять противъ насъ всѣхъ своихъ господскихъ людей поголовно. А числомъ-то они будутъ противъ насъ вчетверо.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да по насъ, пожалуй. Нашъ братъ и на четверыхъ пойдетъ.

АФАНАСЬЕВЪ.

Что̀ больно много? Вишь какъ расхрабрился! Погляди-ка. Такъ передавятъ насъ по одиначкѣ, что любо. Ни за грошъ пропадемъ.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Да кто же это голосъ противъ насъ подалъ?

АФАНАСЬЕВЪ.

Извѣстно кто: нашъ врагъ заклятый, старикъ Мстиславскій.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ахъ онъ богоотступникъ, еретикъ этакой!

АФАНАСЬЕВЪ.

Да мало того, Мстиславскій-то сынъ нашу дѣвку смапилъ, петровскую Ольгу. Невиданное, кажись, дѣло!

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Какъ, жонъ нашихъ трогать! Нѣтъ, это ужь изъ рукъ вонъ. Петровъ хоть куда товарищъ. Грѣхъ не заступиться за него.

Digitized by Google

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Заступимся, ребятушки!

АФАНАСЬЕВЪ.

Вотъ это разумно сказано. Не великъ родился, а ума палата.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Да и подлинно такъ. Мы не малолѣтніе: сами управиться можемъ.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

То-то будетъ веселье! Дай Богъ добраго здоровья царю. Чай, спасибо скажетъ.

АФАНАСЬЕВЪ.

Какъ не сказать. Мы съ своими раздѣлаемся, кровными недругами. А ужь онъ пускай вѣдается съ остальными.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

То-то будетъ ему удовольствіе. Ато гдѣ ему, отцу нашему, знать, какъ казнятъ его вѣрныхъ стрѣльцовъ.

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да какъ же безъ бояръ-то быть. Вѣдь столбы изломать и заборъ упадетъ. По моему, ребята, не спроситься ли прежде?

АФАНАСЬЕВЪ.

Да! такъ и есть, такъ тебя и пустятъ! Ужь видно нашъ конецъ пришелъ.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Слышно, и торговать-то не позволятъ.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Лавчонки разломаютъ.

АФАНАСЬЕВЪ.

Торговалъ кирпичомъ, да и остался ни при чемъ.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Нѣтъ, ребята, это грѣхъ будетъ допустить. У меня сотни на двѣ рублевъ припасено товаровъ.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да и что давать себя въ обиду!

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Жизнь каждому дорога.

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Поскорѣе бы и за расправу.

ПЯТЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Драться, такъ драться!

Digitized by Google

ШЕСТОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Къ ружью, ребята!

АФАНАСЬЕВЪ.

Что горло дерете! Развѣ все ужь не полажено. Не сказано вамъ какъ дѣлу-то быть?

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Нѣтъ, говорено только, чтобъ приходили сюда, а что дѣлать-де надо, сами узнаете; да еще по десяти рублевъ на человѣка сулили.

АФАНАСЬЕВЪ.

Больше получите: по сту получите, только хватило бы въ васъ духу постоять за своихъ.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Мы отъ своихъ не-прочь.

АФАНАСЬЕВЪ.

Такъ слушайте.... Старшіе вотъ какъ рѣшили: мы пойдемъ прежде....

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Да какъ же. Нашъ-то полкъ старше вашего. Намъ цевмѣстно итти за вами.

АФАНАСЬЕВЪ.

Вотъ выдумалъ! Ну, первый кто будетъ въ сбору, пускай и идетъ впереди.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Развѣ такъ.

АФАНАСЬЕВЪ.

Такъ вотъ же, ребята. Вы, полтевскіе, начинайте съ своей части, вы, жуковскіе, съ своей, а вы, стремянные, съ своей. На людяхъ смерть краснѣе. Да и пойдемъ ужь тогда съ посѣщеніемъ къ Мстиславскому, спросить его, зачѣмъ такъ больно осерчалъ на насъ.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да и къ Языкову, который сослалъ братьевъ моихъ въ ссылку.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да и къ Долгорукову, который хотѣлъ высѣчь меня на Съѣзжемъ дворѣ.

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да и къ Нарышкину, который, говорятъ, стариковъ знатныхъ дергаетъ за бороду.

Digitized by Google

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да и къ Данилкѣ Жидовину, колдуну. Вѣдь онъ съ нечистымъ водится; я самъ видѣлъ, онъ хранитъ сушеные раки, змѣи и всякую мерзость въ банкахъ. Этимъ и творитъ колдовство.

. . . . . .

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и еще стрѣлецъ.

ДЕВЯТЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Эй, вы, православные!

АФАНАСЬЕВЪ.

Кого Богъ далъ?

ДЕВЯТЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Странное дѣло! тутъ за заборами ходятъ бояре переодѣтые....

АФАНАСЬЕВЪ.

А кто такіе?

ДЕВЯТЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да разглядѣть-то я самъ не могъ. Вишь темь какая становится. А старуха одна тутъ сказала мнѣ, что бояре-де, а какъ зовутъ, не припомнитъ.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Ужь не знаютъ ли чего?

АФАНАСЬЕВЪ.

Не такъ бы пришли. Нѣтъ, видно самъ звѣрь на ловца бѣжитъ. Смотрите же, не выпускайте. Да слушайте — уговоръ лучше денегъ — ужь если жечь, такъ жечь. Пущай знаетъ народъ, что никто иной, а стрѣльцы начали потѣху. Ну, не забывайте же, какъ ударятъ въ набатъ, всѣмъ быть здѣсь на площади. А ужь отсюда и пойдемъ по гостямъ съ хлѣбъ-солью. Не ждутъ, чай.

(Общій хохотъ).

Ну, по рукамъ, ребята.... Вотъ такъ, ладно. Да и проваливайте теперь. Пора и за дѣло. Ночь-то знатная. Въ двухъ шагахъ не видать. А слышали вы, ребята? погреба-то у Мсти-

Digitized by Google

славскаго, говорятъ, славные. Одного меда вишневаго никакъ двѣ бочки.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

А вотъ отвѣдаемъ.

АФАНАСЬЕВЪ.

Погуляемъ, ребятушки, вотъ какъ погуляемъ! то есть вотъ какъ! пей, не хочу! По мѣстамъ же....

БОРИСЪ.

Идемъ, ребята.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Не замѣшкаемся.

АФАНАСЬЕВЪ.

Ну, ступайте же....

ЯВЛЕНІЕ VI.

АФАНАСЬЕВЪ (одинъ).

Эхъ, братъ, Афанасьевъ, голова ты голова. Самъ бы себѣ въ поясъ поклонился. Не стрѣльцомъ бы тебѣ быть! Лиха бѣда, только чарочки придерживаешься, да и то ни почемъ. Пьяница проспится, а дуракъ никогда.

ЯВЛЕНІЕ VII.

АФАНАСЬЕВЪ и БЕЗДОМНЫЙ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Эй, Афанасьевъ!

АФАНАСЬЕВЪ.

Кто зоветъ?

БЕЗДОМНЫЙ.

Я.

АФАНАСЬЕВЪ.

Кто я?

БЕЗДОМНЫЙ.

Пріятель.

АФАНАСЬЕВЪ.

А, не узналъ вашей милости!

Digitized by Google

БЕЗДОМНЫЙ.

Ну, чѣмъ кончили?

АФАНАСЬЕВЪ.

Бездѣлицей.

БЕЗДОМНЫЙ.

Да чѣмъ же?

АФАНАСЬЕВЪ.

Да у Мстиславскаго, вишь, хоромы не годятся; коли сгорятъ, не бѣда: новыя выстроитъ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Поджигать станете?

АФАНАСЬЕВЪ.

Помилуйте, и сами сгорятъ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Да ктожь это сдѣлаетъ?

АФАНАСЬЕВЪ.

Извѣстно кто? Григорій Петровъ. Все на его шею свалимъ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Больно сердитъ онъ на Мстиславскихъ.

АФАНАСЬЕВЪ.

Сердитъ, да не силенъ — грязи братъ!

БЕЗДОМНЫЙ.

Да согласенъ ли онъ?

АФАНАСЬЕВЪ.

И безъ его согласія обойдемся.

БЕЗДОМНЫЙ.

Да смотри, братъ, чтобъ чего дурного тутъ не вышло. Князь Михаилъ Григорьичъ радъ отомстить мѣстнику, и деньги за это дастъ большія, да чуръ другихъ не трогать. Чтобъ не было смуты какой и всполоху бы не подѣять. Князь вѣкъ не проститъ.

АФАНАСЬЕВЪ.

Будьте благонадежны. Какимъ тутъ быть безпорядкамъ! Пожаръ да и только. Да кстати! обѣщанное-то позвольте принять.

БЕЗДОМНЫЙ.

Страшно мнѣ, братъ, становится. Ну, какъ заварите вы кашу?

АФАНАСЬЕВЪ.

Сами расхлебаемъ.... Пожалуйте посулъ-то.

Digitized by Google

БЕЗДОМНЫЙ.

Вѣдь я, пожалуй, еще буду въ отвѣтѣ?

АФАНАСЬЕВЪ.

Не бойтесь. Сто рублевъ никакъ приходится.

БЕЗДОМНЫЙ.

Да еще посмотримъ!

АФАНАСЬЕВЪ.

Ужь будьте покойны. Все слажено. Денежки-то только. Въ горлѣ, право, пересохло.

БЕЗДОМНЫЙ.

Вѣдь ты опять обманешь. Наговорилъ мнѣ о Петровѣ, а Петровъ, какъ слышно, на попятный. Да и ты, чего доброго, струсишь.

АФАНАСЬЕВЪ.

Подарите же на храбрость. А нето пойду къ Мстиславскому. Авось онъ пощедрѣе будетъ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Ну, на, бери!

АФАНАСЬЕВЪ.

Сто рублевъ?

БЕЗДОМНЫЙ.

Какъ сказано.

АФАНАСЬЕВЪ.

Сполна?

БЕЗДОМНЫЙ.

Сполна.... Куда же ты?

АФАНАСЬЕВЪ.

Да надо зайти къ кабацкому старостѣ. Чай, соскучился по мнѣ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

БЕЗДОМНЫЙ (одинъ).

Каковъ мошенникъ! Чтобъ не надѣлалъ онъ мнѣ бѣды. Да я чѣмъ виноватъ? Деньги князя. Пускай онъ съ нимъ вѣдается. Я тутъ что? Мое дѣло сторона. Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Убраться по здорову. *(Сталкивается съ Мстиславскимъ).* Ба! это кто?

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ IX.

БЕЗДОМНЫЙ и ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Кто тутъ?

БЕЗДОМНЫЙ.

Посадскій.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Купецъ?

БЕЗДОМНЫЙ.

Ба! Иванъ Васильичъ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Ба! Ромодановскихъ знакомецъ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Какими судьбами?

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Какимъ образомъ?

БЕЗДОМНЫЙ.

Откуда это?

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Куда такъ поздно?

БЕЗДОМНЫЙ.

Да я такъ вышелъ, для прогулки.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

И я тоже.

БЕЗДОМНЫЙ.

Только вотъ запоздался.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

И я запоздался.

БЕЗДОМНЫЙ.

А погода стоитъ теплая.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Что́ и говорить.

БЕЗДОМНЫЙ.

Да вы, кажись, пѣшкомъ рѣдко ходите. Все больше на конѣ, по-боярски.

Digitized by Google

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Да. Да нынче такъ случилось. Самъ не знаю.

БЕЗДОМНЫЙ.

Да и живете-то вы на другомъ концѣ Москвы. *(Въ сторону)* Зачѣмъ пришелъ онъ сюда? не подозрѣваетъ ли чего?

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ (въ сторону).

Какъ очутился онъ здѣсь? ужь не вмѣстѣ ли онъ съ Васильемъ?

БЕЗДОМНЫЙ.

А слышали вы вѣсть?

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Какую?

БЕЗДОМНЫЙ.

Да сборъ, слышно, завтра въ Кремлѣ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Какъ же, знаю. Не извѣстно вамъ, по какому случаю?

БЕЗДОМНЫЙ.

Не могу сказать, а только велѣно всѣмъ собираться въ царскія палаты, духовенству, боярамъ, окольничимъ и всѣмъ думнымъ людямъ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

На то его государева воля. Видно важное приказаніе будетъ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Я хоть и маленькій человѣкъ, а пойду непремѣнно. У меня здѣсь, признаться, заказано платье у стрѣльца портного, такъ за нимъ и пришелъ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ (въ сторону).

Лжетъ онъ.... *(вслухъ)* Признаться, и я пришелъ за такой же надобностью.

БЕЗДОМНЫЙ (въ сторону).

Пойдетъ онъ самъ за платьемъ! челяди 300 человѣкъ. Не обманетъ. Да мѣшать поздно. *(вслухъ)* Вы куда идете?

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Вотъ въ эту сторону.

БЕЗДОМНЫЙ.

А я въ другую.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Ну, такъ прощайте. Намъ не одна дорога.

Digitized by Google

ВЕЗДОМНЫЙ.

До свиданія.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

До свиданія.

ЯВЛЕНІЕ X.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ и сынъ его.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Хотѣлъ бы я знать, зачѣмъ онъ здѣсь шатается. Ну, да Богъ съ нимъ! Вотъ до чего довелъ меня сынъ развратникъ: ночью, пѣшкомъ, въ слободѣ, я, русскій бояринъ, Мстиславскій, переодѣтый.... и смѣшно.... и досадно. Гдѣ-то онъ грѣховодникъ? А, такъ и есть.... вотъ онъ! По походкѣ узнаю родного сына.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ (въ волненіи).

Во что бы ни стало, я увижусь съ ней. Подло поступилъ я, что ушелъ. Мнѣ не слѣдовало оставлять ее. Пойду самъ къ Петрову, скажу ему: вотъ я весь тутъ, дѣлай какъ знаешь, я одинъ виноватъ,—меня казни. Да! такъ быть должно, такъ велитъ совѣсть. Пойду. *(Хочетъ войти въ избу Петрова. Отецъ останавливаетъ его за руку).*

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ (медленно).

Куда это, голубчикъ? Погоди маленько. Не забылъ ли ты чего дома? а? вспомни-ка! Нѣтъ ли тамъ отца, старика, нѣтъ ли матери родной, нѣтъ ли сестеръ малолѣтокъ? Поразсуди, пообдумай. Нѣтъ ли за тобой честнаго имени, святыхъ заповѣдей? нѣтъ ли можетъ и страха Божьяго? Али, по вашему, все это ни почемъ теперь, — и думать не стоитъ?

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Батюшка, смилуйся, помилуй!

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Такъ вотъ она, сыновняя покорность, вотъ оно, дѣтское послушанье! Нѣтъ, насъ учили другому. Строго держали насъ въ старину,—и спасибо: хорошо дѣлали. Такъ вотъ, что оно значитъ баловать-то васъ! Мало я тебя журилъ, мало наказывалъ. *(Вспыльчиво, срывая съ него шапку).* Сними шапку, мальчишка: съ тобой отецъ говоритъ!

Digitized by Google

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Батюшка! я во всемъ повинуюсь твоей волѣ. Я готовъ все отдать. Не отнимай у меня только совѣсти.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Какъ! ты отвѣчать еще мнѣ смѣешь!

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Смѣю? я отвѣчать долженъ. За меня страдаетъ душа неповинная. Я ей защитникъ. Нѣтъ, не замолчу я. Не малолѣтній я, слава Богу. Самъ отвѣтчикъ за свои дѣла. Довольно натерпѣлся, довольно пожилъ въ неволѣ. Всему есть мѣра. Думали вы, что запрете меня какъ малаго ребенка, и я послушаюсь, не уйду.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Что... о?

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Ненадо мнѣ твоего боярства, ни золотыхъ кафтановъ, ни тяжелаго почета.... Волю, волю дайте мнѣ!

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Да онъ ли говоритъ мнѣ это?

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

И благо давно пора высказать истину. Я сынъ твой, а не слуга, не челядинецъ, не рабъ позорный.... прошли тѣ времена. Не все же жить во мракѣ и заточеніи. Каждому дается свой разумъ. Я жить хочу по-своему, или жить не хочу.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Матерь, святая Богородица! святые угодники! слышите вы богомерзкія рѣчи? И это родной сынъ отцу говоритъ! Какъ громомъ не убило тебя, окаяннаго, на мѣстѣ? какъ земля не разступилась подъ тобой, богоотступникомъ? Да по твоему я тебѣ чужой человѣкъ. Ты будешь таскаться по стрѣлецкимъ дѣвкамъ, да еще, чего добраго, задумаешь жениться на бродягѣ, а я буду тебѣ кланяться, я дамъ посрамить честь свою, родъ свой боярской второй статьи.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Что мнѣ въ немъ?

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Такъ хорошо-же! узнаешь ты меня. Мало тебя, блуднаго сына, отдать въ патріаршій приказъ на эпитемію. Мало тебя отослать на подворье свиней пасти. Въ подклетѣ будешь ты сидѣть у меня, на хлѣбѣ, на-водѣ; свѣта Божьяго не увидишь.

Digitized by Google

Колодку тебѣ на ноги набью, въ цѣпи посажу, живого зарою въ могилу!

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Такъ прикажи-же рыть яму.... Мнѣ и то жить не любо.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Да и твоей срамницѣ, наложницѣ достанется. Будетъ она меня помнить, какъ отрѣжутъ ей косу и отдерутъ плетьми передъ Приказомъ.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Батюшка! ты этого не сдѣлаешь.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Я этого не сдѣлаю? Посмотри-ка на меня. Таковъ ли я, чтобъ позволить ругаться надъ моей отцовской властью. Да гдѣ это видано, гдѣ это слыхано, отъ какихъ нѣмцевъ узналъ ты, чтобъ сынъ дерзалъ итти противъ отца, и чтобъ отецъ дался въ обиду? Да этому безумные не повѣрятъ, да при одной этой мысли учинится по всей московской землѣ небывалый всполохъ.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Батюшка! во мнѣ ты воленъ казнить и миловать, но не погуби невинную голову. Что она противъ тебя сдѣлала?

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

То она сдѣлала, что и вымолвить страшно: сынъ боярина Мстиславскаго забылъ первую Божью заповѣдь, сынъ Мстиславскаго началъ выговаривать отцу! Да чѣмъ обошла она тебя? какими зельями отравила? Смерти мало ей, колдуньѣ!.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Ну.... такъ Богъ меня проститъ. Да будетъ по твоему. Я исполню твою волю. Отошли меня куда угодно. Прикажи, что вздумаешь, жени на комъ хочешь. Я все исполню безъ ропота и прекословія. Только смилуйся надъ ней, не трогай ее. Батюшка, ты самъ былъ молодъ. Прости мои грубыя рѣчи. Согрѣшилъ я отъ буйства юности моей. Впередъ не буду. Голоса моего не услышишь.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Ну.... ну... то-то же.... вотъ этакъ будетъ получше. Пострѣлъ ты этакой, напугалъ меня! Только смотри.... Теперь ужь не отвертишься ты отъ меня. Съ княземъ Долгорукимъ у насъ почитай ужь полажено. Завтра сваху посылаемъ. Напугалъ его

Digitized by Google

маленько Ромадановскій, да я его успокоилъ: увѣрилъ, что ты въ стрѣлецкой слободѣ съ роду и не бывалъ.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Да, это обманъ! я пойду, разувѣрю его, скажу всю правду.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Что̀?... опять!...

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Твоя воля!...

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Смотри, братъ.... у меня теперь иди по стрункѐ. Нето одно слово. У меня расправа коротка. Довольно. Ступай за мной.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Какъ! не простившись съ ней?

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Очень нужно прощаться!

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Въ послѣдній разъ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Вотъ тебѣ дорога. Иди впередъ.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Батюшка!

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Идешь ли?

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Иду, иду.... *(Въ сторону)* Хотя бы ее этимъ спасти.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ (въ сторону).

Не напрасно, знать, пришелъ я сюда. Это что̀ такое?

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже и СТРѢЛЬЦЫ АВАКУМЦЫ (которые по одному входитъ на сцену).

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ РАСКОЛЬНИКЪ (мрачно).

Нѣтъ во градѣхъ живущимъ спасенья.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Что̀ это значитъ? откуда онъ взялся? Василій, пойдемъ съ этой стороны. *(Наталкивается на другого)*.

Digitized by Google

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ РАСКОЛЬНИКЪ.

Наступилъ страшный день судный.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Что это?... Ужь не къ разбойникамъ ли мы попали? Пойдемъ.... пойдемъ скорѣе. *(Наталкивается на третьяго).*

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ РАСКОЛЬНИКЪ.

Уже бо последнее есть время, а антихристъ царствуетъ въ мірѣ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Оставьте насъ. Чего вы хотите?

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ РАСКОЛЬНИКЪ.

Конца неправдамъ твоимъ.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ РАСКОЛЬНИКЪ.

Казни сатанинскому житію.

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ РАСКОЛЬНИКЪ.

Смерти грѣшнику.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Погодите, погодите. Вы ошибаетесь. Вглядитесь хорошенько. Я не простой купецъ. Вы не знаете, кто я такой.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣже и СУХАРЕВСКІЕ СТРѢЛЬЦЫ (входятъ со всѣхъ сторонъ).

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Бояринъ Мстиславскій, не пора ли расчитаться за тяжкую обиду?

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Боже ты мой!

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Бояринъ Мстиславскій, полно тебѣ пиры-то задавать. Отвѣдай-ка и нашего угощенья.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Разбой, разбой.... Помогите! Неужли нѣтъ спасенія?

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Куда такъ прытко? Не уйдешь теперь, не упрячешь своего сынка. Полно ему таскаться по стрѣлецкимъ дѣвушкамъ.

Digitized by Google

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Полно вамъ сманивать нашихъ молодцъ.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Дай-ка и намъ повеселиться.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Теперь и намъ потѣха.

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

На нашей улицѣ праздникъ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Да знаете ли что̀ съ вами будетъ?

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Какъ не знать! Наше дѣло.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Чего же хотите вы отъ меня?

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ РАСКОЛЬНИКЪ.

Да сокрушится вавилонское исчадіе во славу Аввакума нашего въ грядущей жизни.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ РАСКОЛЬНИКЪ.

Да погибнутъ нечестивецъ и сынъ нечестивца.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Такъ вы хотите смерти моей?

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ РАСКОЛЬНИКЪ.

Смерти хищнаго волка.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Моей смерти.... Да помилуйте, что̀ я вамъ сдѣлалъ? На что̀ она вамъ? Дайте пожить еще. Отпустите душу на покаяніе. Да вотъ выслушайте. Мнѣ умирать еще нельзя. Надо дѣлишки коекакія покончить. Вотъ домъ еще не совсѣмъ отстроенъ. Службы не въ исправности. Да еще есть царскія приказанія, которыхъ еще не исполнилъ, — слышите ли, царскія приказанія! Ну, да вотъ еще сынка надо женить на княжнѣ Долгоруковой. А тамъ убивайте сколько̀ угодно. Самъ къ вамъ приду. Право, приду. Теперь отпустите только.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Разсказывай!

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ РАСКОЛЬНИКЪ.

Преисполнилась мѣра беззаконія.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Молись Богу, Мстиславскій. Твой конецъ пришелъ.

Digitized by Google

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Владыко небесный! неужто въ-самомъ-дѣлѣ. Да нѣтъ, вы, чай, напугать хотѣли.... ха, ха.... да не обманули... Ну, пошутили, потѣшились, да и довольно.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Что̀ за шутки! стрѣльцы не шутятъ. Молись Богу, Мстиславскій!

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Послушайте, ребята, что̀ я вамъ скажу! Что̀ вамъ бить старика безоружнаго. Великій грѣхъ возьмете на душу. Не онъ старикъ васъ обидѣлъ: я васъ обидѣлъ, я ругался надъ вами, я презиралъ васъ; я и теперь презираю васъ какъ разбойниковъ безчестныхъ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Молчи, молчи, Василій! Что̀ ты, въ умѣ, что̀ ли? Не слушайте его, православные. Онъ съ испугу говоритъ.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Не бойтеся. Бейте. Вотъ грудь моя, я оборонять себя не стану. А старика не трогайте. Отпустите его съ миромъ. Много вамъ будетъ двухъ злодѣйствъ на душу разомъ. Не вынести.. Ну, бейте же.... скорѣе.... ну.... что̀ же?...

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ (почесываетъ затылокъ).

Что̀ это, какъ-будто духу не хватаетъ.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Рука не подымается.

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да и точно не совсѣмъ-то ладно съ оружіемъ итти на безоружнаго.

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да какъ быть? Не отпустить же въ-самомъ-дѣлѣ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Погодите, погодите. Выслушайте разумную рѣчь. Обидно вамъ православнымъ, что вы терпите нужду, а у меня казна богатая? обидно вамъ, что у васъ иной разъ хлѣба насущнаго нѣтъ, а у меня полное довольство? Ну, такъ что̀ же. Этому горю пособить можно: подѣлимся миролюбиво. Половину вамъ, половину мнѣ. Заживете вотъ какъ. Денегъ-то, слава Богу, вдоволь будетъ.

Digitized by Google

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

А что́, ребята, вѣдь онъ дѣло баетъ.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Что́ ни говори, за кровь надо поплатиться кровью.

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

А съ деньгами кому не житье.

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Валяйся цѣлый день на печи.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Напечемъ себѣ короваевъ, перепечей.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Наваримъ браги.

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ну, а какъ онъ обманетъ?

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Не обману, ребятушки, не обману.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да! вѣрь вамъ.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Какъ разъ лыжи навостритъ.

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да, чего добраго, съ челобитной въ Приказъ хватитъ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Нѣтъ, голубчики, нѣтъ, родные, обезпечу. Да вотъ что́, — дѣло простое — сынка моего оставьте у себя. Вѣдь онъ у меня единородный. Пускай онъ побудетъ съ вами, а я сбѣгаю за ларцомъ, да и вернусь сейчасъ. Все будетъ ваше, ничего себѣ не оставлю. А тамъ и жаловаться не стану,—ей Богу, не стану. На кого я покажу? Вѣдь я и въ лицо васъ не знаю. Кто васъ вѣдаетъ, кто вы такіе....

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ну, это-то пожалуй можно.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

А какъ обманетъ?

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Эхъ, ты, безтолковый! вѣдь сынокъ-то у насъ останется въ рукахъ. Ну, обманетъ — и вся недолга. Ну, убирайся же, бояринъ, до грѣха.

Digitized by Google

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Иду, ребятушки, иду.... Да смотрите, дѣтища-то моего не обижайте. Онъ, видите, съ младенчества испорченъ, иногда заговоритъ Богъ знаетъ что.... тамъ на не слушайте. Онъ самъ не смыслитъ, что говоритъ. (*Всторону, сыну*) Послушай, Василій, осерчалъ я давича на тебя. Ну, Богъ тебя проститъ, благо повинился. Такъ смотри, братъ, хоть не для отца, такъ для сестеръ, матери, не дразни ихъ. Остерегись маленько. Вѣдь смерть не уйдетъ. Умирать все-таки придется когда-нибудь. Ну, Богъ благословитъ тебя. Досвиданія. Жди меня. Прискачу сейчасъ.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ну, скоро ли? того гляди раздумаемъ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ,... Тысячу рублевъ, ребятушки. Много денегъ, да нежалко. Будьте только веселѣе.

(Хочетъ бѣжать. Афанасьевъ останавливаетъ его за руку. Вдали начинается зарево).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣже и АФАНАСЬЕВЪ (пьяный съ голыми руками и съ факеломъ въ рукѣ).

АФАНАСЬЕВЪ.

А! кажется, во время пришелъ.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Гдѣ пропадалъ, товаринъ?

АФАНАСЬЕВЪ.

Гдѣ! извѣстно, въ кабакѣ. Да глядите, какихъ звѣрей поймалъ. Вотъ онъ губитель-то стрѣлечества съ сынкомъ-распутникомъ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Отпусти, братъ. Я вамъ пріятель. Они меня знаютъ.... поручатся. Они послали меня домой за деньгами. (*Афанасьеву*) Ну, пусти меня, братецъ, они тебѣ все растолкуютъ.

АФАНАСЬЕВЪ.

Я самъ имъ растолкую, какъ сынокъ твой обманывалъ нашихъ дѣвокъ.

Digitized by Google

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ой-ли?

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Вишь каковъ!

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Не вѣрьте, не вѣрьте. Не правда.

АФАНАСЬЕВЪ.

Молчи ты. Да вотъ еще что́. Мало, говорилъ ты, казнятъ этихъ стрѣльцовъ. Моя бы воля, не то бы было. Весь бы Земляной городъ обвѣшалъ стрѣлецкими головами вмѣсто зубцовъ у Бѣлаго города.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ахъ ты душегубецъ!

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Вишь, какой лисой подъѣхалъ, а мы и повѣрили.

АФАНАСЬЕВЪ.

Вѣрь имъ. Клади пальцы въ ротъ, какъ разъ укуситъ. Нѣтъ, ребята, хорошая птица попалася. Надо пощипать перушки.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Нето живыхъ не оставимъ.

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ РАСКОЛЬНИКЪ.

Радуйся Іерусалимъ!

АФАНАСЬЕВЪ.

Хватайте ихъ, ребята. Вотъ такъ-то. Скрутите ихъ. Бейте ихъ на-голову, не на-животъ, а на-смерть. Не убѣжишь, братъ. Не пускай! лови! лови! (*кидаются на Мстиславскаго*) ха, ха, ха!... хорошенько ихъ!

СТРѢЛЬЦЫ.

Хватайте, бейте, смерть имъ, лиходѣямъ, злочинцамъ!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣже и ПЕТРОВЪ.

ПЕТРОВЪ.

Что это? разбой, измѣна. Сдержали они свое слово, бездѣльники!

СТРѢЛЬЦЫ.

Бейте ихъ, бейте на-голову, хватайте, ребята!

Digitized by Google

ПЕТРОВЪ.

Ни съ мѣста!

АФАНАСЬЕВЪ.

Да ты-то что?

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Учить вздумалъ!

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Мы и съ тобой сладимъ.

ПЕТРОВЪ.

Ни съ мѣста, крамольники! Стойте, говорятъ вамъ, именемъ государя вашего царя Ѳеодора Алексѣевича.

(Всѣ стрѣльцы снимаютъ шапки и отступаютъ).

АФАНАСЬЕВЪ.

Добро же.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Спаси, добрый человѣкъ.

ПЕТРОВЪ.

Богоотступники! изувѣры! разбойники! что́ вы затѣяли? грабить, жечь? Братъ возсталъ на брата, дѣти ополчились на матушку, на Москву-Бѣлокаменную. Слышите набатъ? Слышали, что́ онъ гудитъ вамъ издали? стоны невинныхъ, позорную казнь на плахѣ, презрѣніе народа и гнѣвъ государя за неслыханное буйство.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Нѣтъ, братъ, Григорій, не говори чего не бывало. Мы покорствуемъ царской власти. Только того-другого изъ тѣхъ, кто больно намъ солонъ пришелся, хотѣлось бы....

ПЕТРОВЪ.

Оборони Богъ итти противъ бояръ! бояре кѣмъ поставлены? кому и быть на ступеняхъ царскаго престола какъ не боярамъ? Стыдитесь! что́ вы бусурмане, что́ ли, татары некрещеные, жиды поганые, что забыли вы страхъ Божій и святая присяга вамъ нипочемъ.

АФАНАСЬЕВЪ.

Что́ больно рѣчистъ, да на руку нечистъ. Изъ тебя вся и суматоха вышла.

ПЕТРОВЪ.

Что́?

Digitized by Google

АФАНАСЬЕВЪ.

Вѣдь ты погнался за Мстиславскимъ, который давича приходилъ къ дочкѣ. Мы за твой стыдъ вступаемся.

ПЕТРОВЪ.

Молчи, искуситель. Ты его видѣлъ....

АФАНАСЬЕВЪ.

Да для тебя сберегъ....

ПЕТРОВЪ.

Такъ гдѣ же онъ?...

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ (выступая).

Здѣсь!...

ПЕТРОВЪ (вскрикиваетъ).

А.... а... а!... Наконецъ ты въ рукахъ моихъ. Догналъ-таки я тебя. Не уйдешь теперь. Кайся передъ Богомъ, умри, окаянный....

(Поднимаетъ на него ножъ).

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Помилуй.... остановись!

ОЛЬГА (выбѣгаетъ изъ избы и кидается къ ногамъ отца).

Пощадите!

СТРѢЛЬЦЫ (бьютъ въ ладоши).

Любо, любо, любо!.... Вотъ это по нашему.... Бей его! Вотъ это любо, любо, любо!

ПЕТРОВЪ (останавливается).

Любо имъ. Знать, тяжкій грѣхъ. Нѣтъ, Григорій. Неладно. Одинъ ударъ. Отсюда ждутъ знака. Здѣсь ихъ сборище. Польется кровь. И я подамъ примѣръ!... Неужто я прощу ему?

АФАНАСЬЕВЪ.

Ну, бей же, благо началъ. Теперь поздно на попятный.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Бей невиннаго.

ПЕТРОВЪ.

Молчи. Благодари Бога, что не наединѣ мы съ тобой встрѣтились. Пустите ихъ.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Что?

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ихъ пустить?

Digitized by Google

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Что ты бѣлены объѣлся?

ПЕТРОВЪ.

Пустите ихъ, говорятъ вамъ. Перваго, кто ихъ тронетъ, разсѣку бердышемъ.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Нѣтъ, это ужь слишкомъ!

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да что онъ за начальникъ!

ТРЕТІЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Ну, какъ хватитъ въ самомъ дѣлѣ?

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Одинъ противъ всѣхъ! Бояться вы, что ли, станете? А еще стрѣльцы!...

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Да кто его знаетъ, можетъ онъ говоритъ и дѣло.

АФАНАСЬЕВЪ.

Дураки вы, дураки. Да разумѣется, онъ держитъ ихъ сторону. Вѣдь дочь-то онъ отдалъ этому Мстиславскому въ наложницы.

СТРѢЛЬЦЫ.

Ха, ха, ха!

ПЕТРОВЪ.

Что?...

АФАНАСЬЕВЪ.

Да какже, дѣло вѣдь извѣстно во всей слободѣ. Чай, видѣли сами давича, какъ ее изъ хоровода выгнали?

ПЕТРОВЪ (дочери).

Тебя выгнали?... Правда это?

ОЛЬГА.

Правда.

АФАНАСЬЕВЪ.

Ну, вѣстимо, онъ имъ защитникъ. А вы, безмозглые, слушаете, развѣсивъ уши.

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Такъ вотъ что — за дочку срамницу онъ стоитъ. А мы за нее заступаемся, головы отдаемъ. Вишь что....

Digitized by Google

АФАНАСЬЕВЪ.

Да какъ же иначе. Своя рубашка къ тѣлу ближе. А вы и подумали невѣсть что. Ну, бросьте его въ сторону. И безъ него обойдемся. Погуляемте, ребятушки. Затягивайте пѣсенку во славу стрѣльцовъ-молодцовъ. Ну, идемъ, ребята.

ПЕТРОВЪ.

Стойте, нечестивые. За мою дочь, говорите вы, чините вы расправу. Дочь свою продалъ я боярамъ? Кто смѣлъ сказать это? Что́жь? вамъ дочь моя нужна, разбойники? кровь моя нужна вамъ, кровопійцы? нате, вотъ вамъ моя дочь! Я самъ учиню расправу. Не за кого вамъ вступаться; не изъ чего дѣлать смуту. Нѣтъ у меня дочери. Такъ нате же.... возьмите ее... Не я... вы ее убили! (*Поражаетъ дочь ножомъ*).

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Убей же насъ вмѣстѣ. Ольга, я не оставлю теперь тебя!

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Господи! (*Стрѣльцы отступаются*).

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Что̀ ты сдѣлалъ, Григорій?

ВТОРОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Знать, отъ сердца говорилъ.

ПЕТРОВЪ.

Просите прощенія у Бога за смерть невинной жертвы. Да омоетъ кровь ея пятно со стрѣлецкой чести.

Голосъ за кулисой.

Собирайтесь, ратники, къ Приказной избѣ. Отъ государя прислано. Въ Кремль бѣжать для обороны.

ПЕТРОВЪ (съ вдохновеніемъ).

Слышите?... барабанъ.... тревога. Въ строй, стрѣльцы! къ ружью! Гдѣ наше знамя? Разбудите полковника. Вставайте, люди добрые! вставайте вѣрные люди... Вставайте всѣ, кто гнушается измѣны и разбоя. Вставайте, кто помнитъ крестное цалованіе, кто стоитъ за правое дѣло! Вставайте не въ вѣчный позоръ, а во славу христолюбиваго воинства. Пришла пора ваша. Да возрадуется духъ вашъ. Пришла пора раздольная, отъ которой у русскаго человѣка всѣ жилки затрепещутъ. Бѣгите на защиту святой церкви, царскаго дома, на оборону братьевъ вашихъ отъ мятежа и крамолы.

Digitized by Google

АФАНАСЬЕВЪ.

Не слушайте его, ребята. Неужто мы выдадимъ своихъ. Вѣдь всѣ прочіе полки съ нами и Полтевской и Стремянный.

ПЕТРОВЪ.

Такъ пусть же одинъ нашъ Сухаревскій полкъ останется вѣренъ. Пусть узнаетъ русскій народъ, пусть цѣлый свѣтъ узнаетъ, что Сухаревскій полкъ не измѣнилъ своему закону. Пусть всѣхъ стрѣльцовъ поминаютъ анаѳемой, а насъ помянутъ благословеніемъ и вѣчной памятью.

АФАНАСЬЕВЪ (въ сторону).

Добро же! посчитаемся мы съ тобой.

ПЕТРОВЪ.

За мной, ратники, въ Кремль! Или капли въ васъ нѣтъ крови русской, или не боитесь вы страшнаго суда Христова, или вы устыдитесь заблужденія и пойдете за мной. Ну, чтожь, идете?

ВСѢ СТРѢЛЬЦЫ.

Идемъ!

ПЕТРОВЪ (вскрикиваетъ).

Слава въ Вышнихъ Богу! слава Сухаревскому полку! Въ Кремль, ребята!

ВСѢ СТРѢЛЬЦЫ.

Въ Кремль!...

(Всѣ кидаются за Петровымъ. Пожаръ. Набатъ. Барабанный бой. Выносятъ стрѣлецкое знамя. Напереди Ольга лежитъ безжизненная. Надъ ней наклонившись стоитъ на колѣнахъ Василій Иванычъ. Старикъ Мстиславскій творитъ молитву. Занавѣсъ опускается).

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Внутренніе покои князя Ромадановскаго. Онъ лежитъ полуодѣтый на лавкѣ, покрытой богатымъ ковромъ. У изголовья слуга обгоняетъ мухъ. У ногъ сказочникъ говоритъ сказку. Парамонъ на цыпочкахъ ходитъ по комнатѣ, скрестивъ за спиной руки.

ЯВЛЕНІЕ I.

СКАЗОЧНИКЪ (однообразно, въ-полголоса).

И поднесли ему Ильѣ чару зелена вина, въ полтора ведра. Принимаетъ Илья единой рукой, выпиваетъ чару единымъ духомъ. Говорилъ ему ласковый Владиміръ князь, ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовутъ. А по имени тебѣ можно мѣсто дать, по изотчеству пожаловати. И отвѣчаетъ Илья Муромецъ: Ивановичъ!

РОМАДАНОВСКІЙ.

Постой.... постой.... Стучатъ, кажется.

ПАРАМОНЪ.

Никакъ нѣтъ, батюшка Михаилъ Григорьичъ. Ставень никакъ вѣтромъ захлопнуло.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Что̀ пожаръ?

ПАРАМОНЪ.

Да все горитъ еще. Божье наказанье.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Бездомный былъ здѣсь?

ПАРАМОНЪ.

Не видалъ-съ. Нѣтъ, должно быть не былъ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Пошли за нимъ.

ПАРАМОНЪ.

Слушаю-съ. *(Посылаетъ слугу).*

СКАЗОЧНИКЪ.

Прикажешь, батюшка бояринъ, продолжать, что̀ ли?

Digitized by Google

РОМАДАНОВСКІЙ (разсѣянно).

Продолжай, пожалуй.

СКАЗОЧНИКЪ.

И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ: а ты ласковый стольный Владиміръ князь, а меня зовутъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ! а проѣхалъ дорогу прямоѣзжую изъ стольнаго города изъ Мурома, изъ того села Корочаева.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Не спится.... Духъ такъ и перехватываетъ.... Посмотри-ка, Парамонъ, что на дворѣ.

ПАРАМОНЪ (глядитъ въ окно).

Никакъ разгуляться хочетъ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Свѣтаетъ?

ПАРАМОНЪ.

Да разсвѣтетъ совсѣмъ скоро.

РОМАДАНОВСКІЙ.

А пожаръ виденъ?

ПАРАМОНЪ.

Виденъ....

РОМАДАНОВСКІЙ.

Что зарево?

ПАРАМОНЪ.

Кажись, поменьше стало... Какъ-будто утихаетъ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Слава Богу, слава Богу....

СКАЗОЧНИКЪ.

Говорятъ тутъ могучіе богатыри, а ласково солнце, Владиміръ князь.... Въ очахъ дѣтина завирается, а гдѣ ему проѣхать дорогою проѣзжею....

РОМАДАНОВСКІЙ (встаетъ).

Нѣтъ!... Видно сына не будетъ. Ступайте къ себѣ теперь. Отдохните. Спасибо, что не оставляете старика.

ПАРАМОНЪ.

Помилуй, батюшка, да на что же мы и слуги твои, коли не для того, чтобъ ходить за твоимъ здоровьемъ. Да что ты, нашъ кормилецъ, какъ-будто самъ не свой? Всю ночку глазъ не смыкалъ. Видно, ломота одолѣла, или, ужь чего добраго, съ глазу должно быть. Я, правду сказать, такъ себѣ и думаю, по глупо-

Digitized by Google

сти своей, вѣрно это Мстиславскіе тебя нашего родного сглазили.

РОМАДАНОВСКІЙ (съ досадой).

Мстиславскіе!

ПАРАМОНЪ.

Плюнь, батюшка, на нихъ, стоятъ они того, чтобы для нихъ огорчаться.... Счастье везетъ покамѣстъ, такъ зазнались. Да неровенъ часъ. Богъ милостивъ! Ну, гдѣ имъ съ вами, батюшка, ровняться. Таковскіе ли? И прислуга-то какая!... хоть бы Калинычъ, нелегкая его возьми.... на подворьѣ прежде гусей стерегъ, а теперь, гляди, самъ бояринъ словно какой. Нашему брату шапки не ломаетъ. Вишь больно поклонистыхъ хочетъ. Нѣтъ, братъ, врешь. У меня дѣдъ служилъ ключникомъ, отецъ былъ коровайникомъ при князѣ Григоріи Александрычѣ. А онъ что... просто мужикъ. Гусей стерегъ.... Тьфу, Господи.... Такія видно времена пришли.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Ну, ступай, успокойся, старикъ.

ПАРАМОНЪ.

Да можетъ что-нибудь для твоей милости понадобится?

РОМАДАНОВСКІЙ.

Нѣтъ..., ничего.... Ступай. Я останусь одинъ.

ПАРАМОНЪ.

Твоя воля, батюшка! *(Про себя)* Гусей стерегъ, а теперь и приступу нѣтъ. Диковинное дѣло. Поживешь, всего наглядишься!....

ЯВЛЕНІЕ II.

РОМАДАНОВСКІЙ (одинъ, глядитъ въ окно).

Чудное зрѣлище! Зарево пожара сливается съ заревомъ разсвѣта, а Москва какъ тѣнь безмолвствуетъ. Такъ ложится черное преступленіе на пробужденной совѣсти. Сегодня ночью долженъ былъ Петровъ отомстить за свое безчестіе и за мой позоръ. Отчего же хоромы Мстиславскаго цѣлы, когда стрѣльцы ихъ поджечь хотѣли? Неужели мщеніе мое рушилось на невинныхъ и князь Ромадановскій сдѣлался начальникомъ зажигальщиковъ и разбойниковъ!... Кто тутъ?

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ III.

РОМАДАНОВСКІЙ и БЕЗДОМНЫЙ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

А.... наконецъ.... ну, говори.

БЕЗДОМНЫЙ.

Что̀ прикажете?....

РОМАДАНОВСКІЙ.

Говори всю правду.... всю правду, слышишь ли, говори!... Живы Мстиславскіе?

БЕЗДОМНЫЙ.

Живы....

РОМАДАНОВСКІЙ.

Какъ? а что̀ же ты обѣщалъ мнѣ? Что̀ же этотъ Петровъ, о которомъ ты мнѣ хвасталъ, что онъ нрава сильнаго и не дастъ себя обезславить? Обманулъ, посмѣялся.... и ты съ нимъ. Продали вы меня, или, чего добраго, отъ Мстиславскихъ же взяли деньги, чтобъ осмѣять меня старика. Знаете вы, что беззащитный я, что нѐкому за меня вступиться, такъ и думаете, что меня легко провести. Нѣтъ, я и самъ за себя постою. Говори, что̀ было ночью.

БЕЗДОМНЫЙ.

Да пожаръ, слышно, былъ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

И больше ничего? Кто поджигалъ?

БЕЗДОМНЫЙ.

Извѣстно, стрѣльцы поджигали, чтобъ помочь Петрову.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Да какъ же домъ Мстиславскихъ остался цѣлъ?

БЕЗДОМНЫЙ.

Да я почему знаю, я спалъ себѣ! изъ дому никуда не выходилъ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Послушай, братъ... ты мнѣ говорилъ про Петрова. Ты хвалился мнѣ, что онъ отомститъ за себя, и что товарищи его не отстанутъ. Ты взялъ изъ казны моей деньги.

Digitized by Google

БЕЗДОМНЫЙ.

Помилуйте, князь Михаилъ Григорьичъ. Я разсказалъ вамъ по преданности моей все, что̀ знаю, но гдѣ̀ же мнѣ̀ маленькому человѣку вести такія великія земскія дѣла.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Не бойся, подлая душа! у князя Ромадановскаго плечи широкія. Снесутъ и потяжелѣ̀ тебя.

БЕЗДОМНЫЙ.

Былъ я, по вашему приказу, у Петрова. Его-то, правда, не засталъ дома, а видѣлся съ его пріятелемъ Афанасьевымъ. Онъ и деньги взялъ и обѣщалъ, что ночью же не сдобровать Мстиславскимъ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Да отчего же этотъ страшный пожаръ?

БЕЗДОМНЫЙ.

Должно быть разгулялись не въ мѣру.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Такъ этотъ Петровъ воръ, ночной разбойникъ, зажигальщикъ?

БЕЗДОМНЫЙ.

Извѣстно, простой человѣкъ!

РОМАДАНОВСКІЙ (про себя).

И ему я ввѣрилъ расправу за свою честь!..

БЕЗДОМНЫЙ.

Да вы, князь Михаилъ Григорьичъ, не безпокойтесь. Дѣло крытое. Коли что̀ выйдетъ наружу, мы ужь такъ сговорились съ Афанасьевымъ, что все ляжетъ на Петровѣ. Онъ и поджигалъ, онъ и месть правилъ за дочку.... Его ужь, слышно, ищутъ, чтобъ за приставье взять, его и повѣсятъ за смуты, а мы въ сторонѣ: мы ничего не знаемъ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Слышишь, князь Ромадановскій, что̀ смѣетъ говорить этотъ человѣкъ? Ну, Иванъ Васильичъ, дорого ты мнѣ стоишь! Кто тамъ? кто смѣетъ входить безъ моего приказа?

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и ПАРАМОНЪ.

ПАРАМОНЪ.

Извини, батюшка, великодушно. Гонецъ прискакалъ сейчасъ отъ Батуринскаго игумена.

РОМАДАНОВСКІЙ.

На монастырь видно проситъ.

ПАРАМОНЪ.

Не знаю, батюшка, не знаю. Только грамоту привезъ, грамоту, говоритъ, очень нужную. Сейчасъ же, говоритъ, вручите боярину.... Я потому и осмѣлился.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Подай сюдо! *(Отдаетъ Бездомному)*. На! *(Парамонъ уходитъ)*.

БЕЗДОМНЫЙ.

Читать прикажете? Да тутъ еще бумага съ печатью.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Читай.... Что́ за крѣпость святому отцу? *(Садится и по мѣрѣ чтенія обнаруживаетъ возрастающее волненіе)*.

БЕЗДОМНЫЙ (читаетъ).

Благословеніе Іоасафа, архимандрита Батуринскаго.

Веліе сердцу мо[illegible]есть радованіе еже повѣдати ми вашему благородію о нѣко[illegible] странномъ и вельми нежданномъ происшествіи. Сентемврія 9 числа на память св. Богоотецъ Іоакима и Анны пріиде къ нашему смиренію нѣкій старецъ въ рубищѣ вѣтсѣ, и проси и молися намъ.

РОМАДАНОВСКІЙ (перебиваетъ).

Дальше, дальше. Въ чемъ же дѣло-то?

БЕЗДОМНЫЙ (пропустивъ нѣсколько строкъ).

И повѣда намъ со слезами и сокрушеніемъ, яко въ буйная лѣта юности, забывъ страхъ Господень, людей на дорогахъ терзалъ нечестиваго ради стяжанія. И въ тое время проѣзжаху путемъ покойная княгиня, супруга вашего благородія съ чадами, и онъ разбойникъ и товарищи его окаянные супругу вашу убиша купно и съ прислугой.... Младенца же вашего благородія, сына Григорія, не возъимѣша духа умертвити, а взяша съ собой и от-

Digitized by Google

дѣша потомъ подъ чужлымъ именомъ въ нашу же смиренную обитель, и оный сынъ вашъ князь Григорій Михайлычъ и поднесь въ живыхъ!...

РОМАДАНОВСКІЙ (въ большомъ волненіи).

Что́ это? въ умѣ ли я.... Сынъ мой живъ! У меня есть сынъ! У князя Ромадановскаго есть наслѣдникъ! Эй, отворите ворота. Сзсывайте всѣхъ людей моихъ. Кричите всему русскому народу: у князя Ромадановскаго, у сироты, у старика бездѣтнаго, у князя Ромадановскаго, котораго каждый безчестилъ и позорилъ безбоязненно, есть опора теперь, есть защитникъ, есть сынъ, который постоитъ за отца. Подай мнѣ грамотку, подай сюда! Я ее положу подъ образъ, которымъ благословилъ меня покойный батюшка. Нѣтъ, я ее надѣну съ крестомъ на шею. Я ее всегда носить буду на себѣ,... Ну.... ну... ты не все прочиталъ еще.... Дочитывай, ради Бога....

БЕЗДОМНЫЙ (читаетъ).

Поживе же онъ въ нашей обители двадесять лѣтъ, но не чувствуя себя склонна къ отшельнической жизнѣ инока, а скорѣй къ ратному дѣлу, оставя кровъ нашъ смиренный вступи въ достохвальное войско стрѣлецкое, и отправися недавно въ престольный градъ Москву и нарѣче себѣ имя Петровъ.

РОМАДАНОВСКІЙ (дрожа всѣмъ тѣломъ).

Петровъ... какой Петровъ?... Ты лжешь!... Тутъ не то написано. Ну, что́жь, читай, читай.... *Читай*, говорятъ тебѣ.... Тутъ вѣрно еще другое написано. Ну, читай же, какъ отецъ продалъ своего сына, какъ онъ подговорилъ его быть бунтовщикомъ, грабильщикомъ и зажигальщикомъ и убійцей, какъ онъ своими руками подвелъ его на плаху, на висѣлицу!... Что́жь ты не читаешь?... Его взяли, говоришь ты, подъ стражу взяли. Его казнили ужь можетъ быть.... Кому извѣстно, что онъ мой сынъ.... Парамонъ!...

ПАРАМОНЪ (входитъ).

Здѣсь, батюшка.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Послушай, Парамонъ, послушай, старикъ.... сослужи мнѣ службу, которой и на томъ свѣтѣ не забуду. Осѣдлай коня, скачи, летомъ-лети въ стрѣлецкую слободу, самъ скачи... слышишь ли?... да спѣшно. Узнай, провѣдай, дознайся, гдѣ стрѣ-

Digitized by Google

лецъ Петровъ. Ничего о немъ не спрашивай. Только отыщи мнѣ его, найди мнѣ его, гдѣ хочешь найди!...

ПАРАМОНЪ.

Да, батюшка....

РОМАДАНОВСКІЙ.

Гдѣ бы онъ ни былъ — въ Приказѣ, въ тюрьмѣ, въ сырой землѣ — отрой мнѣ его.

ПАРАМОНЪ.

Да, батюшка мой, онъ здѣсь дожидается.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Здѣсь?... Да что же молчишь ты?! Зачѣмъ не кричишь ты, что онъ здѣсь? Бѣги же. Зови.... Нѣтъ, погоди!... Страшно стало! Что-то скажетъ онъ мнѣ. Ну, проси его, сюда.... (*Бездомному*). А ты, жалкая тварь, низкій льстецъ моихъ пороковъ... вонъ отсюда, чтобъ нога твоя не оскверняла порога моего дома. (*Вырываетъ у него письмо*).

БЕЗДОМНЫЙ.

Да помилуйте!

РОМАДАНОВСКІЙ.

Вонъ отсюда. Не забывай, что я приказываю. Ступай!... (*Садится на кресло*). Ну, если онъ не захочетъ притти ко мнѣ?... Сердце бьется, руки дрожатъ.... Ахъ! еслибъ только разъ увидать мнѣ его.... А, а, а!...

ЯВЛЕНІЕ V.

РОМАДАНОВСКІЙ и ПЕТРОВЪ.

ПЕТРОВЪ (подходитъ медленно).

Стыдно, бояринъ!

РОМАДАНОВСКІЙ.

Какъ онъ статенъ!

ПЕТРОВЪ.

Стыдно, бояринъ! что я тебѣ сдѣлалъ! жилъ я, бѣдный человѣкъ, въ страхѣ Божьемъ. Была у меня чистая совѣсть. Была у меня свѣтлая радость, дочь ненаглядная. Ты все у меня отнялъ. Развѣ ты не подумалъ, что тамъ есть Судія, который видитъ неправое дѣло и, рано ли, поздно ли, воздастъ ему достойное наказаніе.

Digitized by Google

РОМАДАНОВСКІЙ (любуется).

Боярская кровь!...

ПЕТРОВЪ.

Выслушай, князь, что́ ты сдѣлалъ. Ты мнѣ сказалъ, что дочь моя посрамлена, ты призывалъ меня на кровавую месть. Ты отнялъ у меня покой и разсудокъ.... Не помоги мнѣ Богъ, я бы сдѣлался мятежникомъ, зачинщикомъ ужаснаго злодѣянія. Теперь бы кровь стояла на Москвѣ по колѣни, и безумная чернь вламывалась бы въ боярскіе дома. Не бойся. Теперь нѣтъ повода стрѣльцамъ вступаться за меня. Я не подорожилъ своей кровью: я дочь свою убилъ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Господи! дочь моего сына!

ПЕТРОВЪ.

Чѣмъ воздашь ты мнѣ за это? деньгами, что́ ли, дорогими подарками? Спасибо. Не за тѣмъ пришелъ я. Я пришелъ поблагодарить тебя за непрошеное участіе. Да только не поздоровится тебѣ отъ моей благодарности. Широкимъ пятномъ ляжетъ она на твоей боярской совѣсти. Безконечнымъ стономъ будетъ стонать она и днемъ и ночью тебѣ на ухо, какъ стонала умирающая жертва твоя. Громомъ грянетъ она, громомъ грянетъ надъ твоимъ изголовьемъ, плачемъ безутѣшнаго ратника, и страшнымъ проклят....

РОМАДАНОВСКІЙ (вскакиваетъ съ креселъ).

Молчи!... не смѣй говорить этого. Я отецъ твой.

ПЕТРОВЪ (пораженный).

Ты.... ты отецъ мой! Ты.... злой духъ, искавшій моей погибели?... Нѣтъ.... быть не можетъ.... нѣтъ.

РОМАДАНОВСКІЙ (подаетъ ему письмо).

На, читай, — читай же самъ, благо грамотный. Видишь ли, въ монастырѣ былъ ты. Мать твою убили разбойники. А?... вотъ крестъ, которымъ благословилъ тебя князь Голицынъ. Сынъ ты мой. Вотъ на шеѣ родимое пятно. Да и въ глазахъ твоихъ я вижу князя Ромадановскаго.... Какъ не узналъ я тебя прежде.... Ну.... что́ скажешь?... Да говорятъ тебѣ, что ты сынъ мой!

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ.... не обманешь.... Хитеръ ты, старикъ.... знаю, что хитеръ.... Ну, Богъ съ тобой. Дай уйти только.

Digitized by Google

РОМАДАНОВСКІЙ.

Ну такъ вотъ смотри, вотъ бумаги. За печатью свидѣтельство монастырское.

ПЕТРОВЪ (читаетъ).

Въ-самомъ-дѣлѣ.... да.... да.... Погоди. Дай подумать.... Дай спроситься русской совѣсти. Боже ты мой! вразуми, наставь. *(Послѣ молчанія, становится на колѣни).* Чти отца твоего, такъ велитъ заповѣдь. Ни слова непокорнаго не услышишь ты, бояринъ, отъ меня.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Нѣтъ, для другихъ я бояринъ, для тебя я отецъ, хилый старикъ. Въ тебѣ я вижу всю свою отраду, всю свою радость. О прошломъ ни полъ-слова. Прежде ты былъ чужой, теперь ты кровь моей крови, плоть моей плоти, душа моей души. Обними меня, сынъ мой. Эй, Парамонъ, слуги мои вѣрные, чтожь вы не идете! Поздравьте меня и себя поздравьте. Сынъ мой воскресъ. Вашъ господинъ живъ. Кланяйтесь князю Григорію Михайлычу.

ПАРАМОНЪ.

Ахъ, батюшки-свѣты!... То-то я глядѣлъ, какъ-будто я его гдѣ-то видывалъ. Ахъ, красавецъ ты мой. Да какой ты сталъ здоровенный. А мы такъ плакали, плакали. Думали, что вѣкъ не придется поглядѣть на тебя.... Вѣдь точь-въ-точь дѣдушка Григорій Александрычъ. Да не прикажешь ли чего? Ну вотъ радость, такъ ужь радость. И со стороны-то, кажется, каждый порадуется, кромѣ развѣ этихъ, прости ихъ Господи, Мстиславскихъ.

ПЕТРОВЪ (про себя).

Бѣдная моя Ольга!

РОМАДАНОВСКІЙ.

(Про себя). У меня могла бы быть внука.... Ну, да что объ этомъ думать. *(Вслухъ).* Эй! одѣньте меня по праздничному, подайте шапку мою горлатную, золотой жалованный кафтанъ и охабень чревчатый. Пойду къ государю и доложу ему о своей радости.

ПАРАМОНЪ.

Ахъ, батюшки, впопыхахъ-то я и забылъ. Изъ Кремлевскихъ палатъ присылали за твоей милостью. Бояре-де уже со-

Digitized by Google

брались для соборнаго совѣщанія, ожидаютъ патріарха и великаго государя.

РОМАДАНОВСКІЙ (одѣвается).

Ну, подавайте же скорѣе. Всѣмъ скажу, всѣмъ разскажу, пойду объявлю боярамъ, что однимъ княземъ Ромадановскимъ стало больше между ними.... Послушай, Парамонъ, двѣсти рублевъ пошли по монастырямъ, а двѣсти вели раздать нищимъ лежанкамъ. А для проходящихъ вели столъ накрыть на дворѣ. Милости просимъ. Пускай вся Москва со мной радуется. Каждый человѣкъ мнѣ братъ теперь. Каждаго готовъ обнять. Всѣмъ отпускаю обиды. Даже.... видитъ Богъ.... даже Мстиславскимъ могу простить. Ну, смотрижь, Парамонъ, береги мнѣ его.... Теперь онъ вамъ господинъ. Ну, прощай, Григорій.... Наговоримся послѣ, — теперь итти надо ... Погляди-ка на меня.... боярская кровь!

(Обнимаетъ его и уходитъ. Парамонъ и люди его провожаютъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПЕТРОВЪ (одинъ).

Я сынъ ему.... я.... Кто предскажетъ судьбу человѣка!... Я пришелъ къ нему съ упрекомъ, какъ къ врагу своему, и остаюсь съ покорностью и обнимаю въ немъ отца. Да, любо должно быть ему найти сына, послѣ долгаго сиротства. И я былъ отцомъ. И у меня дочь была. Давно ли маленькая играла она моимъ оружіемъ, сидѣла на моихъ колѣняхъ. Бывало, усталый приду я въ свою хату, а она бѣжитъ ко мнѣ на-встрѣчу, обнимаетъ меня рученками, протягиваетъ ко мнѣ кудрявую головку. Боже мой, Боже мой!... что́ я сдѣлалъ! какъ рука моя поднялась на нее!.... какъ не нашелся человѣкъ, который остановилъ бы меня. Что́ мнѣ теперь въ богатствѣ? Пускай надѣнутъ на меня парчевой кафтанъ, все-таки, куда ни пойду я, хоть будь я осыпанъ каменьями самоцвѣтными, будутъ на меня указывать пальцемъ. Вотъ онъ, что́ дочь свою зарѣзалъ, вотъ онъ, убійца.... вотъ онъ, душегубецъ. *(Плачетъ)* Господи, Господи! думалъ ли я, что доживу до этого?

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПЕТРОВЪ и ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ (входитъ поспѣшно).

Князь Григорій Михайловичъ, я ищу тебя.

ПЕТРОВЪ (отскакиваетъ).

Какъ, ты снова здѣсь? Долго ли ты будешь искушать меня? Погоди съ княземъ знакомиться, расплатись со стрѣльцомъ сперва. Чего ты отъ меня хочешь? Мало тебѣ моего позора, мало тебѣ одного убійства? Чтóжь ты хочешь, чтобъ я совсѣмъ душу погубилъ? Изволь, будетъ по твоему

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Выслушай, князь.

ПЕТРОВЪ.

Не князь я для тебя: я твой судья, я палачъ твой. Кто сказалъ тебѣ, что я князь?

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Выслушай же. Сейчасъ внизу встрѣтилъ я князя Михаила Григорьича на конѣ. Онъ только завидѣлъ меня, кликнулъ. Скажи, говоритъ, отцу своему, что у него два врага теперь: я да сынъ мой князь Григорій Михайлычъ, стрѣлецъ Петровъ. Стрѣлецъ Петровъ—сынъ мой. Онъ князь Ромадановскій. Ну, такъ дочь его ровня Мстиславскому.

ПЕТРОВЪ.

Чтóжь ты издѣваться пришелъ надо мною? Не ты ли самъ видѣлъ, какъ я убилъ свою дочь?

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Нѣтъ, князь, дочь твоя жива; ты не убилъ ея, благодаря Бога. Твоя дочь жива, останется тебѣ на радость, мнѣ въ счастье. Дай мнѣ обнять твои колѣни. Прости меня.... не карай, благослови.... Дай быть твоимъ сыномъ, дай загладить вину свою тяжкую.

ПЕТРОВЪ.

Жива!... жива! Ты сказалъ, что она жива?... Жива!... Ольга!... Чтó это со мной?... въ глазахъ потемнѣло, голова закружилась.... Дурно мнѣ... Нѣтъ, нѣтъ, не хочу.

Digitized by Google

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Знай, Григорій Михайлычъ, дочь твою оклеветали недобрые люди. Свято сохранила она свою честь. Нето бы не назвалъ я ее своей женой.

ПЕТРОВЪ (слабымъ голосомъ).

Да, да!.... правда твоя!... Спасибо, ты успокоилъ меня.... только погоди.... погоди.... Дай раздумать. Она жива.... да.... невинна.... ее оклеветали.... Да кто же смѣлъ?... Все кругомъ вертится.... это отъ радости.... дочь моя жива!... береги ее.... живите счастливо.... я напрасно подозрѣвалъ.... Слава Богу.... Какъ, бишь, зовутъ тебя.... Да, вспомнилъ!...Дочь моя жива.... Да точно ли, ты не обманулъ?

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Что́ съ вами?...

ПЕТРОВЪ.

Сынъ мой, благословляю тебя. Ты честно искупилъ свою вину кровавую.... ты молодъ, ты благороденъ, ты знатенъ,—и я теперь знатенъ. Странно! дочь моя жива! Такъ я не убилъ ея? Кто, бишь, сказалъ мнѣ, что онъ отецъ мой, что я князь.... не слыхалъ ты? а? Нѣтъ, я стрѣлецъ. Вѣкъ жилъ стрѣльцомъ, такъ и умру.... Душно.... Дочь моя жива, говоришь ты? что́жь, она помнитъ меня, не проклинаетъ меня? Позови ее, дай поглядѣть, полюбоваться. Стыдиться ненадо, вѣдь я не женихъ, отецъ.... Гдѣжь она?... я знаю, вѣдь она жива. Красавица ты моя, ласточка, птичка, радость моя. *(Кричитъ)* Горю, горю! помогите, помогите! Грудь моя загорѣлась. Всю внутренность рѣжетъ ножами. Воды, воды.... свѣту вольнаго! Помогите, помогите! .. Умираю!! *(Падаетъ безъ чувствъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢЖЕ, ПАРАМОНЪ и СЛУГИ.

ПАРАМОНЪ.

Что́ за крикъ? что́ случилось? Ахъ, Боже мой!

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Помогите ему.... Неужели опять невзгода?

Digitized by Google

ПЕТРОВЪ.

Воды.... воды.... Затушите пожаръ, залейте, именемъ всѣхъ святыхъ умоляю васъ, залейте огонь.... Здѣсь подъ сердцемъ горитъ, горитъ, горитъ.... Афанасьевъ, злодѣй, сдержалъ свое слово: отомстилъ, погубилъ, отравилъ... То-то смѣялся онъ, какъ ночью на пожарѣ поднесъ мнѣ выпить. То-то горько было. Горло.... ой ....Вставайте, люди добрые, разбудите полковника. Барабанъ!... гдѣ наше знамя?... Слышите, стрѣльцы, дочь моя жива.... Скажутъ вамъ, что я убилъ ее, не вѣрьте, не вѣрьте.... ха, ха, ха!... На сватьбу милости просимъ.... Поподите.... припомнилъ. А! полегче стало.

ПАРАМОНЪ.

Что́ скажетъ князь Михаилъ Григорьевичъ?

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Подымите его.,.. скорѣй, не теряйте времени. Понесемте его въ Кремль къ дохтуру Гадену, къ жидовину: на немъ вся надежда.

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ.... погодите.... Ратникъ идетъ на-встрѣчу смерти.... Я еще въ-силахъ.... я самъ пойду. Такъ..., правосудно небо.... дочь моя жива. Я умереть долженъ.... Веди меня, сынъ мой.

ПАРАМОНЪ.

Господи, зачѣмъ я дожилъ до этого дня!

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ.

Скорѣе.... скорѣе, въ Кремль, къ дохтуру.

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ, не къ дохтуру: къ отцу ведите меня. *(Уходятъ).*

(Декорація мѣняется и представляетъ Кремль, во время соборнаго дѣянія. Съ постельнаго крыльца попарно сходятъ бояре въ золотыхъ кафтанахъ. На возвышеніи князь Долгоруковъ хочетъ говорить народу. Всѣ игравшіе въ драмѣ находятся на площади, и сверхъ того множество народа, иностранцевъ, рейтаровъ, посадскихъ и пр. въ одеждахъ того времени).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТОЛСТОЙ, ЖЕЛЯБУЖСКІЙ и НАРОДЪ.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Ну, скажи изъ милости, что́ рѣшено?

Digitized by Google

ТОЛСТОЙ.

Руки отнялись.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Ужь не война ли опять съ запорожцами?

ТОЛСТОЙ

Это бы что́?

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Помилуй Богъ, не затѣялъ ли чего салтанъ турской.

ТОЛСТОЙ.

Говорить бы не стрило.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Такъ что́жь такое?

ТОЛСТОЙ.

Слушай. Дивныя, вѣчно памятныя слышали мы рѣчи. Святѣйшій патріархъ и самъ царь вели разсужденіе о губительномъ мѣстничествѣ.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Такъ что́жь?

ТОЛСТОЙ.

Въ немъ бо и есть корень порочныхъ враждотвореній, гдѣ бояре въ защиту ложной чести омрачаютъ честь настоящую.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Да ужь искони вѣковъ такъ у насъ заведено.

ТОЛСТОЙ.

Такъ знай же, отнынѣ отеческіе случаи отмѣняются. Двѣнадцать митрополитовъ утвердили. Не бывать болѣе мѣстничеству на русской землѣ. Такъ приговорено Соборомъ.

(Народъ толпится).

ПЕРВЫЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Ну, что̀ лѣзешь впередъ!

ВТОРОЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Да что́ ты самъ толкаешься! Хозяинъ здѣсь, что ли? Лѣшій этакой!

ТРЕТІЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Ахъ, ты дрянь этакая!... Не будь тутъ Успенскаго собора, я бы тебя пощипалъ порядкомъ.

Digitized by Google

ПЕРВЫЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Поглядѣлъ бы я... Молчи, вишь старшіе говорятъ.

БАБА.

Гляди, гляди, бояринъ на крыльцо вышелъ... который бишь это?

ПЯТЫЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Ну ужь видно, что баба: Долгорукова князя не знаетъ.

БАБА.

Ахъ, да и въ самомъ дѣлѣ. Да гляди, никакъ рукой машетъ.

ПЕРВЫЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Смирно, православные, слушайте, что бояринъ скажетъ!

ВТОРОЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Видно о томъ, что рѣшено наверху.

ПЕРВЫЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Молчите же. Слушайте, слушайте.

ДОЛГОРУКОВЪ (съ Постельнаго крыльца).

Стольники и стряпчіе и дворяне московскіе и иныхъ всѣхъ чиновъ ратные люди.

Великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ велѣлъ вамъ говорить:

Понеже не токмо въ мимошедшія лѣта, но и по нынѣ во многихъ государскихъ ратныхъ, посольскихъ и иныхъ всякихъ дѣлахъ чинятся отъ вредительнаго и разрушительнаго мѣстничества и отъ тѣхъ мѣстныхъ случаевъ великія пакости и нестроеніе и разрушеніе и непріятелямъ радованіе, и между боярами, окольничими, думными и ближними людьми противныя Богу дѣла, нелюбовь и великія продолжительныя вражды, — Великій Государь указалъ всѣмъ чинамъ на Москвѣ въ Приказахъ и походахъ, у ратныхъ, у посольскихъ и у всякихъ дѣлъ и въ городахъ быть межъ себя безъ мѣстъ, никому впредь разрядами и мѣстами не считаться и разрядные случаи оставить и искоренить, чтобъ впредь отъ тѣхъ случаевъ въ дѣлахъ помѣшки не было, разрядныя же книги сжечь, да погибнетъ тако во огнѣ Богомъ ненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество, и къ тому да не воспомянется во вѣки.

Digitized by Google

ПЕРВЫЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Слышь ты, Алёха, что́ это я какъ-будто не понимаю. О чемъ это объявлялъ-то онъ намъ?

ВТОРОЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Эхъ, безмозглая ты башка! Вишь, бояре-то больно расходились. Озорничаютъ, что ни на что̀ не похоже, а все изъ-за мѣстовъ своихъ.

ПЕРВЫЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Да какъ же это изъ-за мѣстовъ?

ВТОРОЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Ну, да вотъ. Ты, пожалуй, со мной заспорилъ, что ты-де лучше меня.... Я тебѣ на то: нѣтъ, шалишь. Я тебя лучше.

ПЕРВЫЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Да чѣмъ же ты меня лучше?

ВТОРОЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Молчи! ты не понимаешь. Это для примѣра. Ну, и пошли крупныя слова. Я тебя въ усъ, ты меня въ рыло.

ПЕРВЫЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Смекнулъ.

ВТОРОЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Такъ видишь ли. Вотъ оно что̀. Нашему-то брату оно еще по простотѣ-то, пожалуй, и позволительно, ну, а боярамъ-то не приходится.

ПЕРВЫЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Точно, правда.

ВТОРОЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Самъ посуди, что̀ за порядокъ будетъ, коли старшіе пойдутъ въ-потасовку. Такъ и приказалъ теперь государь: вы-де не смѣйте у меня озорничать и споры заводить.

ПЕРВЫЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Ну, понялъ теперь. Спасибо. Дай Богъ здоровья нашему государю. Вишь, умница какой! разомъ ихъ порѣшилъ.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ X.

ТАРАСКА входитъ, низко кланяясь мужикамъ.

ТАРАСКА.

Батюшки, князья, свѣтлыя очи, знатные вы люди, не забудьте Тараску!

ВЪ НАРОДѢ.

Ха, ха, ха!.. слышите, дуракъ-то какъ вретъ, князьями насъ величаетъ!

ТАРАСКА.

Да какъ же не князья теперь? Вы и князья нынѣ. Старыхъ-то, вы чай слышали, сейчасъ станутъ жечь наверху.

ПОСАДСКОЙ.

Что́ ты городишь? кого станутъ жечь?

ТАРАСКА.

Да, разряды-то боярскіе. А вотъ и дядя Никита идетъ. (*Бояре сходятъ съ крыльца*). Дядя, видно, что ты уменъ, что одно съ дуракомъ говоришь.... тррр.... эй, вы! Ну, проводите меня, а я вамъ стану разсказывать, какъ свейской король сидѣлъ на тронѣ, съ своей теткой Матреной. (*Уходитъ; народъ, смѣясь, провожаетъ его и остается въ углубленіи театра.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Князь ОДОЕВСКІЙ, ПРОНСКІЙ, ШЕРЕМЕТЕВЪ, ХОВАНСКІЙ.

ОДОЕВСКІЙ.

Что́, бояре! правду говорилъ я вамъ. Сердце вѣщало. Видно, дошло до государя про бѣшенство Ромадановскаго. Читали вы, какъ государь подписался?

БОЯРЕ.

Самъ! какже! какже!

Digitized by Google

ОДОЕВСКІЙ.

И какъ еще подписалъ! въ утвержденіе сего соборнаго дѣянія и въ совершенное гордости и проклятыхъ мѣстъ въ вѣчное искорененіе. Мудрыя слова. Они, какъ плодотворное сѣмя, принесутъ обильную жатву.

ПРОНСКІЙ.

Да, неслыханныя дѣла совершаются въ очахъ нашихъ. Я видѣлъ, какъ Ромадановскій подалъ руку Мстиславскому. Кто бы это подумалъ!

ХОВАНСКІЙ.

Мало того, Ромадановскій, слышно, чудомъ нашелъ сына своего между простыми стрѣльцами и внучку отдаетъ за молодого Мстиславскаго. Старики наверху ужь поладили.

ПРОНСКІЙ.

Диковинное время.

ОДОЕВСКІЙ.

Время свыше опредѣленное, — время неизбѣжнаго перехода къ тому разуму, который ужь давно живетъ у сосѣдей. Будемъ молить Бога, чтобъ этотъ переходъ совершился тихо и миролюбиво, для укрѣпленія и славы нашей родины. (*Хочетъ итти.*)

ХОВАНСКІЙ.

Куда же ты, Никита Иванычъ?

ОДОЕВСКІЙ.

Мнѣ поручено изслѣдовать о вчерашнемъ пожарѣ. Подозрѣваютъ поджогъ.

ПРОНСКІЙ.

Помилуй Богъ! Когожь винятъ?

ОДОЕВСКІЙ.

Думаютъ, что татары или казаки, а я боюсь, что русскіе. Стрѣльцы, должно быть. Не жду я отъ нихъ добра.

(Мстиславскій и Ромадановскій сходятъ, обнявшись, съ лѣстницы).

ПРОНСКІЙ.

Погляди-ка, князь Никита Иванычъ, какъ наши мѣстники идутъ дружно рядкомъ.

Digitized by Google

ОДОЕВСКІЙ.

Такъ бы и всѣмъ намъ всегда бы слѣдовало итти. Не то бы было....

(Народъ приближается.)

ЯВЛЕНІЕ XII-Е И ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢЖЕ, РОМАДАНОВСКІЙ, МСТИСЛАВСКІЙ, а потомъ ПЕТРОВЪ и ВАСИЛІЙ ИВАНЫЧЪ.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Все забыто... для дѣтей нашихъ.

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Вѣрь, Михаилъ Григорьичъ, въ душѣ моей не было никогда злобы. Зналъ я, правда, что ты напрасно просилъ на меня, — и что мѣстомъ не могъ я быть тебя ниже....

РОМАДАНОВСКІЙ.

Нѣтъ, Иванъ Васильичъ. Говорить о прошломъ нечего. А по разрядамъ каждый скажетъ тебѣ, что ты ниже меня семью мѣстами.

(На крыльцѣ видно пламя.)

ОДОЕВСКІЙ.

Поздно глядѣть въ разряды. Смотри, вотъ горятъ они, по царскому приказу.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Пускай горятъ, я ихъ наизусть помню. Никогда, ни въ какое время я ниже Мстиславскихъ не бывалъ. Знай это, Иванъ Васильичъ. И пока я живъ, никто мнѣ того не докажетъ.

ВАС. ИВ. МСТИСЛАВСКІЙ (въ толпѣ).

Дохтура, дохтура! — ради Христа, помогите!

ИВ. ВАС. МСТИСЛАВСКІЙ.

Что́ это? голосъ моего сына?

Digitized by Google

РОМАДАНОВСКІЙ.

Онъ ведетъ съ собой другого человѣка... стрѣльца... неужто... быть не можетъ... не правда... А?... что́ вы съ нимъ сдѣлали? отчего онъ такъ блѣденъ? Его руки холодны. Онъ умираетъ. Помогите, помогите! *(кричитъ)* Все имѣнье князя Ромадановскаго тому, кто спасетъ его.

ПЕТРОВЪ (умирающимъ голосомъ).

Нѣтъ, поздно... довольно. Я не пойду далѣе. Я умру здѣсь, въ виду святыхъ соборовъ, посреди Кремля, въ самомъ сердцѣ русской земли. Не тоскуй, ребенокъ, не кручинься, отецъ! Здѣсь умирать хорошо.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Сынъ мой, сынъ мой!

ПЕТРОВЪ.

Благодарю Бога, что привелось мнѣ тебя видѣть еще.... я хотѣлъ.... *(медленно опускается на землю.)*

РОМАДАНОВСКІЙ.

Да нѣтъ... быть не можетъ. Ты будешь живъ.

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ, сгубили меня отравой. Смерть здѣсь. Не бойтесь, подойдите, православные, поглядите, какъ умираетъ человѣкъ. Оно порой не мѣшаетъ. Напомнитъ, что конецъ... каждаго... близокъ. Батюшка! вручаю тебѣ мою дочь. Немного жила она, а много выстрадала. Пусть же отдохнетъ теперь она. Смотри, Василій, люби ее, береги... она покорная, добрая... Хотѣлось бы взглянуть на нее.... да нѣтъ, нельзя.... Недостоинъ я того. Помолитесь, православные, за упокой души грѣшника, раба Божьяго, Григорья. А легче стало теперь. На душѣ свѣтло. Знать, конецъ пришелъ. Пропала земля, пропали люди, все пропало, кромѣ Бога.

РОМАДАНОВСКІЙ.

Горе мнѣ, горе, горе на мою сѣдую голову! Зачѣмъ посѣтила меня радость, когда скорбь была такъ близко? Куда дѣваться мнѣ теперь, что́ дѣлать? Нѣтъ житья мнѣ въ Москвѣ, гдѣ каждый теперь мнѣ равенъ. Нѣтъ житья мнѣ злополучному на землѣ, гдѣ во второй разъ теряю сына. На войну пой-

Digitized by Google

ду... Авось убьютъ старика. Не то въ монастырь запрусь, въ кельѣ, тамъ буду ждать конца своего и плакать, плакать до послѣдняго издыханія.

ПЕТРОВЪ.

Прощай, отецъ! прощайте русскіе люди! Пойду молиться за васъ!

(Падаетъ на руки окружающихъ его. На постельномъ крыльцѣ показываются рынды. Трубачи возвѣщаютъ появленіе царя Алексѣя Ѳедоровича. Оркестръ начинаетъ шумно русскіе мотивы «Слава». Занавѣсъ опускается).

TAYLOR INSTITUTION UNIVERSITY OF OXFORD LIBRARY

Digitized by Google

ТРАКТАТЪ О ФИЗІОНОМИКѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ТРАКТАТЪ О ФИЗІОНОМИКѢ.

ВСТУПЛЕНІЕ. — ЛАФАТЕРЪ. — ПОЛЬЗА ФИЗІОНОМИКИ. — ВНУТРЕННІЯ СВОЙСТВА ЧЕЛОВѢКА, КАКЪ ОСНОВАНІЕ РАЗДѢЛЕНІЯ ФИЗІОНОМІЙ. — ТЕМПЕРАМЕНТЪ. — ВОЗРАСТЪ. — ВОСПИТАНІЕ. — ЗАНЯТІЕ. — ОБРАЗЪ ЖИЗНИ. — ПРИВЫЧКИ. — РАЗДѢЛЕНІЕ ФИЗІОНОМІЙ. — ФИЗІОНОМИЧЕСКІЕ ЗНАКИ. — ИЗМѢРЕНІЕ ЛИЦА. — ОТНОШЕНІЕ ЧАСТЕЙ ЕГО МЕЖДУ СОБОЮ. — ЗНАЧЕНІЕ ЧАСТЕЙ ЛИЦА И ТѢЛА. — ГОЛОВА. — ЛОБЪ. — БРОВИ. — ГЛАЗА. — НОСЪ. — РОТЪ. — ЩОКИ. — КОЖА. — ВОЛОСЫ. — ТѢЛОДВИЖЕНІЯ. — ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Послѣ погоды и свѣжихъ дневныхъ новостей, нѣтъ у насъ предмета, который бы чаще наполнялъ собою общественные разговоры, какъ свойства людей, ихъ характеръ, чувства и страсти, словомъ все, что составляетъ внутренняго человѣка. Между тѣмъ, на чемъ основывается большинство всѣхъ сужденій, пересудовъ и осужденій? Не чаще ли всего на «мнѣ такъ кажется?» А что значитъ это «кажется», какъ не темное, безотчетное впечатлѣніе, произведенное человѣкомъ на его «строгаго цѣнителя и судью?» Войдетъ въ комнату новое, незнакомое лицо, и всѣ оглядываютъ его съ ногъ до головы, стараясь отгадать его значеніе. Даже дѣти ласкаются къ незнакомцу или дичатся его, смотря потому, нравится ли онъ имъ, или нѣтъ.

Есть что-то инстинктивное въ этомъ отгадываніи. И что же заставляетъ насъ обращать все наше вниманіе на поражающіе насъ новые предметы? Нѣтъ ли тутъ другой побудительной причины, кромѣ простого любопытства, возбужденнаго одною

Digitized by Google

новизною? Вопросъ занимательный, но предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ рѣшить его съ желаемою подробностію. Скажемъ только, что едва ли источникъ такой пытливости нашей не заключается въ коренномъ свойствѣ человѣческой природы, чувствѣ самохраненія, заставляющемъ насъ съ возможною быстротою узнать, не можемъ ли мы ожидать вреда отъ этого новаго предмета. Въ томъ отношеніи, что таковъ характеръ впечатлѣній, производимыхъ на насъ животными и человѣкомъ, это мнѣніе не требуетъ даже и доказательства. Однако же мы постараемся ниже развить его съ бо́льшею ясностію.

Какъ ни естественно такое простое, инстинктивное наблюденіе, достаточно ли оно для составленія отчетливаго понятія о людяхъ по одной только ихъ наружности? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Кто еще въ дѣтствѣ не зналъ наизустъ стиховъ извѣстнаго баснописца:

«Наружность иногда обманчива бываетъ:
Иной какъ звѣрь, а добръ, тотъ ласковъ, а кусаетъ».

Разумъ человѣческій давно обратилъ въ науку познаніе внутренняго человѣка не только по чертамъ лица, но по всему, что составляетъ его внѣшность, по голосу, движеніямъ, положенію тѣла. Эта наука — физіономика. Начало ея относится къ отдаленнымъ временамъ древности. Многіе изъ греческихъ ученыхъ, и особенно Аристотель, писали о ней съ знаніемъ дѣла. Извѣстно, что онъ совѣтовалъ вѣнценосному ученику своему, при выборѣ исполнителей его воли, прибѣгать къ пособію физіономики. Платонъ съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ лица молодыхъ людей, которые приходили къ нему съ желаніемъ слушать его уроки, и если находилъ ихъ неспособными къ успѣхамъ въ философіи, то отпускалъ ихъ. Гиппократъ, безъ сомнѣнія, былъ искуснымъ физіономистомъ. Къ сожалѣнію, онъ оставилъ въ своихъ сочиненіяхъ только замѣтки надъ человѣкомъ въ болѣзненномъ состояніи; но наблюденія его истинное сокровище не только для врача, но и для физіономиста. Цицеронъ, упоминая о важности изученія наружности людей, въ своей книгѣ «Объ обязанностяхъ», указываетъ на то высокое понятіе, которое имѣли о физіономикѣ въ его время римляне: «какъ музыкантъ» — говоритъ онъ — «по слуху узнаетъ малѣйшую невѣрность струнъ своего инструмента, такъ и тотъ,

Digitized by Google

чей глазъ вѣренъ и видитъ въ поведеніи другихъ слабую и сильную сторону, можетъ изъ бездѣлицъ выводить важныя заключенія. Онъ замѣчаетъ морщины и ясность лба, печаль и веселость на лицѣ, вникаетъ въ разговоръ, въ смѣхъ, въ пониженіе и возвышеніе голоса и судитъ обо всемъ, что есть неправильнаго въ движеніяхъ, и чѣмъ они удаляются отъ природы». Маркъ Аврелій отвѣчалъ одному римлянину: «Рѣчь твоя написана на лбу твоемъ; я прочелъ ее прежде, чѣмъ ты началъ говорить; человѣкъ, исполненный откровенности и честности, распространяетъ вокругъ себя особенный запахъ; его можно чувствовать, отгадать; вся душа его, весь характеръ высказываются на лицѣ и глазахъ его».

Мы долго бы не кончили, если бы продолжали приводить доказательства древности и важности физіономики. Самыя злоупотребленія, допущенныя впослѣдствіи гадателями и астрологами, по чертамъ лица и руки предсказывавшими легковѣрнымъ людямъ будущую судьбу, убѣждаютъ въ той важности, которую издавна у всѣхъ народовъ придавали искусству физіономиста. Но оставляя въ сторонѣ распространеніе и историческое развитіе этого искусства, мы обратимся къ той эпохѣ, когда физіономика получила видъ болѣе положительнаго знанія, основаннаго не на шарлатанствѣ, а на болѣе точныхъ указаніяхъ опыта и отчасти естественныхъ наукъ, — къ той эпохѣ, откуда начинается ея слава. Мы разумѣемъ появленіе Іоганна Каспара Лафатера.

Онъ родился въ Цюрихѣ 15 ноября 1741 года. Отецъ его былъ врачемъ и пользовался общимъ уваженіемъ, какъ честный гражданинъ; мать, живая и страстная женщина, въ отношеніи къ сыну своему обнаруживала болѣе строгости, чѣмъ материнской нѣжности. Подъ надзоромъ ея, онъ былъ плаксивымъ, лѣнивымъ къ ученью ребенкомъ, и съ самаго перваго дѣтства показывалъ наклонность къ чудесному. Ничто такъ не занимало и не забавляло его, какъ фокусы, какъ восковыя фигуры, которыя онъ выдѣлывалъ для себя самъ. Въ юности эта страсть къ чудесному приняла направленіе религіозное, и онъ посвятилъ себя изученію богословія и духовному званію. Его краснорѣчивыя проповѣди, исполненныя нѣжнаго одушевленія христіянской любви, скоро доставили ему извѣстность. Поѣздка въ Лейпцигъ и Берлинъ дала ему возможность сдѣлать успѣхи въ

Digitized by Google

философіи и сблизила его со многими современными знаменитостями. Возвратившись въ Цюрихъ, онъ, независимо отъ богословскихъ занятій своихъ, принялся за физіономическія изслѣдованія и тѣмъ положилъ основаніе не только своей науки, но и своей славы. Сказать Лафатеръ — тоже, что̀ сказать физіономистъ. Раннее развитіе наблюдательной способности привело его къ изученію человѣческаго лица: снимая портреты, сперва съ близкихъ ему лицъ, а потомъ съ людей, случайно ему встрѣчавшихся, онъ напалъ на мысль о необходимой связи, существующей между внѣшнимъ и внутреннимъ человѣкомъ, между его наружностію и нравственными свойствами. Ему удавалось не только по чертамъ живого лица, но по портрету, даже по силуэту опредѣлять характеръ, и опытъ часто подтверждалъ его сужденія. Съ 1770 года Лафатеръ возъимѣлъ мысль привести въ болѣе наукообразный видъ всѣ разбросанныя въ хаотическомъ безпорядкѣ свѣдѣнія изъ сочиненій прежнихъ физіономистовъ и свои собственныя наблюденія; изученіе свое онъ даже не ограничилъ однимъ человѣкомъ, а распространилъ и на животныхъ. Однако же занятія его долго оставались тайною. Говорятъ, что будто бы Лафатеръ, однажды сидя у окна въ домѣ своего друга, доктора Циммермана, увидѣлъ какого-то проходившаго мимо дома неизвѣстнаго ему человѣка. Лафатеръ высказалъ свое мнѣніе о его характерѣ. Циммерманъ, хорошо знавшій этого человѣка и удивленный быстротою и вѣрностью замѣчаній своего друга, спросилъ, на чемъ основано его сужденіе. «На положеніи шеи этого человѣка», отвѣчалъ Лафатеръ, и Циммерманъ убѣдилъ его заняться физіономикою. Такимъ образомъ было положено начало блистательныхъ изслѣдованій Лафатера (*).

Въ 1775 году впервые появились его «физіономическіе отрывки», великолѣпное, четырехъ-томное изданіе, украшенное множествомъ рисунковъ и портретовъ знаменитыхъ людей. Оно не замедлило обратить на себя общее, повсемѣстное вниманіе современниковъ, но, независимо отъ всѣхъ достоинствъ его, къ огромному успѣху и извѣстности Лафатера послужила новость и занимательность выбраннаго имъ предмета. Онъ задѣлъ не только общее любопытство, но и самолюбіе, этотъ рычагъ, на

(*) Мы не ручаемся за справедливость этого анекдота и мало имѣемъ основаній вѣрить ему, потому-что Лафатеръ не оставилъ въ своихъ сочиненіяхъ никакихъ данныхъ для опредѣленія физіономическаго значенія шеи.

Digitized by Google

которомъ вертятся всѣ человѣческія страсти. Толпы людей, и богатыхъ и бѣдныхъ, и знаменитыхъ и темныхъ, стекались къ Лафатеру, тѣмъ болѣе, что въ мнѣніи многихъ опредѣлить характеръ, наклонности, способности значитъ предсказать будущее. Надобно отдать справедливость его проницательности: когда онъ наблюдалъ спокойно, хладнокровно и безъ предубѣжденій, сужденія его были не только вѣрны, но поражали необыкновенностію и чудесностію.

Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Аббатъ Фриктъ, изъ Стразбурга, тридцати лѣтъ отъ роду, извѣстный своею красотою, пріѣхалъ въ Цюрихъ узнать судьбу свою. Многіе просили Лафатера опредѣлить его физіономію, одну изъ самыхъ счастливыхъ; Лафатеръ отвѣчалъ: «Мнѣ жаль его; я замѣчаю нѣкоторыя линіи, означающія вспыльчивость его характера, и боюсь, что онъ кончитъ дурно.» Нѣсколько времени спустя аббатъ возвращался домой, но, не доѣзжая до своего аббатства, разсердился за дерзкій отвѣтъ своего извощика и застрѣлилъ его изъ пистолета. Фриктъ былъ арестованъ и приговоренъ къ висѣлицѣ.

Графъ Мирабо, явившись къ Лафатеру, сказалъ ему: «господинъ колдунъ, я нарочно пріѣхалъ изъ Парижа въ Цюрихъ, узнать ваше мнѣніе о моей физіономіи». Лафатеръ, замѣтивъ ему все неприличіе его обращенія, отступилъ отъ него шага на два и отвѣчалъ: «Если вы непремѣнно хотите, я исполню ваше желаніе. Ваше лицо показываетъ мнѣ, что вы родились со всѣми возможными пороками и не употребили никакого старанія къ ихъ обузданію.» Мирабо, вовсе не ожидавшій такого строгаго замѣчанія отъ человѣка, столько добродушнаго, какъ Лафатеръ, кусая пальцы и обращаясь къ присутствовавшимъ притомъ лицамъ, сказалъ вполголоса: «онъ говоритъ совершенную правду.»

Одна дама, также изъ Парижа, спрашивала Лафатера о своей единственной, обожаемой ею пятнадцатилѣтней дочери. Лафатеръ, несмотря на всѣ просьбы матери, рѣшительно отказывался отвѣчать, но потомъ обѣщалъ написать къ ней, съ условіемъ, чтобы письмо его было распечатано только черезъ полгода. Дама отправилась путешествовать по Германіи, гдѣ имѣла несчастіе черезъ пять мѣсяцевъ потерять дочь свою. Въ порывѣ горести она распечатываетъ письмо: «когда вы откроете это письмо» — писалъ физіономистъ — «я буду вмѣстѣ съ вами опла-

Digitized by Google

кивать смерть вашей несчастной дочери. Физіономія ея одна изъ совершеннѣйшихъ и правильнѣйшихъ, какія я когда-нибудь видѣлъ; но въ ней есть черты, которыя свидѣтельствуютъ, что черезъ шесть мѣсяцовъ дочери вашей не будетъ въ этомъ мірѣ.»

Какой-то графъ привезъ къ Лафатеру молодую жену свою. Графиня слыла одною изъ самыхъ хорошенькихъ парижскихъ женщинъ, и дѣйствительно соединяла всю прелесть граціозности съ самою правильною красотою. Лафатеръ сперва отказывалъ въ объясненіи. Мужъ приходитъ опять, уже одинъ, и настоятельно упрашиваетъ его. Тогда Лафатеръ сказалъ, что, несмотря на всю красоту его жены, лицо ея представляетъ самыя грустныя физіономическія черты, что онъ замѣтилъ ясные признаки самыхъ опасныхъ наклонностей и нравственныхъ свойствъ, которымъ необходимо немедленно противопоставить самую нѣжную заботливость и воспитаніе. Разсерженный мужъ удаляется. Но что же? Во время революціи, онъ оставляетъ Францію, и скоро заблужденія жены его, остававшіяся незамѣченными въ Парижѣ, развиваются со всею пылкостію страстнаго характера; молодая женщина внезапно предается, безъ мѣры и постепенности, всѣмъ порокамъ самой необузданной невоздержности. Она обманываетъ своего мужа и своихъ любовниковъ, бросается въ игру и въ нѣсколько лѣтъ вовлекается въ самый постыдный развратъ.

Геснеръ также приводитъ замѣчательный примѣръ вѣрности и быстроты сужденія Лафатера.

Одинъ шведскій путешественникъ, очень красивой наружности, пріѣзжаетъ къ Лафатеру въ Цюрихъ; тотъ принимаетъ гостя съ обыкновенною своею вѣжливостію; съ перваго взгляда, видъ посѣтителя возбуждаетъ въ немъ сильное отвращеніе и подозрительность; но его занимательный разговоръ, отличное обхожденіе скоро изглаживаютъ это первое непріятное впечатлѣніе. По уходѣ иностранца, Лафатеръ сообщаетъ странное ощущеніе, произведенное въ немъ этимъ во всѣхъ отношеніяхъ прекраснымъ лицомъ. Не довѣряя своему первому впечатлѣнію, Лафатеръ даже упрекаетъ себя за дурное мнѣніе, которое позволилъ себѣ составить безъ всякаго основанія о незнакомцѣ при первомъ свиданіи. Но на слѣдующій день Лафатеръ встрѣчаетъ шведа въ обществѣ, и прежнее дурное впечатлѣніе возобновляется съ бо́льшею силою. Окружающіе его удивляются стран-

Digitized by Google

ному предубѣжденію. Чрезъ нѣсколько дней Лафатеръ узналъ, что то былъ убійца.

Слухъ о подобныхъ предсказаніяхъ и сужденіяхъ не могъ не дѣйствовать на умы людей.

Безъ сомнѣнія, не всѣ предсказанія Лафатера сбывались; иногда онъ впадалъ даже въ самые забавные промахи. Такъ однажды другъ его докторъ Циммерманъ прислалъ ему портретъ какого-то преступника, столько же глупаго, сколько и жестокаго; Лафатеръ въ это время ожидалъ отъ Циммермана портрета знаменитаго Гердера; прочитавъ доставленное вмѣстѣ съ тѣмъ двусмысленное письмо своего друга, онъ приходитъ въ восторгъ и открываетъ въ лицѣ злодѣя самые положительные признаки достоинствъ возвышенныхъ и наклонностей благородныхъ.

Такимъ образомъ Лафатеру случалось ошибаться довольно часто, но замѣчательно, что онъ не скрывалъ своихъ ошибокъ и охотно признавался въ нихъ.

Сколько ни любопытно твореніе Лафатера, сколько ни пользуется оно заслуженною славою, мы не можемъ однако же представить читателю подробнаго разбора его. Скажемъ только, что по огромности своей и по дороговизнѣ оно не можетъ быть достояніемъ большинства. Въ сущности оно не представляетъ правильнаго системамическаго изложенія; всѣ правила Лафатера составляютъ замѣтки здраваго смысла и результатъ его личныхъ впечатлѣній. Ошибки Лафатера ясно показываютъ, что это средство недостаточно, если познанія физіономиста не основаны на началахъ, почерпнутыхъ изъ естественныхъ наукъ, съ которыми неразрывно связана его собственная наука. Здѣсь кстати замѣтить, что еще и въ настоящее время физіономика далеко не достигла желаемой опредѣленности въ началахъ и совершенства въ своемъ развитіи, между тѣмъ, какъ никто не сомнѣвается въ пользѣ, какую приноситъ она въ приложеніи къ практической жизни, сценическому искусству, живописи и ваянію.

Лафатеръ сказалъ: «Силы одного человѣка слишкомъ ограничены и жизнь слишкомъ коротка для такого обширнаго предпріятія, какъ мое; усовершенствованіе моего труда я оставляю тѣмъ, кто явится послѣ меня.»

Digitized by Google

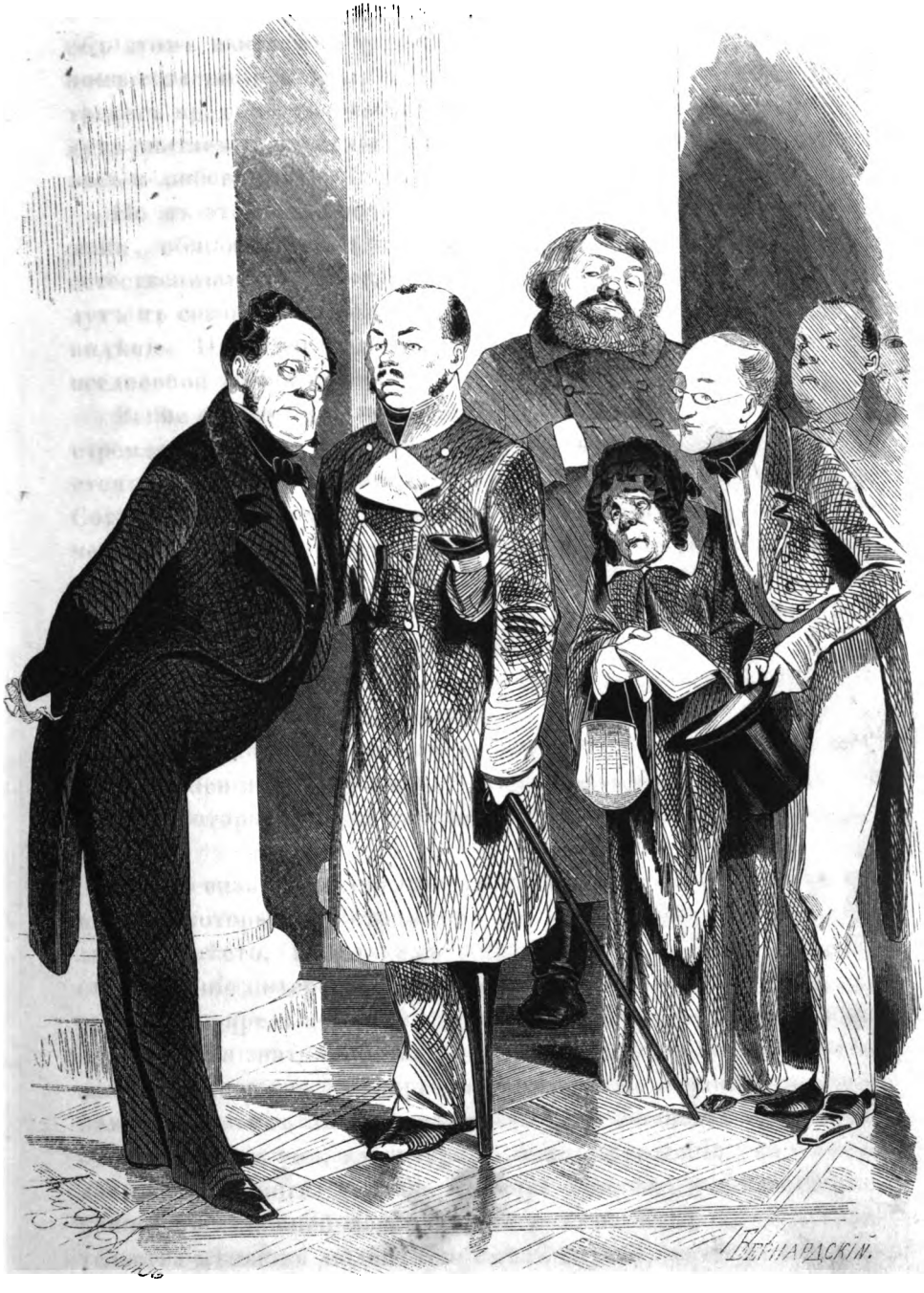
Докторъ Моро отчасти исправилъ недостатки Лафатера и далъ его наблюденіямъ нѣкоторое систематическое единство.

Изъ новѣйшихъ сочиненій мы укажемъ на Précis analytique et raisonné du système de Lavater, Оттена, у котораго мы заимствовали въ настоящей статьѣ много данныхъ.

Прежде нежели приступимъ къ изложенію основныхъ началъ физіономики, мы не можемъ пропустить безъ вниманія нападенія, которое обыкновенно дѣлаютъ на нее. «Вы физіономистъ» — говорятъ многіе — «съ вами опасно сближаться.» Мы спросимъ: можетъ ли бояться тотъ, у кого чиста совѣсть, чьи поступки не противорѣчатъ убѣжденіямъ разума, правиламъ чести, внушеніямъ благороднаго сердца? Конечно тотъ безъ страха поднимаетъ на васъ глаза, съ какимъ бы вниманіемъ вы ни вглядывались въ него, у кого въ душѣ нѣтъ ни мысли, ни чувства, которыя боятся дневного свѣта. «Но» — говорятъ — «можно не быть порочнымъ, не задумывать ничего противнаго ни совѣсти, ни правиламъ нравственности, и имѣть много недостатковъ, которые пріятнѣе было бы скрыть и оставить незамѣченными.» — Кто же не имѣетъ недостатковъ? спросимъ мы. Вглядитесь пристально въ поступки, вслушайтесь внимательно въ рѣчи того страшнаго физіономиста, который старается поразить васъ своимъ всезнаніемъ и хочетъ пристыдить васъ обнаруженіемъ вашихъ слабостей, и вы откроете и въ немъ много недостатковъ, и непремѣнно одинъ, и самый главный: отсутствіе любви къ добру. Вооружайтесь же противъ него сами всѣми орудіями физіономики, всѣми доводами вашего ума, сознающаго потребность достойно носить названіе человѣка, всѣмъ одушевленіемъ любви вашей къ людямъ, ко всему, что есть въ нихъ прекраснаго и святаго, и поражайте этого страшнаго физіономиста, сорвите съ него маску притворства. Онъ отъискивалъ ваши недостатки, для того, чтобы воспользоваться ими во вредъ вамъ; мало того, достоинства ваши, составляющія всю нравственную силу вашу, для него готовы были послужить оружіемъ противъ васъ самихъ: ваша доброта въ глазахъ его есть слабость, ваша прямота — средство выпытать нужныя для него тайны, ваше безкорыстіе — поводъ обмануть васъ.

Если физіономика кажется [illegible] столько страшною въ рукахъ неблагонамѣреннаго челов[illegible] тѣмъ болѣе необходима и полезна она, какъ орудіе оборони[illegible]ное. Физіономика есть

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

одна изъ сторонъ огромнаго зданія науки о человѣкѣ; проникайте въ великія тайны ея, питайте душу вашу размышленіемъ объ этомъ высшемъ, самомъ разнообразномъ и самомъ сложномъ созданіи природы, и если вы почувствуете благоговѣйный трепетъ предъ ея творческою силою, то не страшны вамъ будутъ пытливые взгляды шарлатана-физіономиста; одушевятъ васъ и любовь и вѣра.

Но въ этомъ заключается только польза изученія физіономики, общая со всѣми науками, и въ особенности съ науками естественными: всѣ онѣ облагороживаютъ человѣка, всѣ ведутъ къ сознанію необходимости вѣры въ мудрое и благое провидѣніе. Практическая польза физіономики, въ приложеніи къ вседневной жизни нашей, не менѣе велика и очевидна.

Выше сказали мы, что чувство самохраненія есть источникъ стремленія нашего узнавать свойства людей, съ которыми обстоятельства поставляютъ насъ въ тѣ или другія отношенія. Сохраненіе своей личности есть и потребность и обязанность человѣка; всякое пренебреженіе этой обязанности неминуемо ведетъ къ разрушенію его достоинства; бо́льшая или мѐньшая степень развитія потребности, не только въ охраненіи личности, но и въ ея выраженіи, составляетъ мѣру этого достоинства. Начиная отъ сбереженія здоровья до охраненія чести, опредѣленнаго закономъ и общественными требованіями, отъ охраненія собственности до выраженія геніяльной идеи, все вертится на стремленіи дать значеніе своей личности, опредѣлить то мѣсто, которое должна занимать она въ кругу другихъ личностей.

Вседневная жизнь представляетъ безпрерывную встрѣчу личностей, которыя всѣ стремятся дать себѣ это значеніе, опредѣлить это мѣсто. При такихъ встрѣчахъ неминуемо возникаетъ столкновеніе интересовъ, а слѣдовательно и необходимость ихъ взаимнаго опредѣленія. Очевидно, что это ведетъ прямо къ необходимости знать свойства людей, съ которыми обстоятельства насъ сталкиваютъ. Прекрасно, если время и опытъ показали намъ дѣла этихъ людей, служащія достаточнымъ средствомъ къ оцѣнкѣ ихъ ума, характера, правилъ, поведенія; но и послѣ долгаго знакомства сколько бываетъ ошибокъ и поздняго раскаянія въ излишней довѣрчивости и т. п. Какъ часто обстоятельства мѣняютъ людей! Кто имѣлъ случай, послѣ долгой раз-

Digitized by Google

луки, встрѣчаться съ старыми знакомыми, товарищами молодости и школьной жизни, даже съ родными, могъ не разъ убѣждаться, что время не пролетѣло даромъ надъ ихъ головою. Если же вы сходитесь съ человѣкомъ въ первый разъ или попадаете въ общество совершенно вамъ незнакомыхъ людей, вы затруднены, вы стоите между двумя крайностями: быть слишкомъ осторожнымъ и оттого казаться смѣшнымъ и пожалуй не внушить къ себѣ никакого довѣрія, или въ порывѣ разговорчивости сказать лишнее слово, которое не понравится другимъ и вамъ послужитъ ко вреду. Здѣсь физіономика обнаруживаетъ свою практическую важность: съ ея помощію, при извѣстномъ тактѣ, пріобрѣтаемомъ посреди общественной жизни, вы въ короткое время между незнакомыми людьми почти какъ дома; физіономіи раскажутъ вамъ ихъ внутреннюю исторію, и ваша личность займетъ принадлежащее ей мѣсто. Достигая этого знанія правильнымъ изученіемъ и упражненіемъ, всякой можетъ найти въ немъ полезные уроки: и отецъ лучше предугадаетъ наклонности своего сына, и начальникъ съ бо́льшею легкостію узнаетъ и способности и нравственныя качества своихъ подчиненныхъ, и мужъ не ошибется въ притворной ласкѣ хитрой жены. Лицо, эта загадка, которой смыслъ такъ часто бываетъ трудно отгадать, получитъ свое значеніе; оно дѣйствительно будетъ зеркаломъ, въ которомъ со всею правильностію, со всѣми оттѣнками отразится душа, иногда отъ скромности, иногда съ умысломъ скрывающаяся отъ взора людей. Вы заглянете въ нее, для того, чтобы полюбить все, что́ есть въ ней прекраснаго, залечить, если можно, ея раны, и конечно отвернетесь отъ нихъ не съ презрѣніемъ, а съ скорбію, сознавая, что самое униженіе человѣка не плодъ его произвола, а уродство, столько же естественное, какъ и нормальная форма развитія.

Всѣмъ извѣстно, какая тѣсная связь существуетъ между физической и нравственной природой человѣка, между его тѣломъ и душою. Только въ силу этой связи, онъ есть то существо, которое мы называемъ человѣкомъ. Посмотрите на безжизненное лицо умершаго: оно потеряло то выраженіе, надъ которымъ вы задумывались, пока въ немъ кипѣла жизнь, пока одушевляла его мысль, то спокойная, то веселая, то грустная. Еще въ первыя минуты послѣ кончины вы можете отличить какое-то выраженіе, похожее на признакъ жизни, но то выраженіе послѣд-

Digitized by Google

ней мысли или послѣдняго ощущенія: душа передъ отходомъ какъ-будто хотѣла оставить послѣ себя слѣдъ своего присутствія, какъ-будто не вся вылетѣла она изъ тѣла, гдѣ жила она; но этотъ слѣдъ остается не надолго. — «Кто видѣлъ мертвую женщину» — говоритъ Байронъ — «прежде чѣмъ прошелъ первый день смерти, первый мрачный день небытія, послѣдній день опасности и страданія, пока губительная рука разрушенія не стерла черты, гдѣ еще живетъ красота? кто созерцалъ нѣжный видъ, прелесть спокойствія, поблекшій, но нѣжный румянецъ, сквозящій въ блѣдныхъ щекахъ? Печально сомкнутые глаза уже не блестятъ, не чаруютъ, не плачутъ; мертвенный, неизмѣняющійся лобъ своимъ страдальческимъ выраженіемъ ужасаетъ сердце грустнаго зрителя; только нѣсколько мгновеній, да, одинъ коварный часъ онъ можетъ усомниться въ полномъ владычествѣ смерти: такъ прекрасно, спокойно отпечатлѣлось первое и послѣднее выраженіе, наложенное смертію!»

Да, не надолго остается слѣдъ жизни: едва наступаетъ пора разрушенія, прежнее жизненное выраженіе замѣняется выраженіемъ смерти, и неподвижную массу тѣла, которое лежитъ передъ вами, вы уже называете не человѣкомъ, а трупомъ.

Выраженіе души на лицѣ составляетъ физіономію человѣка, то характеристическое, ему собственно принадлежащее, чѣмъ отличается онъ отъ другихъ людей, даже похожихъ на него чертами лица. Физическое существо составляетъ почву, гдѣ растетъ цвѣтокъ жизни, душа. Произрастаніе этого цвѣтка зависитъ отъ качества почвы.

Изученіе этой почвы, физическаго строенія человѣка, составляетъ предметъ наукъ естественныхъ; поэтому физіономика, стремящаяся привести въ систему наблюденія надъ внутреннимъ человѣкомъ посредствомъ изученія внѣшнихъ частей тѣла, неминуемо должна опираться на данныхъ, предлагаемыхъ этими науками, которыя служатъ ей главнымъ основаніемъ; потому-что признакъ присутствія души въ тѣлѣ, жизнь, есть условіе всѣхъ отправленій организма, физическихъ и нравственныхъ.

РАЗДѢЛЕНІЕ ФИЗІОНОМІЙ.

Обращаясь собственно къ предмету физіономики, мы необходимо должны указать на характеристическія отличія физіо-

Digitized by Google

номій, съ тою цѣлію, чтобы привести къ возможному единству ихъ безконечное разнообразіе. Безъ этого единства физіономическія наблюденія могутъ только обнаружить совершенное отсутствіе системы.

Мы сказали, что выраженіе души на лицѣ составляетъ физіономію; отсюда естественно слѣдуетъ необходимость основать классификацію физіономій на душевныхъ свойствахъ.

Извѣстно, что мозгъ этотъ органъ нашихъ душевныхъ свойствъ, состоитъ изъ трехъ частей: *передней*, составляющей мѣстопребываніе разума, *средней*, гдѣ находятся органы чувствованій, и *задней*, называемой мозжечкомъ, заключающей органы низшихъ, собственно-физическихъ чувствъ. На этомъ основывается раздѣленіе на три разряда всѣхъ неисчислимыхъ душевныхъ свойствъ человѣка.

Къ первому разряду принадлежатъ побужденія органическія, каковы ощущенія голода, жажды, боли, половое влеченіе, страхъ, вообще всѣ пожеланія и проч. Мы назовемъ ихъ вообще *побужденіями*.

Во второмъ разрядѣ, подъ названіемъ *способностей*, заключаются всѣ умственные дѣятели, какъ напримѣръ разумъ, память, воображеніе, вдохновеніе, вниманіе и проч.

Третій разрядъ составляютъ *страсти*.

Этотъ классъ можетъ быть подраздѣленъ на четыре отдѣла:

1) На страсти *порывистыя*: гнѣвъ съ его различными степенями: неудовольствіемъ, «сердцами» (*), вспыльчивостію, яростію; ненависть, ревность и вообще всѣ преувеличенныя чувства, которыя на высшей степени своего развитія производятъ судорожный смѣхъ, рыданіе, икоту, удушье и тоску. При возбужденіи всѣхъ этихъ страстей, органы всегда бываютъ сильно потрясены, дыханіе прерывисто, обращеніе крови спазмодическое, лицо попеременно покрывается то краскою, то блѣдностію.

2) На страсти *сосредоточенныя*, къ которымъ принадлежатъ всѣ скорбныя чувства: безпокойство, печаль, робость, зависть, меланхолія, раскаяніе, угрызеніе совѣсти и проч. Они сопровож-

(*) Мы употребляемъ это простонародное слово, для выраженія того, что французы называютъ la colère, въ отличіе отъ генерическаго названія гнѣва, la fureur.

Digitized by Google

даются болѣзненными ощущеніями живота, слабымъ біеніемъ пульса, сжатіемъ груди, дрожью, и т. п.

3) На страсти *общительныя*, отличающіяся пріятностію ощущеній: любовь, дружба, великодушіе, восторгъ, благочестіе, всѣ семейныя привязанности, словомъ, страсти, составляющія источникъ благосостоянія человѣческаго.

4) На страсти *смѣшанныя*, составляющія соединеніе двухъ или нѣсколькихъ простыхъ страстей, каково негодованіе, которое есть нечто иное, какъ гнѣвъ, смѣшанный съ какимъ-нибудь другимъ чувствомъ, напримѣръ стыдомъ; суетность, презрѣніе, гордость и т. п.

Всѣ эти различныя свойства составляютъ органическія явленія живого тѣла человѣческаго и въ отношеніи къ физіономикѣ имѣютъ ту важность, что дѣйствія ихъ, зачинаясь внутри организма, выражаются въ наружности, измѣняютъ цвѣтъ лица, приводятъ въ движеніе мускулы его, руководствуютъ тѣлодвиженіями и т. д.

Проявленіе этихъ страстей, способностей и побужденій не одинаково у всѣхъ людей и зависитъ не только отъ свойства внѣшнихъ предметовъ возбуждать въ насъ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе, но и отъ нашей личной воспріимчивости. Такъ одна и таже страсть гнѣва въ одномъ человѣкѣ выражается скоропроходящею вспыльчивостію, въ другомъ достигаетъ степени неистовой ярости. Такое различіе проистекаетъ отъ многихъ причинъ, изъ числа которыхъ мы назовемъ различіе темпераментовъ и возрастовъ, воспитаніе, образъ жизни и привычки. И такъ-какъ всѣ эти причины имѣютъ неоспоримое вліяніе на нашу внутреннюю, нравственную жизнь, на проявленіе нашихъ побужденій, способностей и страстей, то и самая физіономія, какъ выраженіе души, необходимо подчиняется тому же самому вліянію. Близкое отношеніе всѣхъ этихъ причинъ къ физіономикѣ обязываетъ насъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Темпераменты. Вообще считается четыре главныхъ темперамента: сангвиническій, жолчный, нервическій и лимфатическій.

Признаки сангвиническаго темперамента заключаются въ умѣренной полнотѣ, упругости и плотности тѣла, свѣтло-русомъ или темно-русомъ цвѣтѣ волосъ, голубыхъ глазахъ, свѣжести

Digitized by Google

цвѣта лица, сильномъ и частомъ пульсѣ, скоромъ кровообращеніи, которое производитъ живость воображенія, пріятное, доброе расположеніе духа, легкость въ движеніяхъ, непостоянство въ привязанностяхъ, характеръ влюбчивый, быстроту въ соображеніи, однако безъ глубокости ума. Темпераментъ съ этими признаками можно назвать чисто-сангвиническимъ. Одинъ изъ чащевстрѣчающихся оттѣнковъ его составляетъ сангвинико-атлетическій темпераментъ, имѣющій тѣже признаки, но при бо́льшей крѣпости мускуловъ, небольшой головѣ, неповоротливости членовъ и болѣе слабомъ развитіи умственныхъ способностей. Геркулесъ фарнезскій есть типъ этого темперамента. Основа сангвиническаго темперамента заключается въ преимущественномъ развитія легкихъ и сердца.

Въ темпераментѣ жолчномъ избытокъ жолчи, имѣющей возбуждающее свойство, придаетъ болѣе энергіи пищеварительнымъ органамъ и усиливаетъ дѣятельность нервовъ. Оттого субъекты съ этимъ темпераментомъ отличаются продолжительною пылкостію чувствъ, твердою рѣшимостію въ дѣйствіяхъ; пульсъ ихъ силенъ и частъ; полнота очень умѣренна; мускулы тверды; страсти порывисты, дѣйствіе ихъ сильно и продолжительно, характеръ смѣлъ, предпріимчивъ, постояненъ до неутомимости. Великіе люди, потрясавшіе міръ своими подвигами, преимущественно были темперамента жолчнаго. Таковы были Брутъ, Магометъ, Карлъ XII, Сикстъ V, Ришльё.

Надобно замѣтить, что многіе думаютъ, будто люди жолчнаго темперамента отличаются худощавостію, сухостію и жолтымъ цвѣтомъ лица; мнѣніе это совершенно несправедливо: они бо́льшею частію склонны къ умѣренной полнотѣ; но печень ихъ нѣкоторымъ образомъ находится въ раздраженномъ состояніи, похожемъ на воспаленіе, и производитъ значительное количество жолчи, которое, особенно при вліяніи жаркаго климата, увеличивается еще болѣе; желтизна же вовсе не составляетъ отличительной принадлежности ихъ кожи.

Если признаки этаго темперамента достигаютъ самой высокой степени при наибо́льшей раздражительности нервовъ, то темпераментъ называется нервическимъ, или, правильнѣе, сангвинико-жолчно-нервическимъ. Люди этого темперамента отличаются тонкостію волосъ и нѣжностію кожи, быстротою въ движеніяхъ, необыкновенною пылкостію, наклонностію къ поступ-

Digitized by Google

камъ иногда великимъ, но чаще самымъ эксцентрическимъ. Но если, напротивъ того, признаки сангвинико-жолчнаго темперамента находятся въ болѣе слабой степени, то человѣкъ пользуется самымъ счастливымъ темпераментомъ. Образованіе его, кажется, преимущественно зависитъ отъ многихъ внѣшнихъ причинъ: отъ умѣренности и постоянства климата, здоровой пищи, постояннаго, но неутомительнаго труда и удачнаго сочетанія внѣшнихъ обстоятельствъ, поддерживающихъ пріятное расположеніе духа. Съ этимъ темпераментомъ какъ семейная жизнь, такъ и общественная дѣятельность представляютъ рядъ наслажденій, нарушаемыхъ только обстоятельствами, независящими отъ личности человѣка.

Въ чисто-лимфатическомъ темпераментѣ тѣло несравненно мягче, нежели у сангвиниковъ, и печень менѣе развита, чѣмъ при жолчномъ темпераментѣ. Нельзя не замѣтить, что физіологи не довольно ясно опредѣляютъ его. Кабанисъ утверждаетъ, что грудь лимфатиковъ часто бываетъ шире; чѣмъ у сангвиниковъ, хотя между тѣмъ обращеніе крови медленнѣе; онъ приписываетъ это явленіе тому, что легкія, будучи окружены большимъ количествомъ жира, имѣютъ меньшій объемъ и оттого отправленіе ихъ гораздо слабѣе. Умственныя и физическія силы лимфатиковъ имѣютъ менѣе напряженности, пульсъ бьется медленно, вниманіе неспособно долго сосредоточиваться на одномъ предметѣ, память ненадежна; они наклонны къ лѣности и не любятъ умственныхъ занятій. Это вообще люди равнодушные ко всему ихъ окружающему, предпочитающіе бездѣйствіе честолюбивымъ стремленіямъ людей жолчнаго темперамента.

Иногда бываетъ, что при лимфатическомъ темпераментѣ развивается въ значительной степени нервная система. Тогда онъ болѣе одушевляется, отличается нѣжною чувствительностію и становится склоннымъ къ легкимъ и пріятнымъ умственнымъ занятіямъ. Таковъ былъ Мишель-Монтань. Этотъ видъ лимфатическаго темперамента всего приличнѣе назвать лимфатико-нервическимъ.

Другой видъ этого темперамента есть меланхолическій.

Признаки его заключаются въ медленномъ кровообращеніи, холодности, наклонности къ страннымъ поступкамъ и нерѣшительности. У меланхоликовъ, при извѣстной раздражительности нервовъ, всякое желаніе быстро достигаетъ степени страсти, и

Digitized by Google

всякое чувство, даже удовольствіе пріобрѣтаетъ въ ихъ глазахъ особенную важность; они отличаются наклонностію къ частой, но непродолжительной любви, и расположены къ мечтательности и восторженности.

Эти два вида темперамента: лимфатико-нервическій и меланхолическій, встрѣчаются бо́льшею частію въ образованныхъ обществахъ, которыхъ образъ жизни слишкомъ далекъ отъ простыхъ, но спасительныхъ указаній природы.

Мы показали здѣсь только главнѣйшіе темпераменты и ихъ виды; но такъ-какъ почти никогда нельзя встрѣтить людей съ исключительными признаками одного какого-нибудь темперамента, то сочетаніе ихъ бываетъ различно; таковы виды темпераментовъ: лимфатико-сангвиническій, лимфатико-жолчный, жолчно-сангвиническій и т. д. Несмотря на то, не только можно опредѣлить преобладающій элементъ, но даже въ этомъ опредѣленіи должно заключаться начальное наблюденіе надъ физіономіею, точно также, какъ и врачъ, приступая къ леченію, опредѣляетъ тѣлосложеніе своего паціента.

Возрастъ. Всѣмъ извѣстно, что жизненныя отправленія проявляются не мгновенно въ минуту рожденія; они развиваются постепенно и потомъ слабѣютъ и уничтожаются почти въ той же послѣдовательности; сверхъ того въ продолженіи извѣстныхъ періодовъ жизни одно или нѣкоторыя изъ нихъ преобладаютъ надъ другими; такъ потребность пищи и движенія сильнѣе обнаруживается въ дѣтствѣ; въ иную эпоху является любовь, и т. д.

Обыкновенно жизнь человѣческая, на кратковременность которой такъ часто жалуются многочисленные охотники пожить, раздѣляется на четыре возраста, и, какъ извѣстно, поэты издавна уподобляли ихъ четыремъ временамъ года, четыремъ частямъ сутокъ; но такое раздѣленіе, несмотря на затѣйливыя поэтическія сравненія, не имѣетъ достаточной опредѣленности.

Древніе придумали раздѣленіе на такъ называемые климатерическіе годы 7, 21, 49, 63, происходящіе отъ умноженія на 3, 7 и 9, и утверждали, что въ эти годы въ жизни человѣческой бываютъ рѣшительные перевороты; но въ сущности это раздѣленіе не имѣетъ также прочнаго основанія, потому-что иной, рожденный съ слабымъ тѣлосложеніемъ или утратившій силы

Digitized by Google

Бернардский.

Digitized by Google

Digitized by Google

отъ трудовъ, заботъ и страстей, бываетъ въ тридцать лѣтъ старѣе пятидесятилѣтняго старика.

Раздѣленіе на семилѣтія несравненно болѣе соотвѣтствуетъ физическимъ и нравственнымъ измѣненіямъ, совершающимся въ продолженіи нашей жизни. — Первое семилѣтіе, начинающееся со дня рожденія и называемое *младенчествомъ*, представляетъ начало развитія всѣхъ главныхъ отправленій; таковы: дыханіе, біеніе сердца, первое появленіе зубовъ и т. п.

Второе семилѣтіе, которое мы назовемъ дѣтствомъ, отличается уже большею степенью развитія органовъ, и въ особенности обнаруженіемъ нравственныхъ побужденій; наблюдательность порождаетъ множество различныхъ ощущеній, незнакомыхъ младенцу, и увеличиваетъ число его понятій. Живость и тѣхъ и другихъ служитъ причиною болтливости; новость видимыхъ младенцемъ предметовъ возбуждаетъ въ немъ любопытное желаніе знать ихъ значеніе; но и оно обнаруживается только безотчетнымъ, почти всегда молчаливымъ стремленіемъ къ нимъ; младенца влечетъ къ себѣ всякая показанная ему вещь и тѣмъ болѣе нравится ему, чѣмъ сильнѣе поражаетъ она его чувства: оттого все яркое, громкое останавливаетъ на себѣ его вниманіе; рѣчи его безсвязны, почти безсмысленны; разговоръ его не болѣе, какъ упражненіе едва открытаго имъ въ себѣ дара слова; онъ мало заботится о смыслѣ своихъ рѣчей, и потому часто въ теченіи цѣлыхъ часовъ повторяетъ одно и тоже слово, произнося его просто какъ звукъ, не придавая ему никакого значенія. Напротивъ того, пытливые вопросы дитяти обнаруживаютъ, иногда поразительную, дѣятельность умственныхъ способностей; чувства развиваются и становятся опредѣленны; привязанность къ окружающимъ его людямъ выражается рѣзко; оно ощущаетъ пристрастіе, зависть, ревность, привязанность; упорный эгоизмъ становится основою поступковъ; самое лицо, пріобрѣтая болѣе и болѣе выразительности, выказываетъ первые признаки фамильнаго сходства; дитя перестаетъ быть просто животнымъ, для того, чтобы сдѣлаться сыномъ, дочерью. Такимъ образомъ первое пробужденіе нравственныхъ свойствъ даетъ ему первоначальные признаки его человѣческаго характера.

За дѣтствомъ слѣдуетъ молодость, обнимающая два семилѣтія, изъ которыхъ первое называется *отрочествомъ*, а послѣд-

Digitized by Google

нее *юношествомъ*. Въ отрочествѣ совершается важное измѣненіе въ самомъ назначеніи существованія человѣка. До сихъ поръ онъ жилъ только для самого себя; онъ, такъ сказать, не принадлежалъ ни къ какому полу; всѣ отправленія его организма имѣли цѣлію только его индивидуальное развитіе; всѣ чувства были направлены только къ удовлетворенію его личныхъ потребностей. Отнынѣ же кругъ дѣятельности расширяется и масса наслажденій увеличивается. Природа даетъ ему новую силу, которая заботливо развиваетъ въ немъ всѣ свойства, необходимыя для того, чтобы онъ могъ выразить свое существованіе въ произведеніи новаго существа; дитя жило настоящимъ, передъ отрокомъ открывается будущее; отнынѣ онъ постигаетъ, что онъ есть только половина того существа, которое называется человѣкомъ, и что только совмѣстное бытіе этихъ двухъ половинъ можетъ доставить бытіе полное, носящее въ себѣ зародышъ наслажденій и земного счастія; отрокъ становится, по счастливому выраженію Вирея, гражданиномъ потомства, мужчиной или женщиной. Отнынѣ человѣкъ живетъ для человѣчества, для того, чтобы передать будущему ту искру жизни, которую, по преданію, черезъ цѣлый рядъ вѣковъ, онъ получилъ отъ прошедшаго. Наступленіе этой великой эпохи, у всѣхъ народовъ составляющее важное событіе не только семейной, но и гражданской жизни, подчиняется нѣкоторымъ обстоятельствамъ, которыя нѣсколько нарушаютъ принятое нами раздѣленіе на семилѣтія: такъ, постоянно этотъ великій переворотъ наступаетъ ранѣе у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ, въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ, у богатыхъ, чѣмъ у бѣдныхъ, въ странахъ жаркихъ, чѣмъ въ холодныхъ; но здѣсь не мѣсто говорить о причинахъ этого различія.

Въ юношествѣ, между двадцать первымъ и двадцать осьмымъ годомъ прекращается ростъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ человѣкъ достигаетъ своей большей величины своей; въ послѣдніе годы этого періода прорѣзываются такъ называемые зубы мудрости. Это обыкновенное названіе указываетъ на первое появленіе благоразумія, которое беретъ верхъ надъ страстями; здѣсь первый запасъ жизненной опытности, которая старается воспользоваться уроками, взятыми среди ошибокъ и порывовъ предшествовавшаго увлеченія чувствъ. Эта эпоха рѣшительнаго опредѣленія характера.

Digitized by Google

За молодостію слѣдуетъ *мужество*, которое можетъ быть раздѣлено на три періода: отъ 28 до 35, отъ 35 до 49 и наконецъ до 63 лѣтъ. Послѣдніе два заключаютъ по два семилѣтія. Это пора высшаго развитія всѣхъ силъ человѣка, лучшихъ трудовъ и предпріятій его жизни; это осень, въ которую пожинается то, что посѣяно весною молодости. Здѣсь уже не предается онъ очаровательнымъ мечтаніямъ; воображеніе уступаетъ здравому разсудку, который отвергаетъ все, что не основано на очевидныхъ, положительныхъ фактахъ.

Наконецъ *старость* раздѣляется также на три періода: отъ 63 до 70 лѣтъ, отъ 70 до 77 и послѣдній, называемый *дряхлостію*. Первая половина этого возраста не лишена удовольствій, особенно, если здоровое тѣлосложеніе и правильный образъ жизни успѣли защитить ее отъ болѣзней; но время беретъ свое: станъ мало-по-малу склоняется подъ его тяжестію; лицо покрывается желтизною и морщинами; щоки и грудь впалы, движенія медленны, сѣдые волосы и зубы падаютъ, голова дрожитъ, походка невѣрна; расположеніе духа скучно; всѣ чувства притупляются до отвращенія отъ удовольствій; старикъ ищетъ уединенія, спокойствія, обнаруживаетъ боязливость и подозрительность. Жизнь для него перестаетъ быть наслажденіемъ, между тѣмъ, какъ и самое приближеніе смерти далеко не радуетъ его.

Такимъ образомъ двѣ силы образуютъ возрасты: сила развитія и разрушенія, жизни и смерти. Борьба ихъ составляетъ то, что называется земнымъ существованіемъ человѣка, котораго три главные періода составляютъ перевѣсъ одной изъ этихъ двухъ силъ: въ молодости беретъ верхъ сила развитія, въ мужествѣ она находится въ равновѣсіи съ силою разрушенія, въ старости побѣда остается на сторонѣ послѣдней. Съ увеличеніемъ одной уменьшается другая; поэтому возрасты суть нечто иное, какъ постепенное увеличеніе и послѣдовательное уменьшеніе жизни тѣла, и первое тѣмъ медленнѣе, чѣмъ дальше отстоитъ оно отъ дня рожденія.

Смерть есть прекращеніе жизненныхъ отправленій организма.

По мѣрѣ преобладанія силы развитія, усиливается дѣйствіе наклонностей, способностей и страстей, и наоборотъ—начинаетъ

Digitized by Google

ослабѣвать съ наступленіемъ эпохи разрушенія (*). Чувства, столько пылкія въ молодости, становятся холоднымъ равнодушіемъ, веселость переходитъ въ задумчивость, смѣлость замѣняется боязливостію, откровенность и простодушіе скрытностію и подозрительностію; щедрость и расточительность перерождаются въ бережливость и скупость, великодушное соревнованіе въ зависть, и все это съ строгой постепенностію, сообразно съ общимъ ходомъ физической жизни и внѣшнихъ обстоятельствъ.

Воспитаніе. Изъ качествъ, которыми человѣкъ превосходитъ прочихъ животныхъ, особенно одно ставитъ его на недосягаемую для нихъ высоту — это постоянная усовершаемость. На ней и основывается возможность воспитанія. Быть можетъ, скажутъ, что и для растеній и животныхъ также доступно воспитаніе; отвѣчаемъ: такъ, но только посредствомъ человѣка; безъ его участія воспитаніе для нихъ невозможно; имѣя главною цѣлію усовершенствованіе ихъ породъ, оно получило свое начало только вслѣдствіе усовершенствованія самого человѣка; для него же воспитаніе *самого себя* есть необходимая потребность. Рожденный слабымъ, онъ въ одномъ усовершенствованіи своемъ находитъ средства къ побѣдѣ надъ природою, которая тогда только и содѣйствуетъ ему, когда онъ покоряетъ ее разумомъ.

Воспитаніе, взятое въ обширномъ смыслѣ, имѣетъ три вида: оно есть физическое, котораго цѣль — доставить человѣку возможную массу здоровья, нравственное, стремящееся образовать характеръ, и умственное, обогащающее человѣка познаніями, необходимыми для него, какъ для человѣка и гражданина. Очевидно, что всѣ эти виды не только не должны противорѣчить другъ другу, но, напротивъ, только при ихъ взаимной помощи, при гармоническомъ развитіи всѣхъ силъ, достигается возможное для человѣка совершенство.

Относительно вліянія воспитанія господствуютъ два противоположныя мнѣнія. Одни, не вѣря въ существованіе врожденныхъ способностей, полагаютъ, что значеніе наслѣдственности такъ ничтожно, что правильное воспитаніе всегда можетъ

(*) За исключеніемъ нѣкоторыхъ; такъ напримѣръ потребность пищи и память въ дѣтствѣ сильнѣе, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ; первая необходима вслѣдствіе быстраго возрастанія тѣла; послѣдняя замѣняется болѣе сложною способностію соображенія.

Digitized by Google

найти средства дать по своему произволу то или другое направленіе развитію организма. Съ другой стороны, фаталисты утверждаютъ, что вліяніе природы такъ сильно, что итти противъ нея совершенно безполезно.

Оба эти мнѣнія, будучи невѣрны, какъ выраженія крайностей, имѣютъ однако же нѣкоторую степень истинности.

Воспитаніе не творитъ и не должно имѣть притязаній на творчество. Все могущество его ограничивается развитіемъ свойствъ, данныхъ организму природою; въ его волѣ только болѣе или менѣе усилить и ослабить это развитіе.

Какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ каждый индивидуумъ родится съ извѣстною организаціею, которая находится въ зависимости отъ условій рожденія. Одно изъ этихъ главнѣйшихъ условій есть наслѣдственность свойствъ. Вслѣдствіе его каждый индивидуумъ остается вѣренъ своему типу, принадлежитъ своему роду и виду. Въ немъ скрывается преимущественно тайна стройнаго порядка, царствующаго во всей природѣ. Человѣкъ живетъ и жизнію родовою и жизнію отдѣльною, но жизнь эта преемственна, получается отъ совокупнаго существованія отца и матери и въ свою очередь передается дѣтямъ. Такимъ образомъ ведется эта преемственная жизнь индивидуумовъ, племенъ и человѣчества, основанная на одномъ общемъ законѣ наслѣдственности. Опытъ каждаго дня показываетъ намъ, что въ соотечественникахъ мы узнаемъ типъ національности, въ родныхъ — семейственное сходство, въ дѣтяхъ — образъ родителей. Конечно, часто случается, что дѣти не походятъ ни на отца, ни на мать, а на дѣда, тетку и т. п.; но эти кажущіяся исключенія не только не противорѣчатъ закону наслѣдственности, но еще служатъ сильнѣйшимъ его подтвержденіемъ. Мы не говоримъ о тѣхъ случаяхъ, когда въ отношеніи къ сходству имѣетъ мѣсто извѣстная пословица о прохожемъ молодцѣ. Здѣсь наука, по неимѣнію положительныхъ данныхъ, не можетъ дать своего сужденія. Замѣтимъ, что подъ словомъ сходство мы разумѣемъ не одно наружное сходство въ чертахъ лица и т. п., но совокупность какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ признаковъ.

Итакъ, очевидно, что свойства наслѣдственны, но развитіе ихъ предоставляется воспитанію. Власть огромная, если мы вспомнимъ, что совершенствованіе идетъ путемъ преданій, что

Digitized by Google

всѣ успѣхи его составляютъ драгоцѣнное наслѣдство, которое черезъ безконечный рядъ вѣковъ переходитъ отъ предковъ къ потомкамъ; если вспомнимъ, что всякой порокъ, неисправленный воспитаніемъ, болѣе или менѣе отражается въ послѣдующемъ поколѣніи; что всякая неразвитая способность, оставаясь безплодною, составляетъ утрату въ массѣ общественнаго богатства; что всякая разрушительная страсть отца кладетъ зародышъ гибельнаго дѣйствія въ организмѣ дѣтей, зародышъ, который благоразумнымъ воспитаніемъ могъ бы быть заглушенъ въ началѣ своего развитія, но, напротивъ того, часто всходитъ и разрастается ядовитымъ растеніемъ.

Гдѣ же предѣлъ воспитанія и въ чемъ заключается его роля?

Воспитаніе не только не творитъ, но и развивать оно можетъ только въ той мѣрѣ, въ какой позволяетъ сила природныхъ свойствъ. Оно не можетъ по своему произволу образовать въ одинаковой степени умъ, характеръ, физическія способности людей, которые отъ рожденія различны другъ отъ друга. Въ справедливости этого положенія достаточно убѣждаетъ насъ ежедневный опытъ. Дѣти, воспитанныя вмѣстѣ, въ одномъ семействѣ, подъ надзоромъ однихъ воспитателей, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, обнаруживаютъ часто совершенно противоположныя наклонности. Въ общественныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ, несмотря на одинаковость надзора, правилъ, порядка, системы воспитанія, нѣтъ никакой возможности довести воспитанниковъ до одинаковой степени образованности и нравственности, между тѣмъ, какъ она, безъ всякаго сомнѣнія, была бы достигнута, если бы воспитаніе имѣло всемогущую силу, если бы природа не противоставляла ему организаціи воспитанниковъ съ неизгладимыми отличіями и особенностями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что вслѣдствіе вліянія одинаково дѣйствующихъ при воспитаніи обстоятельствъ ученики одной школы получаютъ въ нѣкоторой степени одинъ и тотъ же типъ, одинаковыя привычки, общее направленіе и образъ мыслей.

Изъ этого слѣдуетъ, что воспитаніе можетъ видоизмѣнить природныя свойства, дать имъ бо́льшую или мѐньшую степень развитія. Если не въ его волѣ изъ того, кто родился Моцартомъ, образовать Рафаэля, то оно можетъ дать средства и тому и дру-

Digitized by Google

гому быть великимъ музыкантомъ и живописцемъ, точно также, какъ и помѣшать имъ развиться до степени геніяльности.

Одно изъ самыхъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ воспитанія составляетъ упражненіе, которымъ увеличивается сила природныхъ дарованій. Поэтому и воспитаніе должно заключаться въ упражненіи свойствъ, которыхъ развитіе полезно и необходимо, и въ борьбѣ съ тѣми изъ нихъ, которыхъ развитіе опасно. Въ этомъ отношеніи воспитаніе, какъ всякое практическое дѣло, должно примѣняться къ обстоятельствамъ.

Какъ цѣль земледѣлія достигается только раціональнымъ приложеніемъ познанія природы къ данной мѣстности, такъ задача воспитанія — возможное усовершенствованіе человѣка — можетъ быть выполнена тогда, когда основательное изученіе человѣческой природы во всѣхъ отношеніяхъ будетъ соотвеннымъ образомъ примѣнено къ данному организму воспитанника. Къ счастію, цѣль эта тѣмъ легче можетъ быть достигнута, что большинство людей, какъ показываютъ изслѣдованія, родятся съ одинаковою способностію къ развитію: какъ уродство, такъ и геніяльность составляютъ только исключеніе.

Между тѣмъ, сколько ошибокъ дѣлается безпрестанно въ частномъ воспитаніи вслѣдствіе невѣжества и предразсудковъ! сколько жертвъ несчастіями собственными, бѣдствіями семейными и даже общественными платятъ за заблужденіе своей жизни, происходящія отъ недостатковъ воспитанія! И отчего? не оттого ли, что и воспитаніе, какъ всякое дѣло человѣческое, гораздо сильнѣе въ разрушеніи, чѣмъ въ устройствѣ, гораздо способнѣе заглушить дары природы, какъ бы ни были они роскошны, нежели дать имъ средства къ успѣшному созрѣнію? Примѣровъ неудовлетворительнаго, чтобы не сказать дурного воспитанія, такъ много, что мы считаемъ совершенно лишнимъ приводить ихъ въ подтвержденіе словъ нашихъ. Прибавимъ только въ заключеніе, что если мѣра раздражительности, напряженности, дѣятельности нашихъ свойствъ дается намъ природою, то сдѣлать ихъ источникомъ добродѣтельности или порочности могутъ воспитаніе и общественная жизнь.

Такова наша точка зрѣнія на основныя начала воспитанія, которыя сами собою опредѣляютъ важность вліянія его на наши наклонности, способности и страсти; такъ возражаемъ мы вмѣ-

Digitized by Google

стѣ съ тѣмъ: и фаталистамъ и невѣрующимъ во врожденность свойствъ.

Занятія, образъ жизни, привычки. Воспитаніе не ограничивается возрастами дѣтства и молодости: мы видѣли, что мужеству также свойственно развитіе. Слѣдовательно, если мы вспомнимъ, что, какъ показываютъ изслѣдованія, мозгъ продолжаетъ рости иногда даже до сорока лѣтъ, то простонародная пословица: вѣкъ живи, вѣкъ учись, получитъ въ нашихъ глазахъ даже физіологическую основательность и законность.

Дѣйствительно, что дѣлаемъ мы, когда за порогомъ школы, теряя изъ виду учительскую ферулу, предаемся какому-нибудь извѣстному роду занятій? Жизнь практическая, со всѣми ея заботами, трудами и наслажденіями, не представляетъ ли продолженіе прежняго воспитанія? Въ этомъ отношеніи всякая профессія есть нечто иное, какъ отрасль воспитанія, та спеціяльность, которой человѣкъ предается исключительно; и здѣсь упражненіе также болѣе или менѣе развиваетъ извѣстные органы, какъ и въ воспитаніи.

Всякое ремесло, всякое занятіе, по словамъ доктора Моро, продолжавшаго физіономическія изслѣдованія Лафатера, становясь постоянными въ одномъ классѣ людей, раждаютъ извѣстныя физіономіи и нравственныя привычки, даютъ общее направленіе уму и кладутъ на самую физіономію печать какъ бы семейнаго сходства. Самые ненаблюдательные люди могутъ легко замѣтить, какое однообразное вліяніе производится пребываніемъ въ одномъ и томъ же городѣ, училищѣ, кораблѣ и т. п. Въ этомъ случаѣ одинаковость привычекъ, образа мыслей, движеній тѣла и т. д., кромѣ постояннаго упражненія, происходитъ и отъ силы подражанія, отъ симпатическаго дѣйствія людей другъ на друга. Тоже должно сказать объ однообразіи характера народовъ и извѣстныхъ историческихъ эпохъ.

Такъ занятія механика, оптика, живописца даютъ бо́льшую вѣрность зрѣнію; музыка упражняетъ слухъ, пѣніе развиваетъ органъ дыханія, ремесло булочника, мясника, кузнеца укрѣпляетъ руки; преподаваніе, административныя занятія особенно изощряютъ способность воображенія; химики и повара пользуются тонкимъ обоняніемъ и вкусомъ; извозничество, принуждая грѣться во время сильныхъ зимнихъ морозовъ и сырой осенней погоды и часто утолять жажду, возбуждаемую лѣтнимъ

Digitized by Google

Господинъ и слуга.

Digitized by Google

Digitized by Google

жаромъ, пріучаетъ къ пьянству; коммерческія занятія порождаютъ бережливость, которая часто переходитъ въ скупость, и т. д.

Моряки, говоритъ докторъ Форже, привыкшіе бороться съ разрушительнымъ вліяніемъ своей трудной жизни, обыкновенно бываютъ сильнаго, но сухого тѣлосложенія; кожа ихъ черна отъ дѣйствія разнообразныхъ климатовъ; мускулы, особенно развитые на верхнихъ частяхъ тѣла, обнаруживаютъ привычку къ тяжелой работѣ, глубокія морщины и исполненный самоувѣренности взглядъ придаютъ строгое выраженіе лицу; ротъ и зубы испорчены отъ скорбута и безпрестаннаго употребленія табаку; плечи и грудь широки, спина согнута, руки жосткі, ноги толсты и плоски; походка тяжела и невѣрна; зрѣніе изощрено въ сильной степени, но зато слухъ, отъ безпрерывнаго шума волнъ и частыхъ бурь, значительно утрачиваетъ свою способность; голосъ звученъ, отрывистъ; разговоръ исполненъ простодушія и испещренъ метафорическими выраженіями и сравненіями съ предметами, относящимися къ морскому дѣлу.

Вообще, всѣ эти отличія, какъ видно и изъ приведенныхъ нами примѣровъ, могутъ быть разсматриваемы въ отношеніи: 1) къ исключительному развитію нѣкоторыхъ органовъ, 2) къ большему или меньшему изощренію нѣкоторыхъ способностей, 3) къ наклонностямъ или страстямъ, порождаемымъ извѣстнымъ родомъ занятій, и 4) къ послѣдствіямъ того или другого занятія.

Одностороннее упражненіе какъ при воспитаніи, такъ и въ занятіяхъ можетъ быть нѣкоторымъ образомъ названо злоупотребленіемъ, потому-что дѣйствіемъ его жизненныя силы сосредоточиваются въ какой-нибудь одной части тѣла, тогда-какъ другіе органы не достигаютъ должной степени развитія; но это злоупотребленіе есть необходимость и въ общей экономіи общественной жизни неминуемо ведетъ къ благимъ послѣдствіямъ; потому-что исключительная преданность одному занятію образуетъ людей спеціяльныхъ, которыхъ труды, взятые въ общей массѣ, приносятъ неисчислимую пользу. Односторонность морскаго вліянія въ этомъ отношеніи гораздо важнѣе, если оно и не такъ рѣзко бросается въ глаза. Нѣтъ ремесла, нѣтъ занятія, промысла, образа жизни, которые въ теченіи нѣкотораго

Digitized by Google

времени не усилили бы извѣстныхъ наклонностей, страстей, странностей въ характерѣ. Безъ сомнѣнія, неважно, если эти отличія проявляются только въ разговорѣ, тѣлодвиженіяхъ и подобныхъ тому привычкахъ, которыя могутъ быть болѣе или менѣе любопытны для физіономиста; но важна по своимъ послѣдствіямъ односторонность развитія ума, потому-что она мѣшаетъ видѣть въ настоящемъ свѣтѣ все, что несовмѣстно съ его понятіями, важна односторонность нравственныхъ убѣжденій, потому-что она порождаетъ фанатизмъ, столько близкій къ невѣжеству и еще болѣе гибельный, чѣмъ самое невѣжество.

Всѣ эти обстоятельства тѣмъ болѣе важны для физіономиста, что они показываютъ тѣсную связь внутренняго начала жизни съ ея внѣшними явленіями. Дѣйствительно, человѣкъ есть цѣлое, котораго основаніе заключается въ свойствахъ его организма, получаемыхъ въ наслѣдство при рожденіи, но которыхъ дальнѣйшее развитіе зависитъ какъ отъ жизненной силы самого организма, такъ и отъ поражающихъ его впечатлѣній, гдѣ бы ни скрывалась причина этихъ впечатлѣній: внутри организма или внѣ его. Такимъ образомъ самое существованіе въ глазахъ физіономиста есть нечто иное, какъ постоянное обнаруженіе впечатлѣній, безпрерывно смѣняющихъ одно другое. Въ силу впечатлительности своей человѣкъ переходитъ отъ спокойствія къ тревожности, отъ радости къ горести, отъ любви къ ненависти, отъ боязни къ надеждѣ, изъ здороваго состоянія къ болѣзненному. Всякое изъ этихъ впечатлѣній измѣняется, смотря по темпераменту человѣка, вслѣдствіе бо́льшей или мѐньшей дѣятельности мускуловъ, сосудовъ и нервовъ, какъ составныхъ частей лица, отчего мы и видимъ, что часто одни и тѣ же предметы возбуждаютъ въ разныхъ людяхъ совершенно различныя ощущенія, и что не всѣ люди одинаково впечатлительны. Точно также легко замѣтить, что привычка часто предаваться одной и той же мысли, одному и тому же чувству, подвергаться дѣйствію одной и той же страсти придаетъ лицу выраженіе, которое становится обыкновеннымъ, постояннымъ, такъ-что привычка дѣлается и въ этомъ случаѣ второю природою. Кому изъ насъ не случалось, напримѣръ, встрѣчать людей, которыхъ мы знали съ лицомъ, всегда смѣющимся, но которыхъ черты совершенно измѣнились въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ отъ глубокаго постояннаго страданія? И какую страшную перемѣну

Digitized by Google

могли мы замѣтить на лицѣ ихъ? Вмѣсто живого, блестящаго взгляда, мы видѣли взглядъ потухшій, всегда красные глаза; на лбу, гдѣ мы не успѣвали слѣдить за измѣненіемъ рѣзвыхъ мыслей, врѣзаны борозды морщинъ; все лицо выражало одну и ту же мысль о горѣ, постоянную, неотвязчивую какъ привидѣніе; судорожная улыбка заступила мѣсто звонкаго смѣха, прежде возмущавшаго къ веселости всѣхъ, кто его слышалъ; все тѣло, лишась гибкости, казалось угнетеннымъ тяжестію невидимаго, но понятнаго для наблюдателя горя.... Наконецъ всякое ощущеніе, имѣя свое постоянное выраженіе, измѣняющееся соотвѣтственно темпераменту, еще болѣе измѣняемое смотря по возрасту, способно къ усовершенствованію вслѣдствіе воспитанія и бо́льшей или мѣньшей степени образованности того общества, среди котораго человѣкъ по обстоятельствамъ долженъ былъ проводить жизнь свою.

Бросивъ этотъ бѣглый взглядъ на вліяніе постороннихъ обстоятельствъ на внутреннія свойства человѣка, мы, основываясь на указанной нами выше классификаціи этихъ послѣднихъ, можемъ и самыя физіономіи раздѣлить также на три разряда.

Къ первому принадлежатъ физіономіи *чувственныя*, въ которыхъ преобладаетъ выраженіе чувственныхъ побужденій, ощущеній физической боли, возбуждаемыхъ непосредственно производимыми на организмъ внутренними и внѣшними впечатлѣніями.

Ко второму физіономіи, въ которыхъ выражается *умственная* дѣятельность: такъ называемыя умныя, мечтательныя, поэтическія, и имъ противоположныя: простыя, глупыя, безсмысленныя и т. *д.*

Къ третьему разряду причисляются физіономіи *нравственныя*, раздѣляющіяся, сообразно съ тремя родами страстей, которыхъ служатъ онѣ выраженіемъ, на четыре класса:

а) На физіономіи *судорожныя*, особенно способныя къ выраженію страстей порывистыхъ, б) *страдальческія*, въ которыхъ господствуетъ выраженіе сосредоточенныхъ страстей, в) *открытыя*, соотвѣтствующія страстямъ общительнымъ, и наконецъ г) *смѣшанныя* физіономіи. Этотъ послѣдній классъ есть самый обширный, какъ потому, что большая часть страстей не заключаетъ въ себѣ одного элемента, а есть смѣсь различныхъ чувствъ, такъ и потому, что рѣдко встрѣчаются физіономіи съ

Digitized by Google

однимъ господствующимъ выраженіемъ: оно или не кладетъ слишкомъ рѣзкаго отпечатка по слабой впечатлительности организма, или, что особенно встрѣчается въ физіономіяхъ, одаренныхъ подвижностію, выраженіе такъ измѣнчиво, что трудно опредѣлить его исключительный характеръ.

Физіономисту-практику очень полезно въ этомъ отношеніи упражняться въ наблюденіи надъ многоразличіемъ выраженій и ихъ оттѣнковъ, схватывая какъ главныя черты, по которымъ физіономіи могутъ быть отнесены къ одному изъ указанныхъ нами классовъ, и собственно принадлежащія организаціи, такъ и тѣ, которыя, получая свое начало вслѣдствіе воспитанія и другихъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ, составляютъ нѣкоторымъ образомъ случайное пріобрѣтеніе. Это наблюденіе еще болѣе докажетъ важность вліянія внѣшнихъ, постороннихъ причинъ на природную организацію человѣка.

«Такъ-какъ во всякомъ изученіи — говоритъ Оттенъ — должна быть постепенность, которая уменьшаетъ трудъ и ускоряетъ успѣхи, то полезно упражняться сперва надъ физіономіями, выражающими порывистыя чувства, сообщающія всѣмъ чертамъ лица необыкновенное волненіе; потомъ перейти къ физіономіямъ искаженнымъ, на которыхъ неблагородныя страсти и разрушительные пороки оставили глубокіе слѣды своихъ бурь; для дополненія этого первоначальнаго изученія, я приглашаю читателя, не колеблясь, проникать въ мрачныя мѣста, служащія позорищемъ всѣхъ обстоятельствъ, унижающихъ человѣка, гдѣ страсти и нищета являются окруженныя всѣмъ, что въ нихъ есть самаго отвратительнаго и ужаснаго; я приглашаю его равнымъ образомъ вникать послѣ того постепенно во всѣ обыкновенныя физіономіи, вялыя, простыя, во множествѣ представляющіяся наблюденію, и особенно въ этомъ изученіи не выпускать изъ виду важнаго пособія: противоположностей и сравненій. Такъ физіономіи безстыдной и чувственной онъ противопоставитъ физіономію невинную и дѣвственную, возлѣ лица, искаженнаго дѣйствіемъ наклонностей развратныхъ, онъ поставитъ лица, каждый день украшаемыя счастливымъ развитіемъ умственныхъ способностей и нравственныхъ качествъ. Подобныя сравненія могутъ много ускорить физіономическіе успѣхи.

Но послѣ упражненія надъ этими различными слоями человѣчества, начиная отъ людей незначительныхъ до пылкихъ и

Digitized by Google

сильныхъ, въ которыхъ одни, терзаемыя наклонностями, которыхъ она не научились побѣждать, обнаруживаютъ страсти въ ихъ самомъ грубомъ, неблагородномъ и звѣрскомъ видѣ; другіе, будучи жертвою корыстныхъ стремленій, то обогащенные, то разоренные, на верху почестей или смѣшанные съ грязью, и переходя отъ радости къ мучительному отчаянію, представляютъ мрачную картину всего, что алчность и честолюбіе заключаютъ въ себѣ самаго низкаго и самаго гордаго; однимъ словомъ, послѣ этихъ первыхъ свѣдѣній и опытовъ, физіономистъ можетъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ проникать въ свѣтскіе кружки большихъ городовъ, гдѣ собираются люди, у которыхъ воспитаніе и скрытность достигли того поразительнаго развитія, какимъ отличается высшее общество. Здѣсь иногда встрѣтитъ онъ обманчивую наружность, ложность чувствъ, которую тѣмъ труднѣе узнать, что она прикрыта формами образованности, предупредительности и миловидности. Однако, несмотря на то, кто бы ни было лицо наблюдаемое, какъ бы ни было велико его умѣнье скрываться, трудно долго поддерживать въ наружности противорѣчіе движеній души съ внѣшнимъ выраженіемъ».

СИСТЕМА ФИЗІОНОМИЧЕСКИХЪ ЗНАКОВЪ.

Физіономическими знаками называются способы выраженія ощущеній, тѣ отличія въ наружности человѣка, которыя характеризируютъ извнѣ его внутреннія свойства.

Этимъ знакамъ, или, лучше, признакамъ, болѣе или менѣе достовѣрнымъ, обыкновенно приписываютъ весьма важное значеніе въ физіономикѣ. Самъ Лафатеръ, въ своихъ физіономическихъ наблюденіяхъ, исключительно стремился къ отысканію физическихъ признаковъ сокровенной нравственной природы человѣка. Мало заботясь объ открытіи положительныхъ причинъ измѣненія физіономій, на основаніи анатомическихъ и физіологическихъ данныхъ, не проникая во внутреннюю дѣятельность организма, обнаруживающуюся физіономическими явленіями, онъ ограничивался въ своихъ сужденіяхъ бо́льшею частію своимъ природнымъ чувствомъ и практическимъ тактомъ. Поэтому тѣ признаки, которые случалось ему открывать и повѣрять на пути его наблюденій, не только послужили ему руко-

Digitized by Google

водствомъ въ опредѣленіи людскихъ характеровъ, но покаялись ему непреложнымъ закономъ. Не только черты лица, но различныя выпуклости его, тоньи другое направленіе морщинъ, даже почеркъ письма были для него поводомъ къ положительному опредѣленію тайнъ сердца и ума. Отсюда родилось такое безчисленное множество правилъ, имъ придуманныхъ и положенныхъ въ основаніе его физіономики. Не отвергая той истины, что во всѣхъ принадлежностяхъ человѣка, во всѣхъ поступкахъ его, движеніяхъ, даже въ его манерѣ одѣваться, почеркѣ, въ расположеніи его жилища, его рабочей комнаты, словомъ, во всѣхъ мелочахъ жизни его, всегда есть признаки, свойственные исключительно его собственному характеру, его личности, мы не можемъ однако же не сказать, что всѣ эти признаки весьма незамѣтны по своей дробности. Должно имѣть слишкомъ большія притязанія на физіономическую проницательность, для того, чтобы приписывать глубокое значеніе этимъ отличіямъ, которыя не столько положительно опредѣляются разумомъ, сколько гадательно подозрѣваются чувствомъ. Положимъ даже, что Лафатеръ или какой бы то ни было физіономистъ имѣютъ такую твердую увѣренность въ непогрѣшительность своего чутья, что рѣшаются судить на основаніи своихъ предчувствій; но слѣдуетъ ли послѣ этого изъ этихъ отличій, составляющихъ принадлежность нѣкоторыхъ людей, дѣлать признаки общіе, и частныя случайности возводить въ общій законъ? слѣдуетъ ли, когда бо́льшая часть этихъ мелкихъ признаковъ бываетъ преимущественно послѣдствіемъ причинъ, совершенно случайныхъ, иногда нисколько не зависящихъ отъ человѣка наблюдаемаго и почти всегда неизвѣстныхъ наблюдателю? Очевидно нѣтъ. Въ противномъ случаѣ вмѣсто положительнаго опредѣленія свойствъ внутреннихъ по внѣшнему ихъ выраженію, надобно отдаться на волю произвольныхъ догадокъ.

Въ этомъ отношеніи Галль, посреди многихъ точныхъ наблюденій, распространившій множество самыхъ баснословныхъ заблужденій, поступалъ несравненно основательнѣе. Онъ стремился къ корню человѣческихъ свойствъ: онъ разсѣкалъ трупы, изслѣдовалъ устройство органовъ, думая, что и нѣмая неподвижность мертвой природы достаточно краснорѣчива для отверзтія вѣчныхъ законовъ ея. Знаменитый черепословъ довѣрялъ только своему осязанію, ощупью отыскивая на черепѣ знаки

Digitized by Google

нравственныхъ свойствъ, между тѣмъ какъ Лафатеръ часто хотѣлъ видѣть явные признаки свойствъ тамъ, гдѣ самые прозорливые, но безпристрастные люди ничего не могли замѣтить.

Надобно сознаться, что эта любопытнѣйшая для большинства людей часть физіономики и въ настоящее время крайне недостаточна. «Главные внѣшніе признаки страстей»—говоритъ Декартъ—«суть движенія глазъ и лица, измѣненія его цвѣта, дрожь, изнеможеніе, обморокъ, смѣхъ, слезы, стоны, вздохи. Нѣтъ страсти, которая не обнаруживалась бы какимъ-нибудь движеніемъ глазъ. Самые глупые слуги замѣчаютъ по глазамъ своего господина, сердитъ онъ, или нѣтъ; но нелегко описать это движеніе глазъ. Хотя оно ни отъ кого не укрывается, но оно такъ мелко, такъ быстро, что исчезаетъ, едва вы успѣете всмотрѣться и схватить его. Почти тоже можно сказать и о движеніяхъ лица. Однако нѣкоторыя довольно явственны; таковы: морщеніе лба во время гнѣва, извѣстныя движенія носа и губъ въ негодованіи и насмѣшкѣ; но и они не столько естественны, сколько произвольны, потому-что можно придумать имъ противоположныя и тѣмъ скрыть эти чувства. Не такъ легко удержаться отъ того, чтобы не покраснѣть или не поблѣднѣть. Радость дѣлаетъ цвѣтъ лица болѣе живымъ и яркимъ, потому-что, раскрывая сосуды сердца, она ускоряетъ теченіе крови, которая, становясь болѣе горячею и жидкою, нѣсколько вздуваетъ всѣ части лица, дѣлаетъ его болѣе смѣющимся и веселымъ. Въ печали, на противъ того, отверстія сердца сжимаются, кровь холоднѣе, гуще и течетъ медленнѣе, лицо становится блѣдно, кажется болѣе худымъ; тѣмъ не менѣе въ печали иные краснѣютъ, что́ должно приписать другимъ страстямъ, съ нею смѣшаннымъ».

Эти слова знаменитаго философа, отличавшагося строгостію и послѣдовательностію своихъ сужденій, съ одной стороны болѣе поясняютъ читателю значеніе физіономическихъ признаковъ, а съ другой — показываютъ, какъ трудно опредѣлить ихъ и сдѣлать общими, для того, чтобы они могли служить твердымъ руководствомъ. Мы постараемся однако же указать на то, что́ въ этомъ отношеніи въ настоящее время можетъ быть допущено, какъ болѣе положительное. На чемъ основывается ученіе о физіономическихъ признакахъ? на способности, которою одаренъ какъ человѣкъ, такъ и бо́льшая часть животныхъ, об-

Digitized by Google

наруживать свои ощущенія, для того, чтобы передавать ихъ другимъ существамъ, или нуждающимся во взаимной помощи, или взаимно страшнымъ по вреду, который они могутъ наносить другъ другу. Эта способность составляетъ принадлежность преимущественно тѣхъ животныхъ, которыя назначены природою къ общественной жизни. Такъ животныя, ведущія жизнь семейную, общими силами предпринимающія разныя работы, какъ бобры, путешествующія, какъ вороны, и т. п., необходимо должны имѣть способность выражаться извѣстными знаками, которые тѣмъ болѣе разнообразны, чѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ сильнѣе потребности и желанія. Поэтому, сообразно съ развитіемъ инстинкта способностей, потребностей, желаній, и самая нервная система этихъ животныхъ болѣе развита, ихъ мускулы крѣпче, чувства ихъ болѣе совершенны, изобрѣтательность доходитъ часто до изумительности. Очевидно, способность сообщать свои ощущенія въ высшей степени должна принадлежать человѣку.

Явленія этой способности: способы выраженія или физіономическіе знаки по существу своему бываютъ трехъ родовъ: *къ первому* относятся тѣ, которые производятъ впечатлѣніе *на зрѣніе;* они заключаются въ движеніи членовъ, измѣненіи формъ тѣла и цвѣта кожи; *ко второму* принадлежатъ измѣненія, происходящія на поверхности кожи, каковы теплота и холодность, сухость и влажность. Эти явленія преимущественно подлежатъ чувству *осязанія;* но сюда же относятся и тѣ, которыя ощущаются органами обонянія и вкуса, такъ-какъ хотя эти признаки не представляютъ большой важности въ физіономическихъ наблюденіяхъ, однако они принадлежатъ къ числу любопытныхъ явленій, иногда сопряженныхъ съ удовлетвореніемъ коренныхъ потребностей; такъ напримѣръ многія животныя въ страхѣ, удовольствіи, въ эпоху полового возбужденія испускаютъ нѣкоторый запахъ и жидкости, поражающіе ихъ обоняніе и вкусъ съ опредѣленною цѣлію. Третій родъ выраженій составляютъ область *слуха*—звуки.

Первые два рода выраженій называются выраженіями нѣмыми, послѣдніе — фоническими, звучными.

Одни изъ этихъ явленій у человѣка подчинены вліянію воли, другія же, напротивъ, совершаются безъ посредства ея дѣятельности. Хотя къ послѣднимъ безъ исключенія относятся из-

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ленія второго разряда, то есть тѣ, которыя ощущаются осязаніемъ, а равно нѣкоторыя явленія, помѣщенныя нами въ остальныхъ двухъ разрядахъ; однако должно замѣтить, что многія ощущенія и страсти, въ сильномъ напряженіи своемъ, столько могущественны, что никакая крѣпкая воля не въ состояніи противиться ихъ дѣйствію, или, по-крайней-мѣрѣ, если она и успѣваетъ побѣдить одно явленіе, то оно необходимо замѣняется другимъ. Такъ положимъ, что горесть овладѣваетъ человѣкомъ; извѣстно, что слезы, рыданіе, вздохи составляютъ главные и самые сильные способы ея выраженія; если удержать вопль сердца, готовый высказаться рыданіемъ, то естественно раждается необходимость облегчить грудь свою глубокимъ вздохомъ; но если обстоятельства заставляютъ скрыть и этотъ знакъ тяжелогнетущаго чувства, грудь вздувается, дыханіе становится неровнымъ, какъ-будто подавленнымъ, сдвинутыя брови, морщины на лбу измѣняютъ напрасному усилію помѣшать проявленію болѣзненнаго ощущенія; и это ощущеніе тѣмъ болѣе становится мучительно, чѣмъ болѣе естественный исходъ его встрѣтилъ препятствія, потому-что, останавливая дѣйствіе одного органа, человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ подвергаетъ страданію другіе.

Нѣкоторыя изъ таковыхъ выраженій суть необходимыя послѣдствія извѣстныхъ отправленій, и хотя цѣль ихъ остается неразгаданною, однако тѣмъ не менѣе присутствіе ихъ доказываетъ, что человѣкъ находится подъ вліяніемъ какого-то чувства. Такова бо́льшая часть выраженій нашихъ глазъ. Не будучи въ состояніи, по несовершенству науки, разрѣшить сущность иныхъ явленій, мы можемъ подозрѣвать, что они происходятъ отъ дѣятельности органовъ, установленной природою, что человѣкъ, будучи назначенъ къ общественной жизни, долженъ чувствовать необходимую потребность во внѣшнемъ выраженіи своихъ внутреннихъ движеній; и въ этомъ случаѣ природа какъ-будто указываетъ, что придуманныя человѣкомъ нравственныя правила недовѣрчивой скрытности составляютъ насильственное искаженіе его благородной, откровенной души. Какъ бы то ни было, но одно въ этомъ отношеніи не подлежитъ сомнѣнію: всѣ эти явленія происходятъ отъ мозговыхъ впечатлѣній, сообщаемыхъ посредствомъ нервовъ частямъ тѣла, назначеннымъ къ обнаруженію внутренней дѣятельности. Не

Digitized by Google

зная, почему эти явленія совершаются такъ, а не иначе, мы можемъ только надѣяться, что наука современемъ болѣе и болѣе будетъ въ состояніи проникнуть въ эти любопытныя и сокровенныя тайны природы.

У человѣка выразительность сосредоточивается преимущественно на лицѣ, котораго всѣ части въ высшей степени краснорѣчивы, между тѣмъ, какъ у прочихъ животныхъ распространена по всему тѣлу: движеніе ушей, хвоста, гривы, шерсти; у млекопитающихъ, крыльевъ у птицъ служатъ вознагражденіемъ выразительности глазъ, челюстей, губъ и носа, какъ составныхъ частей головы, покрытой шерстью или перьями, неспособной къ явственной игрѣ мускуловъ, къ обнаруженію внутреннихъ ощущеній блѣдностію и румянцемъ.

Способы выраженія образуютъ языкъ, на которомъ люди сообщаютъ свои ощущенія, обнаруживаютъ свои желанія, предупреждаютъ общія грозящія имъ опасности. Этотъ языкъ обыкновенно называется или природнымъ, или искуственнымъ. Первый составляется изъ выраженій, зависящихъ отъ установленныхъ непосредственно самою природою отношеній нервной системы къ прочимъ частямъ тѣла; искуственный, получивъ свое начало отъ исключительно принадлежащей человѣку умственной дѣятельности, обнимаетъ двѣ обширныя области: человѣческую рѣчь и пѣніе.

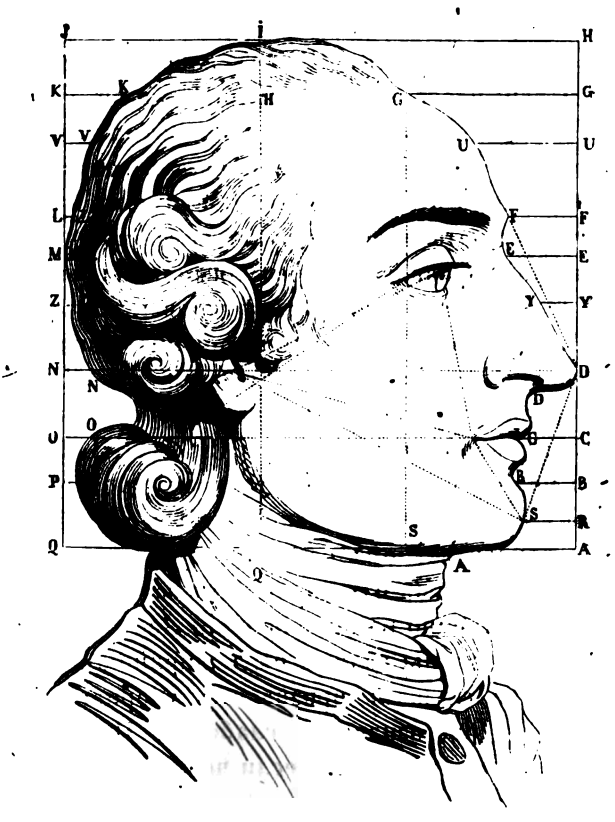
Природный или чувственный языкъ составляютъ движенія и звуки, имѣющіе свой опредѣленный характеръ, который въ сущности одинаковъ какъ у человѣка, такъ и у прочихъ животныхъ; видоизмѣненіе же его, какъ сказано, зависитъ отъ организаціи, отъ большей или меньшой чувствительности и отъ многочисленности и разнообразія потребностей. Выраженія этого языка непосредственно вытекаютъ изъ самого ощущенія; большею частію они непроизвольны, такъ-что животныя не могутъ не выражаться этимъ языкомъ, если органы ихъ достаточно развиты для образованія этихъ выраженій, точно также, какъ они не могутъ не ощущать внушаемыхъ природою потребностей. И языкъ этотъ столько же простъ и естественъ, какъ и проявленіе всѣхъ первоначальныхъ отправленій организма. У человѣка онъ называется языкомъ *дѣйствія*, который, будучи понятенъ всѣмъ людямъ, послужилъ основаніемъ мимическому

Digitized by Google

искусству. Наконецъ онъ же собственно и составляетъ предметъ физіономики.

ИЗМѢРЕНІЕ ЛИЦА; ОТНОШЕНІЕ ЧАСТЕЙ ЕГО МЕЖДУ СОБОЮ; ФИЗІОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ЧАСТЕЙ ЛИЦА И ТѢЛА.

«Показать—говоритъ Лафатеръ—посредствомъ геометрическихъ построеній, что формы животныхъ и человѣка имѣютъ опредѣленные размѣры, и опредѣлить взаимное отношеніе ихъ было бы трудомъ, достойнымъ Бюффона, Кампера и Эйлера». Но какъ ни велика важность, приписываемая имъ приложенію математическихъ законовъ къ физіономикѣ, однако опыты его въ этомъ отношеніи представляютъ мало удовлетворительныхъ результатовъ. Мы постараемся вкратцѣ показать способъ измѣренія головы и для примѣра возьмемъ прилагаемый здѣсь портретъ Лафатера.



Digitized by Google

Прежде всего должно заключить измѣряемую голову въ квадратъ AHJQ и раздѣлить его на семь частей паралельными горизонтальными линіями BP, CO, DN.... (замѣтимъ, что при этомъ можетъ быть допущено и подраздѣленіе на бо́льшее число частей; такъ на чертежѣ, для примѣра, проведены линіи RS, YY, UU). Эти семь частей заключаются между:

1) Вершиною головы, или макушкою, и началомъ волосъ; между буквами IG.

2) Началомъ волосъ и концемъ лба на бровяхъ, что́ составляетъ очертаніе лба; GF.

3) Концемъ лба и началомъ носа; FE.

4) Началомъ и оконечностію носа; ED.

5) Оконечностію носа и мѣстомъ соединенія губъ; DC.

6) Губами и началомъ подбородка; CB.

и 7) Началомъ и концемъ подбородка; BA.

Всѣ эти линіи, отдѣляющія части лица одну отъ другой, называются діаметрами; части линій AA, RS, BB, C, C.... называются абсциссами; части AR, RB, BC.... ординатами; линіи же AQ и AH суть оси: первая — ось абсциссъ, а послѣдняя — ось ординатъ. Бо́льшая или мѐньшая величина этихъ линій показываетъ бо́льшее или мѐньшее развитіе частей головы, къ которымъ онѣ относятся, а слѣдовательно и самыхъ органовъ, которыхъ эти части составляютъ наружную форму.

Длина и ширина правильнаго профиля должны быть равны, то есть ось AQ должна равняться высотѣ головы, или суммѣ всѣхъ ординатъ AH. При этомъ необходимо обращать вниманіе на части головы, заключающіяся между точками ..... IKG, KVUG, VLFU.....; первая изъ нихъ составляетъ треугольникъ, послѣднія—трапецію; равно на треугольники IHG и SGH. Измѣреніемъ этихъ частей можно какъ опредѣлять размѣръ всей головы и профиля, такъ при сравненіи нѣсколькихъ головъ сдѣлать заключеніе объ относительномъ развитіи внутреннихъ свойствъ.

Приведемъ нѣкоторыя изъ подобныхъ замѣчаній, заимствованныя преимущественно изъ наблюденій Лафатера.

Превосходство длины головы надъ шириною при угловатости очертанія лица служатъ признакомъ упорнаго характера; при его прямизнѣ, оно означаетъ слабость. Наоборотъ, если ширина болѣе длины, и притомъ если черты рѣзки и угловаты,

Digitized by Google

то характеръ долженъ быть злымъ; мягкость же очертанія въ этомъ случаѣ означаетъ наклонность къ сладострастію.

Если провести линію отъ точки O на затылочномъ углубленіи къ центру глаза, то она раздѣлитъ голову на двѣ части, изъ которыхъ верхняя заключаетъ собственно черепъ, а вторая — лицо; измѣреніе ихъ показываетъ отношеніе мозга къ органамъ чувствъ. Такъ принимается за постоянное правило, что человѣкъ становится тѣмъ болѣе рабомъ своей чувственности, склоннымъ къ обжорству и другимъ недостаткамъ и порокамъ ея, чѣмъ болѣе развиты полости рта и носа.

Лафатеръ, приписывая также важное значеніе линіи, составляющей продолженіе верхней вѣки, находитъ, что чѣмъ болѣе точка соприкосновенія ея съ діаметромъ DN удаляется отъ точки D, тѣмъ глазъ менѣе открытъ и означаетъ бо́льшую скрытность.

Чѣмъ тупѣе уголъ, дѣлаемый линіею, идущею отъ зрачка къ концу рта, и діаметромъ CO, тѣмъ у человѣка болѣе слабости характера и ограниченности умственныхъ способностей. Полагаютъ также признакомъ тупоумія, если линія, проведенная отъ внутренняго угла глаза къ точкѣ прикосновенія носа съ щекою, короче разстоянія отъ этой послѣдней точки до конца рта, если ширина лба менѣе длины носа, или, наконецъ, если нижняя часть лица раздѣляется діаметромъ рта на двѣ равныя части, то есть при равной величинѣ ординатъ CD и AC. Въ этомъ случаѣ несообразность развитія относится къ чрезмѣрной величинѣ верхней губы или разстоянія носа отъ рта.

Если подбородокъ имѣетъ на срединѣ углубленіе или разрѣзъ и притомъ выдается такъ, что абсцисса BB нѣсколько длиннѣе абсциссы RS, то это служитъ знакомъ благоразумія и мудрости.

Что̀ касается до насъ, то мы мало вѣримъ бо́льшей части подобныхъ правилъ, потому-что въ подкрѣпленіе ихъ не приводится до нынѣ никакихъ положительныхъ доказательствъ. Нельзя отвергать, что бо́льшая или мѐньшая плотность и форма мозга имѣетъ въ организаціи человѣка отношеніе къ его умственнымъ способностямъ, но нѣтъ никакого основанія къ заключенію о нихъ по случайному образованію подбородка, носа и т. п., но такова, къ сожалѣнію, бо́льшая часть придуманныхъ отцемъ физіономики правилъ. Конечно то или другое очертаніе

Digitized by Google

частей лица можетъ одному нравиться болѣе, чѣмъ другому, но такое предпочтеніе, основывающееся на обстоятельствахъ также случайныхъ, на личномъ вкусѣ, національности и т. п. не можетъ вести къ положительнымъ заключеніямъ о внутреннихъ свойствахъ человѣка. Точно также обыкновенно встрѣчаемыя нами въ обществѣ понятія объ отношеніяхъ наружной красоты лица къ душевнымъ достоинствамъ мало представляютъ основательнаго и подкрѣпленнаго вѣрными доказательствами.

Такимъ же образомъ измѣряется лицо, взятое прямо, не въ профиль: должно описать такой же квадратъ и также раздѣлить его на девять частей, проведя діаметры. Замѣтимъ только, что профильное изображеніе служитъ преимущественно къ наблюденію надъ умственными способностями; прямое же изображеніе всего лица надъ наклонностями нравственными и побужденіями физическими.

Голова, составляя верхнюю оконечность человѣческаго тѣла, укрѣплена на позвоночномъ столбѣ. Отъ свободнаго положенія своего, она имѣетъ четыре рода движенія: круговое, посредствомъ котораго она поворачивается направо и налѣво; *наклоненіе*, когда она опускается впередъ или назадъ; *уклоненіе*, употребляемое, когда она опускается на плеча, и наконецъ движеніе *смѣшанное*, которое составляется изъ одновременнаго соединенія прочихъ родовъ движеній, называемыхъ *простыми* или первоначальными.

Голова допускаетъ три главныхъ дѣленія: первое, на двѣ симметрическія части, образующія профиль; второе, посредствомъ отвѣсной линіи, опущенной изъ вершины головы или темени, на двѣ неравныя и непохожія другъ на друга части: переднюю и заднюю, изъ которыхъ первая составляетъ лицо. Третье дѣленіе, на части верхнюю и нижнюю, линіею, проведенною отъ верхней вѣки къ затылочному углубленію. Эти части, какъ мы сказали выше, заключаютъ собственно черепъ, вмѣщающій въ себѣ мозгъ и органы чувствъ.

Чѣмъ болѣе задняя и передняя части равны между собою, тѣмъ болѣе равновѣсія между побужденіями и мыслительными способностями, но если напротивъ затылочная часть превосходитъ переднюю или лицевую, то животныя силы, страсти и привычки, какъ напримѣръ, плотская любовь, слѣпая привязанность къ извѣстнымъ вещамъ и мѣстамъ, гордость, суетность,

Digitized by Google

упрямство преобладаютъ надъ разумными способностями и страстями благотворными: умомъ, благоразуміемъ, добротою, справедливостію, а равно и наоборотъ.

Форма и величина головы зависятъ отъ развитія твердыхъ частей ея или костей, которое измѣняется, смотря по породамъ, возрасту, полу людей и отъ многихъ болѣе частныхъ отличій въ каждомъ человѣкѣ.

Главныхъ формъ вообще три: первая, въ которой нижняя часть или челюсти (въ профилѣ) выдаются впередъ; вторая, пирамидальная, въ которой нижняя часть лица (въ прямомъ видѣ) шире верхней, и третья—овальная, въ которой ширина лица, при самомъ совершенномъ образованіи, относится къ длинѣ его, какъ 10 къ 12 Послѣдняя считается типомъ европейской красоты и безъ сомнѣнія есть превосходнѣйшая изъ всѣхъ формъ. Сферичность головы разительно отличаетъ человѣка не только отъ прочихъ животныхъ, но и отъ менѣе развитыхъ человѣческихъ породъ, стоящихъ на низшей степени общественной образованности. Бо́льшее развитіе кости лба служитъ причиною избытка умственной и нравственной жизни, и наоборотъ, чѣмъ болѣе выдаются челюсти, тѣмъ сильнѣе и грубѣе физическія побужденія. Извѣстно, что на отношеніи этихъ частей Камперъ основывалъ различіе людскихъ породъ. Хотя впослѣдствіи Оуенъ, Блуменбахъ, Причардъ и другіе анатомы, занимавшіеся этнографическими изысканіями, показали, что сравненіе череповъ въ другихъ отношеніяхъ показываетъ еще болѣе характеристическія отличія, однако тѣмъ не менѣе придуманный Кампе-ромъ *лицевой уголъ* имѣетъ свое значеніе при физіономическихъ соображеніяхъ.

«Основный характеръ различія народовъ — говоритъ онъ — дѣлается замѣтнымъ для глазъ посредствомъ двухъ прямыхъ линій, изъ которыхъ одна проходитъ отъ слухового отверстія до основанія носа, а другая отъ выпуклости лба до наиболѣе выдающейся части верхней челюсти. Уголъ, образумый пересѣченіемъ этихъ двухъ линій на головѣ, представленной въ профиль, составляетъ, можно сказать, отличительный характеръ череповъ, не только при сравненіи различныхъ видовъ животныхъ, но также и различныхъ поколѣній людей. Кажется, будто сама природа означила этимъ угломъ различныя степени въ животномъ царствѣ, начиная отъ низшихъ видовъ до самыхъ

Digitized by Google

красивыхъ формъ въ человѣческомъ родѣ. Такъ головы птицъ имѣютъ самый мѐньшій уголъ, и онъ увеличивается по мѣрѣ приближенія животнаго къ формѣ человѣка. Напримѣръ, есть между обезьянами одна порода, у которой лицевой уголъ имѣетъ сорокъ два градуса; у другой, наиболѣе похожей на человѣка, пятьдесятъ градусовъ. Непосредственно затѣмъ слѣдуетъ голова африканскаго негра, которая, равно какъ и голова калмыка, имѣетъ уголъ въ семьдесятъ градусовъ; наконецъ въ головѣ европейца лицевой уголъ заключаетъ восемьдесятъ три градуса, и отъ этихъ-то десяти градусовъ и зависитъ бо́льшая красивость европейца, такъ сказать, его сравнительная красота; что́ же касается до его положительной красоты, которая такъ сильно поражаетъ насъ въ произведеніяхъ древняго ваянія (какъ въ головѣ Аполлона и Медузы Сизоклеса), то она происходитъ еще отъ бо́льшаго растворенія этого угла, который въ этомъ случаѣ достигаетъ до ста градусовъ.»

Такимъ образомъ величина лицевого угла у европейцевъ простирается отъ восьмидесяти до ста градусовъ, и по мѣрѣ этого измѣненія и человѣкъ пріобрѣтаетъ, даже съ перваго взгляда на лицо его, право на бо́льшее или мѐньшее нравственное и умственное превосходство. Такая пропорціональность головы, по мнѣнію Кювье, сдѣлалась столько общею всѣмъ извѣстною истиною, что повсемѣстно служитъ основаніемъ къ опредѣленію способностей ума.

Многіе изъ физіономистовъ утверждали, что небольшія головы самыя умныя; напротивъ того, знаменитый основатель науки черепословія приписывалъ это преимущество головамъ большимъ, толстымъ. Наполеонъ, который вообще не вѣрилъ этой наукѣ и даже называлъ Галля безумцемъ, говорилъ: «природа не такъ бѣдна, какъ думаютъ; если бы она имѣла менѣе смысла и высказывалась во внѣшнихъ формахъ, успѣхи наши пошли бы скорѣе и мы бы могли знать гораздо болѣе; тайны ея гораздо тоньше, мудренѣе и неуловимѣе; до сихъ поръ онѣ ускользаютъ отъ всѣхъ: маленькій горбунъ бываетъ иногда геніемъ, а длинный красавецъ глупецъ. Въ большой головѣ съ толстымъ мозгомъ часто не сыщешь ни одной мысли, между тѣмъ, какъ въ маленькомъ мозгу помѣщается великій умъ.» Лафатеръ ничего не ожидаетъ отъ большой головы съ маленькимъ треугольнымъ лбомъ, которой черепъ обремененъ жиромъ и мясомъ; по

Digitized by Google

его мнѣнію, толстыя кости и мясистость составляютъ тяжесть, которая мѣшаетъ душевной дѣятельности; онъ предпочитаетъ маленькое тѣло съ нѣсколько большею головою, или, на оборотъ, большое тѣло съ нѣсколько меньшею головой, и въ томъ и другомъ случаѣ онъ предполагаетъ бо́льшее умственное развитіе, тогда - какъ слишкомъ большая голова непремѣнно означаетъ тупоуміе, а слишкомъ маленькая — слабость, неосновательность.

Что́ касается до насъ, то крайности въ этомъ отношеніи намъ также кажутся недостатками, и мы совершенно согласны съ мнѣніемъ Лафатера въ томъ, что голова должна быть соразмѣрна съ остальными частями тѣла, и притомъ ни слишкомъ длинна, ни слишкомъ кругла, такъ чтобы вертикальная линія длины равнялась горизонтальной линіи ширины; чѣмъ болѣе гармоніи между лбомъ, носомъ и нижнею частію лица, тѣмъ оно красивѣе.

Правильность въ образованіи частей и соразмѣрность въ ихъ взаимномъ расположеніи составляютъ два свойства, посредствомъ которыхъ достигается только отчасти идеалъ красоты человѣческой головы; остальное зависитъ отъ одушевленія, отъ умственности, отъ игры физіономіи.

Голова въ указанныхъ нами выше четырехъ формахъ движенія почерпаетъ бездну различныхъ выраженій, которыя имѣютъ то или другое значеніе въ языкѣ мимическомъ или въ языкѣ дѣйствія. Одно и тоже движеніе можетъ имѣть множество разныхъ смысловъ, смотря потому, въ какомъ отношеніи находится оно къ выраженію лица и движенію или положенію другихъ частей тѣла. Такъ наклоненіе головы впередъ можетъ означать поклонъ, согласіе, терпѣливое ожиданіе; оно употребляется въ насмѣшливыхъ выходкахъ, при усиліи, въ уловкахъ хитрости и скрытности, дополняетъ выраженіе стыда, задумчивости, грусти и т. п. Другими движеніями мы одобряемъ, порицаемъ, удивляемся, молимся; иныя свойственны гордости, силѣ, униженію, безсилію, отчаянію и т. п.; словомъ, голова, какъ вмѣстилище мозга, какъ резервуаръ, гдѣ выработываются всѣ побужденія, мысли, страсти человѣка, столько же разнообразныя, какъ природа, которая производитъ на него впечатлѣніе, и какъ самый человѣкъ, принимаетъ участіе въ дѣятельности всѣхъ остальныхъ частей тѣла.

Digitized by Google

Причина выразительности лица заключается въ его органическомъ устройствѣ, и въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе три обстоятельства:

Во-первыхъ, разнообразіе устройства поверхности лица, которая представляетъ: а) выпуклости — носъ, брови, скулы, подбородокъ; б) впадины и отверстія — глазницы, ноздри, ротъ; в) движущіяся части — губы, глаза, челюсти, носъ, брови; г) волнообразное направленіе почти всѣхъ отдѣльно разсматриваемыхъ чертъ лица. Во-вторыхъ, лицо въ небольшомъ объемѣ своемъ содержитъ множество мускуловъ, числомъ простирающихся до пятидесяти; и это сообщаетъ ему необыкновенную, въ сравненіи съ прочими частями тѣла, подвижность, а тѣмъ самымъ даетъ возможность выражать разнообразнѣйшія ощущенія. Эти мускулы, будучи одною оконечностію укрѣплены на твердой части лица, другою соединяются съ частями мягкими, подвижными, такъ-что всякое сжатіе мускула непремѣнно влечетъ за собою измѣненіе въ положеніи части подвижной. Наконецъ, въ-третьихъ, измѣняемость цвѣта кожи.

Мы видѣли выше, какое вліяніе темпераментъ, возрастъ и образъ жизни имѣютъ на внутреннія свойства человѣка. Лицо, какъ самая чувствительная часть тѣла, съ своей стороны, подвергается дѣйствію этихъ элементовъ нашего существованія. Соотвѣтственно тремъ главнымъ періодамъ человѣческой жизни — молодости, мужеству и старости, и самая выразительность подчиняется законамъ развитія, равновѣсія и разрушенія: лицо или не имѣетъ своей полной выразительности, или достигло высшей ея степени, или теряетъ ее. Особенно замѣчательно измѣненіе лица, въ переходныя эпохи отъ одного возраста къ другому. Такъ напримѣръ, какое страшное искаженіе часто претерпѣваютъ самыя прекрасныя, самыя счастливыя лица въ эпоху юношества, когда появленіе новыхъ силъ, новыхъ потребностей производитъ такое сильное потрясеніе въ отправленіи всѣхъ органовъ! Какъ часто самыя естественныя побужденія, вытекающія изъ правильнаго органическаго развитія, по недостатку воспитанія, вслѣдствіе порочности общества, въ которое попадаетъ юноша, отъ предразсудковъ людей, долженствующихъ руководствовать его поведеніемъ, переходятъ въ страсти, отпечатлѣвающія на лицѣ его типъ развратности! Для убѣжденія въ гибельности этого вліянія достаточно сравнить лицо человѣка въ

Digitized by Google

двѣ разныя эпохи его жизни: въ то время, когда онъ еще невиннымъ, простодушнымъ юношей вступаетъ въ водоворотъ свѣтскаго общества, и потомъ, когда отъ необузданно-пылкаго, неудержимо-быстраго стремленія къ разсѣянностямъ онъ, достигнувъ первыхъ лѣтъ мужества, останавливается, утомленный обманами заманчивой жизни, страданіями и наслажденіями любви и бурными порывами множества другихъ страстей. Гдѣ нѣжность, гдѣ простота, гдѣ женская стыдливость, гдѣ румянецъ здоровья, гдѣ персиковая пушистость лица? Ихъ замѣнили осторожность, недовѣрчивость, скрытность, равнодушіе, преждевременныя морщины, желтизна и огрубѣлость кожи. Правда, иногда опытность и благоразуміе, это наслѣдство страданій, лишеній и обмановъ, могутъ возстановить потерянную красоту лица, но далеко не красоту первоначальную, юношескую, ту майскую красоту, которая цвѣтетъ однажды и отцвѣтши разъ, не разцвѣтаетъ болѣе. И не разцвѣтаетъ она потому, что возрастъ приводитъ за собою новыя силы, новыя потребности, которыя организмъ, продолжая развиваться въ годы мужества и разрушаясь въ старости, удовлетворяетъ своею новою дѣятельностію.

Мы достаточно показали въ своемъ мѣстѣ отличительные признаки, зависящіе отъ различія темпераментовъ, а потому мы снова повторимъ высказанное нами выше и важное для физіономиста замѣчаніе: приступая къ опредѣленію физіономіи, необходимо прежде всего съ точностію опредѣлить темпераментъ, такъ-какъ онъ служитъ основаніемъ характера, тоесть совокупности свойствъ, въ сущности неизмѣняемыхъ и отличающихъ даннаго человѣка отъ другихъ лицъ.

Лафатеръ утверждаетъ, что физическая красота лучше проявляется въ профилѣ, чѣмъ въ прямомъ видѣ лица, такъ-что профиль есть истинный типъ красоты, и что лица съ дурнымъ профилемъ не могутъ быть названы прекрасными. Мы, съ своей стороны, съ первыми двумя замѣчаніями совершенно не можемъ согласиться и послѣднее допускаемъ только отчасти. Вотъ наши основанія.

Въ портретной живописи обыкновенно лицо изображается въ трехъ положеніяхъ: въ прямомъ, въ три четверти и въ профилѣ. Въ первомъ изъ нихъ конечно всѣ части лица представляются въ самомъ полномъ видѣ, такъ-что большая часть ха-

Digitized by Google

рактеристическихъ чертъ обнаруживается съ наибольшею ясностію: сферичность головы опредѣляется съ точностію отношеніемъ длины лица къ его ширинѣ; соразмѣрность главныхъ частей видна съ перваго взгляда; лобъ, съ дополняющими его выпуклостями бровей, является во всемъ своемъ объемѣ какъ въ длину, такъ и въ ширину, и оттого съ большею легкостію служитъ къ обозначенію умственныхъ способностей; глаза, этотъ главнѣйшій источникъ выразительности, видны какъ въ очертаніи своемъ, такъ и во всемъ блескѣ, со всѣмъ заключающимся въ нихъ смысломъ; тоже должно сказать и о ртѣ, этомъ другомъ главномъ мѣстопребыванія выразительности; только носъ менѣе подлежитъ наблюденію, чѣмъ въ изображеніи профильномъ. Наконецъ въ заключеніе объясненія достоинствъ прямого вида лица прибавимъ, что онъ есть, такъ сказать, нормальное положеніе его, которое люди принимаютъ, находясь въ непосредственныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ: въ разговорѣ, обращаясь къ другимъ съ просьбою, убѣжденіемъ, упрекомъ, гнѣвомъ, съ ласками любви, съ откровеннымъ признаніемъ, мы смотримъ прямо и выражаемъ полноту мыслей и ощущеній, насъ волнующихъ; только скрытность, недобросовѣстность, хитрость говорятъ, уклоняя лицо въ сторону; но и онѣ стараются прикрыть себя маскою противоположныхъ имъ свойствъ, а потому часто безстыдный смотритъ прямо въ глаза своему собесѣднику — жертвѣ или цѣли его обмановъ. Это обстоятельство очень важно для физіономиста. Между тѣмъ все достоинство профиля заключается только въ указанныхъ нами выводахъ, получаемыхъ отъ измѣренія линіи, идущей отъ рта къ затылку, въ вѣрномъ очертаніи выпуклостей лба, носа, рта и подбородка. Поэтому мы считаемъ самымъ удобнѣйшимъ, при физіономическихъ наблюденіяхъ, видъ лица въ три четверти, какъ соединяющій въ себѣ по возможности полнѣйшую выразительность лица съ его очеркомъ не только въ цѣлости, но и въ частяхъ, и допускающій даже въ нѣкоторой степени, по правиламъ перспективы, измѣреніе діаметра рта.

Если же профильному изображенію нельзя судить о полной выразительности лица, то ясно, что профиль не можетъ быть и типомъ красоты, тѣмъ болѣе, что только соединеніе выразительности съ правильностію даетъ право на совершенство красоты; а слѣдовательно, такъ-какъ измѣреніемъ профиля дости-

Digitized by Google

гается одно опредѣленіе правильности лица, выразительность же его можетъ быть схвачена только въ слабой степени, то профиль далеко не можетъ быть истиннымъ мѣриломъ красоты. По этимъ соображеніямъ, намъ кажется, что приведенныя нами два первыя замѣчанія Лафатера не требуютъ дальнѣйшаго опроверженія (*).

Что же касается до того, что лицо съ дурнымъ профилемъ не можетъ быть названо прекраснымъ, то мнѣніе Лафатера въ этомъ отношеніи справедливо только отчасти. Вполнѣ прекрасное лицо, безъ сомнѣнія, должно быть прекрасно, съ какой бы стороны мы на него ни смотрѣли, и это не требуетъ доказательствъ: но намъ кажется, что вопросъ въ этомъ случаѣ долженъ заключаться въ слѣдующемъ: можетъ ли быть прекрасно лицо, взятое въ прямомъ видѣ, если профиль его дуренъ, и наоборотъ? Такимъ образомъ положеніе Лафатера ограничивается и подраздѣляется. Совершенная красота лица требуетъ непремѣннаго соединенія въ немъ двухъ главныхъ качествъ: правильности и выразительности. Слѣдовательно, для полной красоты необходимо, чтобы какъ профиль, такъ и прямой видъ лица вполнѣ соотвѣтствовали этому требованію, и въ строгомъ смыслѣ лицо не можетъ назваться прекраснымъ, если дуренъ профиль, и наоборотъ. Но такая красота есть рѣдкость природы. Бо́льшая же часть встрѣчаемыхъ нами лицъ заключаетъ только одно изъ этихъ свойствъ: они или только правильны, или только выразительны. Въ первомъ случаѣ лице не можетъ быть хорошо, если дуренъ профиль. Лица же выразительныя этому условію не подчиняются; всѣ такъ называемыя одушевленныя, оригинальныя, острыя физіономіи очень часто бываютъ прекрасны или только въ прямомъ видѣ или только въ профиль. Все достоинство ихъ красоты ограничивается одною исключительно имъ принадлежащею выразительностію.

Предлагаемъ нѣкоторыя замѣчанія о характеристическихъ признакахъ лица, заимствованныя преимущественно изъ практическихъ наблюденій физіономистовъ.

Въ дѣйствіяхъ лица есть всегда единство и согласіе: всѣ части его всегда содѣйствуютъ выраженію господствующаго въ

(*) Говоря о красотѣ, мы подразумѣваемъ типъ лица европейскій. Безъ сомнѣнія, и самоѣды и калмыки въ своемъ родѣ прекрасны и удовлетворяютъ требованіямъ національнаго вкуса.

Digitized by Google

данную минуту нравственнаго расположенія. Противъ этого можно возразить, что дѣти очень часто смѣются сквозь слезы, и такимъ образомъ выраженіе глазъ противорѣчитъ выраженію рта. Это противорѣчіе только кажущееся: перемѣна ощущеній въ этомъ случаѣ почти мгновенна или по-крайней-мѣрѣ такъ быстра, что господство скорбнаго чувства надъ радостнымъ, и на оборотъ, едва можетъ быть опредѣлено; но часто бываетъ, что переходъ отъ одного къ другому совершается постепенно: дитя плачетъ, и окружающіе его спѣшатъ обратить его вниманіе накакую-нибудь игрушку, которая можетъ занять его, заставить забыть его горе, но оно прежде чѣмъ поддастся этой хитрости, сперва недовѣрчиво разсматриваетъ показанную ему вещь; лицо его принимаетъ выраженіе вниманія, и тогда первоначальная сила скорбнаго чувства уже побѣждена, но плачъ иногда повторяется, хотя слабѣе, и потомъ уже является улыбка и смѣхъ, въ которомъ еще слышенъ дискордъ огорченія.

Если ширина лица несоразмѣрно болѣе длины, и притомъ носъ тонокъ въ сравненіи съ одутловатостію щекъ, губы узки и ротъ широкъ, распространяется по направленію къ ушамъ, то физіономія имѣетъ видъ тяжелый, грубый и заставляетъ подозрѣвать ограниченныя умственныя способности и характеръ совершенно упрямый.

Широкое лицо всегда предполагаетъ короткую толстую шею и широкую спину и плечи; люди подобнаго сложенія всегда расположены къ толстотѣ, а слѣдовательно и къ лѣности, въ нравственномъ же отношеніи — къ эгоистическимъ наклонностямъ; бо́льшею частію они бываютъ корыстолюбивы.

Фанатики, люди, слѣпо привязанные къ своимъ мнѣніямъ, отличаются обыкновенно плоскостію лица, овальнаго, но болѣе сжатаго сверху; вообще какъ имъ, такъ и упрямымъ людямъ свойственъ лобъ прямой, отвѣсный.

Лицо вполнѣ честнаго человѣка должно соединять выраженіе доброты и энергіи. Доброта должна быть дѣятельна, а энергія великодушна, иначе онѣ скорѣе будутъ походить на недостатки, чѣмъ на достоинства.

Выраженіе истиннаго мужества, храбрости всегда заставляетъ предполагать справедливость; лживость, источникъ которой скрывается въ низости, совмѣстна только съ трусостію; от-

Digitized by Google

того, напримѣръ, ни въ какомъ сословіи не встрѣчается столько истинной честности, какъ между военными.

Лица, въ которыхъ очеркъ частей рѣзко означенъ волнистыми линіями, брови малы, едва замѣтны и удалены отъ глазъ, носъ неправиленъ, ротъ лишенъ граціозной формы и подбородокъ малъ, обыкновенно принадлежатъ людямъ характера непостояннаго, слабаго, наклоннаго къ коварству.

Изъ этихъ немногихъ замѣчаній, чисто практическихъ, не основанныхъ, какъ бо́льшая часть физіономическихъ правилъ Лафатера, на доказательствахъ положительныхъ, читатель можетъ видѣть новое подтвержденіе необходимости сравненія физіономій, для опредѣленія относительнаго достоинства ихъ правильности и выразительности. Повторяемъ, что для справедливаго приговора надъ физіономіею, необходимо опредѣлить мѣру правильности очертанія лица и относительное расположеніе частей и обратить все вниманіе на выраженіе глазъ и рта, отдѣльно взятыхъ, и на взаимное отношеніе ихъ какъ другъ къ другу, такъ и къ значенію движеній тѣла.

Лобъ. Гораздо положительнѣе замѣчанія Лафатера относительно образованія лба. Мы предлагаемъ его сужденіе о трехъ типахъ этой важной части лица, изображенныхъ на представляемомъ здѣсь рисункѣ.

Первый изъ нихъ можетъ быть принятъ за средній типъ лбовъ правильныхъ. Лафатеръ называетъ его анти-поэтическимъ. У людей съ такимъ лбомъ замѣтенъ недостатокъ воображенія, въ ихъ поступкахъ обнаруживается размѣренность, походка ихъ медленна, важна, горделива. Лбы эти болѣе или менѣе удаляются отъ положенія отвѣснаго; развитость способностей зависитъ отъ высоты ординаты FG (см. фиг. 1); строгость сужденія соразмѣрна съ превосходствомъ длины абсциссы GG, надъ абсциссою FF.

Digitized by Google

Второй, не представляя образованія, по которому бы можно было отнести его къ лбамъ, означающимъ тупоуміе, идіотизмъ или безуміе, своимъ наклоненіемъ и неровностями указываетъ на нѣкоторую слабость или неправильность въ отправленіяхъ умственныхъ способностей. Кривизна его служитъ вѣстницею воображенія пылкаго, необузданнаго; онъ обыкновенно встрѣчается у людей капризныхъ, бѣшеныхъ, странныхъ.

Наконецъ третій рѣшительно несовмѣстенъ съ правильнымъ дѣйствіемъ мыслительныхъ способностей. Недостатки его преимущественно заключаются въ малой возвышенности и неровности. Лбы, слишкомъ прямые, непосредственно соединяющіеся съ началомъ носа, принадлежатъ къ этому же разряду. Жизнь людей, которыхъ лобъ имѣетъ подобную форму, обыкновенно бываетъ исполнена глупыхъ заблужденій, ничѣмъ не оправдываемыхъ нелѣпостей и неистовыхъ поступковъ.

Форма кости лба, то есть ея возвышенность, ровность, соразмѣрность, правильность или неправильность въ образованіи, служитъ основаніемъ для сужденія объ умственныхъ способностяхъ человѣка; мягкая же часть его, кожа съ ея цвѣтомъ и морщинами, даетъ указаніе относительно нравственной стороны, постоянныхъ страстей и на состояніе души въ данную минуту. Можно сказать, что твердая часть есть мѣрило постоянныхъ внутреннихъ свойствъ человѣка, а внѣшняя оболочка — того употребленія, какое онъ изъ нихъ дѣлалъ въ продолженіи своей жизни.

Вполнѣ красивый лобъ, на которомъ бы можно было прочесть и богатство мыслей и благородство характера, долженъ имѣть слѣдующія свойства: онъ составляетъ треть лица, то есть равняется длинѣ носа вмѣстѣ съ длиною нижней части лица отъ основанія носа до конца подбородка; поверхность его имѣетъ форму овальную или правильно-четырехъ-угольную; неровности его не бываютъ рѣзки и угловаты, низъ его нѣсколько выдается впередъ, а верхъ, напротивъ, слегка уклоняется назадъ, кожа его бѣлѣе, чѣмъ на прочихъ частяхъ лица, и не имѣетъ морщинъ, которыя могутъ появляться только въ минуты глубокой задумчивости, горести, негодованія и вообще ощущеній сильныхъ.

Digitized by Google

Мы укажемъ на нѣкоторыя частности, которыя болѣе или менѣе опредѣляютъ физіономическое значеніе лба, при его уклоненіи отъ правильнаго развитія.

Чѣмъ болѣе несоразмѣрна ширина лба, въ сравненіи съ остальными двумя третями лица, тѣмъ умъ имѣетъ менѣе энергіи, но чѣмъ болѣе онъ, такъ сказать, собранъ, сосредоточенъ, тѣмъ умъ крѣпче, основательнѣе.

Волнистое очертаніе лба при совершенномъ отсутствіи угловатости есть признакъ характера кроткаго, мягкаго, и наоборотъ. Совершенно отвѣсное направленіе лба, начиная отъ волосъ до бровей, означаетъ глупость, тупоуміе и безчувственность. Вообще избытокъ прямолинейности показываетъ избытокъ разсудочности, и наоборотъ преобладаніе округленности есть знакъ чувствительности. Женскіе лбы принадлежатъ бо́льшею частію къ послѣднему роду.

Выдающіеся лбы принадлежатъ умамъ ограниченнымъ. Лобъ прямолинейный, сверху наклоненный назадъ, съ угловатыми неровностями подъ глазницами, есть вѣрный признакъ ума неглубокаго, но смѣтливаго и характера безпокойнаго; напротивъ того, лобъ, окруженный сверху и съ выдающеюся неровностію на бровяхъ, показываетъ умъ способный къ правильной дѣятельности и благоразумному спокойствію.

Небольшая впадина по срединѣ или нѣсколько ниже средины лба есть признакъ слабости; но совершенно противное означаетъ это углубленіе, если оно обозначено рѣзко.

Лобъ, покрытый гладкою кожею, на которой и при ощущеніи самой сильной радости незамѣтно ни одной даже легкой морщины, служитъ доказательствомъ характера холоднаго, сварливаго, упрямаго, подозрительнаго, мстительнаго и низкаго.

Человѣкъ, котораго лобъ рѣзко выдается впередъ, а верхъ уклоняется назадъ, и притомъ носъ имѣетъ видъ дугообразный, а нижняя часть лица значительно вытянута, долженъ быть склоненъ къ помѣшательству, особенно при нервическомъ и сангвиническомъ темпераментѣ.

Если голубоватыя жилы раздвоены въ видѣ буквы У и замѣтно обозначаются посрединѣ лба открытаго, правильно выпуклаго, не сморщеннаго, то можно надѣяться на способности блистательныя и страстную преданность къ добру.

Digitized by Google

Кривыя паралельныя морщины означаютъ обманчивость, подозрительность; напротивъ того, если онѣ паралельны и почти прямолинейны и притомъ не слишкомъ глубоки, то доказываютъ разсудительность и прямодушіе.

Брови. Въ чемъ заключается назначеніе бровей, опредѣлить довольно трудно. Физіологи утверждаютъ, что эти волосистыя полосы на окружности глазницы защищаютъ глаза. Мы совершенно согласны, что костяная выпуклость въ основаніи лба надъ глазами, построенная въ видѣ свода, охраняетъ ихъ отъ удара или отъ другихъ разрушительныхъ дѣйствій тѣлъ постороннихъ, но для чего она покрыта волосами, это неизвѣстно. Какъ бы то ни было, брови послѣ глазъ и рта наиболѣе содѣйствуютъ къ выразительности лица: они, по выраженію Бюффона, составляютъ тѣнь въ картинѣ физіономіи.

Лафатеръ говоритъ, что брови часто однѣ могутъ выражать характеръ человѣка, и въ доказательство этого голословнаго положенія приводитъ портреты многихъ извѣстныхъ людей, въ томъ числѣ Тасса, Буало, Тюрена, Ньютона. Мы спрашиваемъ: неужели по бровямъ Лафатеръ узналъ въ этихъ знаменитостяхъ поэта, критика, героя и математика? Безъ сомнѣнія, нѣтъ; потому-что брови имѣютъ свойство только *усиливать* выразительность лица и, такъ сказать, облагороживать его.

Брови имѣютъ два рода движеній, управляемыхъ мускулами лба: онѣ или поднимаются вверхъ, или сближаются другъ къ другу, а съ тѣмъ вмѣстѣ нѣсколько и опускаются. Эти два различныя движенія составляютъ ихъ временное, измѣняющееся содѣйствіе общей выразительности лица, а ихъ цвѣтъ, большая или мѣньшая густота и направленіе принадлежатъ къ постояннымъ свойствамъ физіономіи. Первый родъ движенія, вверхъ, употребляется при выраженіи страстей порывистыхъ, послѣдній — неразлученъ съ страстями скорбными.

При дѣйствіи страстей общительныхъ брови подымаются по срединѣ, между тѣмъ какъ ротъ возвышаетъ только свои края; въ страстяхъ скорбныхъ возвышеніе происходитъ только по срединѣ рта, а брови, сближаясь вмѣстѣ, образуютъ отвѣсныя морщины. Ощущеніе физической боли сопровождается опущеніемъ бровей и краевъ рта.

Дугообразныя брови соотвѣтствуютъ женской скромности и простодушію, почти прямолинейныя — характеру мужествен-

Digitized by Google

ному и сильному; если онѣ горизонтальны и нѣсколько выгнуты, то это знакъ ума сильнаго, соединеннаго съ добродушіемъ.

Жосткость и безпорядочность бровей всегда означаютъ неукротимую пылкость, а безпорядочность съ мягкостью — пылкость умѣренную.

У людей съ характеромъ нѣжнымъ, покорнымъ, никогда не встрѣчаются брови безпорядочныя, щетинистыя.

Тонкія, едва замѣтныя брови принадлежатъ флегматикамъ, тѣлосложенію слабому; напротивъ того, густыя, плотныя брови, которыхъ волосы расположены паралельно, бываютъ бо́льшею частію признакомъ надежнаго здоровья.

Соединяющіяся брови считаются нѣкоторыми признакомъ красоты и характера покорнаго; но Лафатеръ, отвергая и то и другое, утверждаетъ, что это свойство дѣлаетъ лицо нахмуреннымъ и даже заставляетъ нѣсколько подозрѣвать неспособность къ сильному умственному и нравственному развитію.

«Никогда — говоритъ онъ — не видѣлъ я людей глубокомысленныхъ, строгихъ, разсудительныхъ съ тонкими, далеко отъ глазъ идущими бровями, которыя дѣлятъ лобъ на двѣ почти равныя части. Чѣмъ онѣ ближе къ глазамъ, тѣмъ характеръ тверже и спокойнѣе».

Брови угловатыя, составляющія ломаную линію, свойственны людямъ съ умомъ дѣятельнымъ, изобрѣтательнымъ; легкая дугообразность, при удаленіи бровей другъ отъ друга, доказываетъ памятливость, свѣтлость ума.

При костистомъ лбѣ черныя, густыя, опущенныя къ вискамъ брови обыкновенно сопровождаются рѣзкою, продолговатою морщиною на щекѣ; эта черта, при малѣйшемъ движеніи, выражаетъ презрѣніе, надменность, холодное пренебреженіе.

Цвѣтъ бровей соотвѣтствуетъ цвѣту волосъ, но противоположность ихъ бросаетъ на лицо совершенно отличный оттѣнокъ: темныя брови при бѣлокурыхъ волосахъ придаютъ жизненность, одушевленіе; свѣтлыя, при волосахъ темнаго цвѣта, напротивъ, сообщаютъ вялость, безжизненность.

Глаза. Физіономическое значеніе этой важнѣйшей части лица заключается въ ихъ положеніи, формѣ, цвѣтѣ и блескѣ.

Въ отношенія къ положенію глаза: 1) бываютъ болѣе или менѣе углублены, смотря потому, болѣе или менѣе выдаются кости бровей, висковъ и скулъ; 2) болѣе или менѣе удалены

Digitized by Google

одинъ отъ другого, смотря по пространству промежутка (междуглазія), занимаемаго между ними носомъ; 3) болѣе или менѣе выпуклы, что́ частію зависитъ отъ ихъ собственной формы, но еще болѣе отъ ихъ отношенія къ глазницѣ, и наконецъ, 4) внѣшнія и внутреннія точки соприкосновенія верхней и нижней вѣки могутъ находиться между собою въ трехъ отношеніяхъ: эти всѣ четыре точки расположены или на одной прямой линіи (оси), или внѣшнія точки выше нижнихъ (какъ у китайцевъ), или ниже ихъ.

Въ положеніи глазъ обращаютъ на себя особенное вниманіе ихъ подвижность и неподвижность. Какъ та, такъ и другая бываютъ или дѣйствительныя, или страдательныя, то есть совершаются по нашему произволу или независимо отъ воли. Глазъ, видя предметъ, можетъ слѣдить его своимъ взглядомъ; но сильное пораженіе его какимъ-нибудь предметомъ, напримѣръ блескомъ огня, насильно принуждаетъ его къ движенію. Въ первомъ случаѣ подвижность его будетъ дѣйствительная, въ послѣднемъ страдательная. Страдательная неподвижность глазъ есть бо́льшею частію явленіе болѣзненное или доказывающее чрезмѣрную физическую слабость индивидуума; несравненно важнѣе неподвижность дѣйствительная, обнаруживающая усиленную внимательность. Она требуетъ энергическаго дѣйствія воли; такъ напримѣръ, трудно устремить глазъ на одинъ предметъ, когда множество другихъ развлекаетъ его.

Форма глазного яблока у всѣхъ людей почти кругла; наружный же продолговатый видъ глазъ зависитъ отъ растворенія вѣкъ. Отъ этого растворенія, или отъ бо́льшей или мѐньшей окружности вѣкъ, происходитъ то, что какъ бѣлокъ, такъ раекъ и зрачекъ глаза бываютъ болѣе или менѣе видны. Иногда промежутокъ глазного яблока и бровной кости бываетъ довольно значителенъ; тогда верхняя вѣка неминуемо бываетъ болѣе или менѣе, смотря по его выпуклости.

Цвѣтъ глазъ бываетъ собственно только двухъ родовъ: голубой и карій (коричневый). Остальные цвѣта: синій, сѣрый, зеленый, жолтый, составляютъ только различные переходные оттѣнки этихъ двухъ главныхъ цвѣтовъ. Глаза, обыкновенно называемые черными, принадлежатъ къ самымъ темнымъ оттѣнкамъ этихъ двухъ первоначальныхъ цвѣтовъ, и дѣйствитель-

Digitized by Google

но, они бываютъ или темно-коричневаго, или темно-синяго отлива; ихъ кажущаяся чернота происходитъ отъ особенно яркаго ихъ блеска и противоположности съ бѣлкомъ. Вообще думаютъ, что между цвѣтомъ лица, волосъ и глазъ существуетъ постоянное аналогическое отношеніе. Это замѣчаніе справедливо только вообще, но мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ многочисленныя исключенія изъ этого общаго правила, особенно въ людяхъ съ черными волосами. Оно основывается на общепринятомъ раздѣленіи людей на блондиновъ—съ глазами голубыми, волосами свѣтлыми и бѣлою кожею, и на брюнетовъ—съ черными глазами и волосами и смуглою кожею; но кто не видѣлъ бѣлокурыхъ съ глазами карими, и голубыхъ и сѣрыхъ глазъ у людей черноволосыхъ? Къ этимъ двумъ главнымъ оттѣнкамъ цвѣта глазъ должно присоединить красный, встрѣчаемый у альбиносовъ. Это явленіе происходитъ оттого, что отъ недостатка цвѣтности глазъ, свѣтъ, проходя чрезъ кровоносные сосуды ихъ, отражаетъ красный цвѣтъ содержащейся въ нихъ крови. Въ слабой степени эта принадлежность альбинизма замѣтна у людей съ рыжими волосами.

Блескъ глазъ заключается въ бо̀льшей или мѐньшей способности отражать лучи свѣта; чѣмъ гуще цвѣтъ зрачковъ, тѣмъ ярче искристый блескъ, который они отбрасываютъ, и на оборотъ, чѣмъ болѣе въ нихъ стеклянной прозрачности, тѣмъ тусклѣе ихъ взгляды. Мы не беремся рѣшить, справедливо ли мнѣніе (хотя и вѣримъ ему на-слово), что блескъ этотъ происходитъ отъ электрической струи, выбрасываемой глазомъ, и особенно сильной, когда животное находится подъ вліяніемъ напряженнаго дѣйствія побужденій, желаній и т. п. Дѣйствительно, яркость блеска находится въ прямомъ отношеніи къ постоянной энергичности внутреннихъ свойствъ человѣка и его временного раздраженнаго состоянія. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводятъ достовѣрный фактъ, что нѣкоторыя африканскія змѣи грознымъ взглядомъ своимъ наводятъ такой страхъ на животныхъ, даже устремляя его на далекомъ растояніи, что они останавливаются, какъ-будто пораженныя, цѣпенѣютъ и бываютъ не въ-силахъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Бѣлки и другія животныя, испуская жалобный крикъ, падаютъ съ деревьевъ въ открытую пасть страшнаго чудовища, которое, лежа на землѣ, слѣдитъ глазами за этимъ паденіемъ.

Digitized by Google

Бюффонъ говоритъ, что въ глазахъ особенно отражаются наши тайныя мысли и душевное волненіе, что глаза принадлежатъ душѣ болѣе, чѣмъ какой-нибудь другой органъ, и какъ-будто раздѣляютъ всѣ ея движенія; въ нихъ выражаются и самыя бурныя страсти и ощущенія самыя пылкія и нѣжныя; они передаютъ чувства во всей ихъ первородной силѣ и чистотѣ и сообщаютъ другимъ людямъ во всей живости.

По мнѣнію Моро, три рода жизненныхъ отправленій человѣка, физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ, соотвѣтствуютъ извѣстнымъ частямъ лица. Лобъ есть область жизни умственной; часть лица отъ глазъ до нижней губы и челюсти принадлежатъ животной чувственности; но въ самыхъ глазахъ отражается и умственная и нравственная жизнь человѣка.

Дѣйствительно, глаза и ротъ, какъ мы сказали, составляютъ могущественнѣйшее средство для выраженія внутреннихъ ощущеній нашихъ; ни одна мысль, никакая страсть и побужденіе не могутъ дѣйствовать въ насъ безъ участія глазъ. Какъ иногда ни повинуются они притворнымъ усиліямъ нашимъ дать имъ выраженіе противоположное ощущенію; но они высказываютъ его вопреки нашему желанію: глазъ всегда есть первый обличитель внутренняго волненія.

Главнѣйшая сила выразительности глазъ заключается въ ихъ подвижности и блескѣ. На эти-то два свойства и должно быть обращено все вниманіе физіономиста, такъ-какъ остальныя содѣйствуютъ преимущественно красотѣ глазъ. Подвижность и блескъ устремлены къ тому, чтобы выразить сущность и характеръ мысли и ощущенія, и соединеніемъ дѣйствія этихъ обоихъ свойствъ глаза образуется то неопредѣленное je ne sais quoi, которое мы называемъ взглядомъ,—то произведеніе дѣятельности глаза, по которому, говоря словами Декарта, самые слуги узнаютъ расположеніе духа своего господина, но чего этотъ Коломбъ человѣческаго мышленія не взялся изобразить словами. Языкъ глазъ понятенъ только глазамъ, какъ языкъ мысли и сердца, откуда исходитъ онъ, понятенъ только мысли и сердцу. Этотъ органъ служитъ телеграфомъ, котораго вся азбука составлена почти только изъ двухъ знаковъ: блеска и подвижности, получающихъ смыслъ отъ большей или меньшей стремительности и живости при ихъ употребленіи. И слово человѣческое, стараясь опредѣлить значеніе различныхъ взгля-

Digitized by Google

дѣвъ, напрасно силится изобразить ихъ: ихъ увѣковѣчиваетъ только одна живопись. Въ-самомъ-дѣлѣ, достигаемъ ли мы цѣли, называя взглядъ многочисленными болѣе или менѣе поэтическими эпитетами: нѣжнымъ, благосклоннымъ, дружескимъ, замирающимъ, сладострастнымъ, гордымъ, жестокимъ, страннымъ, добродушнымъ, проницательнымъ, твердымъ, холоднымъ, пламеннымъ, ледянымъ, свинцовымъ, нерѣшительнымъ и т. д.? Безъ сомнѣнія, мы понимаемъ всѣ эти слова, какъ выраженія условныя, но сущность взгляда остается неизобразимою.

Выразительность глазъ находитъ сильное дѣйствіе въ слезахъ, происходящихъ отъ раздраженія слезныхъ железокъ. — Замѣтимъ, что раздражительность ихъ въ нармальномъ состояніи находится въ прямомъ отношеніи къ слабости организаціи. Такъ дѣти въ огорченіи, испугѣ и гнѣвѣ равно выражаютъ свое внутреннее волненіе слезами; у нихъ даже радость извлекаетъ слезы, и это явленіе продолжается и въ юношескомъ возрастѣ. Женщины, вообще столько уступающія въ силѣ мужчинамъ, находятъ въ слезахъ облегченіе самымъ разнообразнымъ ощущеніямъ. Извѣстно, что олень, будучи не въ состояніи спастись отъ преслѣдующихъ его охотничьихъ собакъ, останавливается, плачетъ и дрожитъ отъ страха; лошадь и собака также плачутъ подъ ударами наказанія. Наконецъ мужчина, столько гордый и смѣлый, льетъ слезы, когда разумъ и воля его, обезсиленные борьбою, должны покориться неотвратимому закону необходимости.

Однако слезливость часто бываетъ слѣдствіемъ привычки, и вѣроятно многіе, воспитывавшіеся въ учебныхъ заведеніяхъ, хорошо знаютъ, что часто самые лѣнивые воспитанники, отличающіеся дурнымъ поведеніемъ, прибѣгаютъ къ слезамъ съ цѣлію избавиться отъ наказанія, притворнымъ раскаяніемъ, вымаливая себѣ прощеніе.

Изъ числа частныхъ болѣе характеристическихъ признаковъ глазъ мы укажемъ на слѣдующіе:

Глаза голубые, особенно свойственные лимфатическому темпераменту съ примѣсью болѣе энергическаго элемента, предполагаютъ болѣе мягкости характера, часто слабости, женственности (у мужчинъ), чѣмъ глаза черные. Хотя, безъ сомнѣнія, это не можетъ служить общимъ правиломъ, потому-что есть много людей съ голубыми глазами весьма энергическихъ, однако обы-

Digitized by Google

кновенно темноцвѣтные глаза чаще составляютъ признакъ характера твердаго. Въ числѣ исключеній можно упомянуть о китайцахъ, народѣ самомъ изнѣженномъ, мирномъ, мягкохарактерномъ и лѣнивомъ, между тѣмъ какъ у нихъ голубые глаза принадлежатъ къ большимъ рѣдкостямъ. Новое доказательство, что отдѣльные признаки не могутъ вести къ положительно-правильному заключенію.

Большіе, свѣтло-голубые, почти прозрачные глаза означаютъ понятливость, чувствительность, склонность къ ревности и пристрастію.

Люди, расположенные къ гнѣву, могутъ имѣть глаза разныхъ цвѣтовъ, но рѣдко голубые, чаще темно-каріе, желтоватые и зеленоватые.

Глаза большіе, открытые, блестящіе, быстро подвижные, заключенные между вѣками, не широкими, но рѣзко обрисованными, доказываютъ проницательность, вкусъ, щеголеватость и любовь къ женщинамъ.

Если вѣка, проходя почти прямою горизонтальною линіею, діаметрально перерѣзываетъ зрачекъ, то должно предполагать хитрость, дальновидность, но часто при характерѣ благородномъ. Хитрые люди большею частію полузакрываютъ глаза свои, но такое прищуриваніе часто можетъ просто означать слабость зрѣнія.

Маленькіе, тусклые глаза, слишкомъ углубленные, и лобъ, костистый, перпендикулярный, но рѣзко закругленный сверху и снизу, принадлежатъ людямъ, исполненнымъ благоразумія и проницательности, но гордымъ, подозрительнымъ и холоднымъ.

Глаза открытые, очень выпуклые, при физіономіи вялой, означаютъ упрямство безъ твердости, глупость съ притязаніями на умъ, характеръ, прикидывающійся пылкимъ, но въ сущности холодный и способный только къ непродолжительному одушевленію.

Наблюдательные люди, особенно если они поражены и удивлены тѣмъ, что видятъ и слышатъ, часто ощущаютъ внезапное движеніе во внѣшнемъ углу глаза, при чемъ вѣки обыкновенно сжимаются.

Носъ. Эта часть тѣла въ общежитіи подвергается часто самымъ разнообразнымъ насмѣшкамъ; такъ многихъ «водятъ за носъ», иные «остаются съ носомъ», у однихъ предѣлъ мудро-

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ети ограничивается «концомъ носа», другіе ничего «не видятъ даже подъ своимъ носомъ». Несмотря однакоже на эту странную свѣтскую репутацію, носъ въ мнѣніи Лафатера стоитъ очень высоко.

Что касается до насъ, то мы полагаемъ, что относительно выразительности носъ имѣетъ весьма маловажное физіономическое значеніе, такъ-какъ подвижность его, вообще весьма ограниченная, не имѣетъ самобытнаго, положительнаго смысла, а служитъ дополненіемъ выразительности рта. Поэтому мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе нашихъ читателей только на отношеніе носа къ красотѣ лица и тѣлосложенію, единственныя два обстоятельства, изъ которыхъ можно сдѣлать сколько-нибудь любопытные выводы.

Красивый носъ своей длиною составляетъ также, какъ и лобъ, треть всего лица; отъ лба должна отдѣлять его небольшая впадина; крестецъ его, ограниченный почти паралельными, по срединѣ нѣсколько выдающимися линіями, долженъ быть нѣсколько широкъ; конецъ его быть ни жосткимъ, ни мясистымъ, ни острымъ, ни толстымъ; ноздри должны отличаться формою, округленною и рѣзко обрисованною.

Между тѣмъ красивый носъ составляетъ большую рѣдкость, и сколько есть лицъ, которыхъ красота страдаетъ отъ дурного образованія носа! Лафатеръ говоритъ, что на тысячу прекрасныхъ глазъ попадается одинъ вполнѣ прекрасный носъ. Но эта некрасивость не мѣшаетъ людямъ имѣть много нравственныхъ и умственныхъ достоинствъ. Можно быть безобразнымъ и отличаться красотою глазъ, но замѣчательно, что прекрасный носъ никогда не встрѣчается на дурномъ лицѣ.

Носъ состоитъ изъ двухъ частей: твердой и мягкой. Въ отношеніи къ красотѣ его образованія обѣ онѣ чрезвычайно важны, но о тѣлосложеніи можно судить исключительно только по образованію его кости. Такъ широкій, толстый крестецъ его означаетъ тѣлосложеніе сильное, и на оборотъ, слабый организмъ отличается мягкостію, нѣжностію, тонкостію кости носа. Слѣдовательно, различные виды толстыхъ и тонкихъ носовъ, по аналогіи съ темпераментомъ, могутъ вести къ болѣе или менѣе положительному заключенію о твердости и мягкости, упорствѣ и нѣжности, грубости и чувствительности самого характе-

Digitized by Google

ра. Въ этомъ отношеніи полезно сравненіе однородныхъ носовъ у мужчинъ и женщинъ.

Говорятъ, что маленькіе, вздернутые носы означаютъ насмѣшливость и заносчивость, а равно носы съ широкимъ и вздернутымъ концемъ служатъ признакомъ природы страстной. Эти оба явленія, по нашему мнѣнію, составляютъ не болѣе, какъ случайность, изъ которой есть множество исключеній.

Ротъ. Онъ можетъ быть разсматриваемъ относительно устройства, съ двухъ сторонъ: внѣшней и внутренней.

Во внѣшней сторонѣ должно обращать вниманіе:

1) На образованіи верхней и нижней губы, т. е. того пространства, которое покрыто тонкою розовою кожицею. Обѣ онѣ могутъ быть болѣе или менѣе толсты и выпуклы, то есть онѣ могутъ выдаваться впередъ или казаться какъ бы вдавленными и насильно стиснутыми, при чемъ выдается или только одна верхняя, или нижняя губа, или обѣ вмѣстѣ.

2) На линію, происходящую отъ ихъ соприкосновенія, и разтвореніе рта.

3) На разстояніе отъ верхней губы до основанія носа. Если оно чрезмѣрно велико, то лицо лишается своей опредѣленной пропорціональности, т. е. пространство нижней части его становится длиннѣе одной трети всей его величины, и слѣдовательно средней и верхней части, носа и лба. Близость носа къ глазамъ всегда неразлучна съ чрезмѣрной длиною верхней губы.

4) На центральную линію рта, разрѣзывающую его на двѣ части, правую и лѣвую, и на крайнія точки ихъ постояннаго соединенія.

Расположеніе этихъ частей опредѣляетъ очертаніе рта, правильность и граціозность котораго составляютъ главнѣйшія свойства красоты его.

Части внутренней стороны рта суть: челюсти съ зубами, нёбо, языкъ и гортань, которая соединяется съ полостями носа, ушей и горла.

Наконецъ ротъ есть одинъ изъ органовъ голоса, съ его двумя видами, произношеніемъ и пѣніемъ.

Будутъ ли губы тверды, мягки, подвижны, мертвенны, но онѣ всегда соотвѣтствуютъ характеру: онъ также сообразно съ этими свойствами губъ энергиченъ, нѣженъ, живъ, холоденъ.

Digitized by Google

Ротъ правильно образованный, величины соразмѣрной, раздѣленный на двѣ симметрическія части, очерченныя легковолнистою линіею, не совмѣстенъ съ характеромъ низкимъ, лживымъ и злымъ. Въ этомъ случаѣ, смотря по большей или меньшей выпуклости губъ, можно подозрѣвать только большую или меньшую сладострастность.

Большія хотя и пропорціональныя губы обнаруживаютъ или отсутствіе нѣжности, или скупость, или чувственность, иногда даже глупость и злость.

Сжатый ротъ, котораго разрѣзъ идетъ по прямой линіи и губы плоски, узки, есть знакъ хладнокровія, точности и любви къ порядку. Если при тѣхъ же свойствахъ онъ вздернутъ у крайнихъ точекъ, то предполагается суетливость, притворство и отчасти насмѣшливость.

Мясистыя губы всегда означаютъ расположеніе къ лѣности и чувственности, прикусанныя и рѣзко обрисованныя —робость и скупость.

Если верхняя губа нѣсколько выдается впередъ, то отличительное свойство характера есть доброта; тоже иногда бываетъ, если и нижняя губа имѣетъ такое же положеніе, но тогда встрѣчается скорѣе холодное добродушіе, чѣмъ живая нѣжность.

Нижняя губа, съ разрѣзомъ по срединѣ, принадлежитъ веселымъ людямъ. Посмотрите внимательно на весельчака въ минуту, когда онъ хочетъ сказать остроту: середина нижней губы его всегда нѣсколько опускается и раздваивается.

Ротъ крѣпко сжатый означаетъ мужество; въ случаяхъ, когда нужно доказать твердость и безстрашіе, люди, имѣющіе обыкновеніе держать ротъ открытымъ, всегда закрываютъ его.

Открытый ротъ выражаетъ жалобу, закрытый — твердую терпѣливость.

Большой промежутокъ между верхнею губою и носомъ означаетъ недостатокъ благоразумія отъ излишней откровенности.

Знаменитый живописецъ Лебрёнъ замѣчаетъ, что ротъ особенно выражаетъ сердечныя ощущенія: «въ жалобѣ — говоритъ онъ — края его опускаются, при удовольствіи — они поднима-

Digitized by Google

ются; при отвращеніи ротъ выдается впередъ и подымается по срединѣ.»

Граціозность улыбки, соотвѣтствующая живости и откровенности взгляда, есть вѣрнѣйшій признакъ отмѣнно добраго характера. Поэтому было бы неблагоразумно вѣрить человѣку, который никогда не улыбается съ пріятностію.

Извѣстно, что слишкомъ живыя впечатлѣнія ослабляютъ голосъ. Лафатеръ справедливо замѣчаетъ, что притворный звукъ голоса непріятнымъ образомъ поражаетъ изощренный слухъ. Плоское тѣлосложеніе и вдавленная грудь всегда означаютъ слабость голоса. Невѣрный, дребезжащій голосъ характеризуетъ или трусость, или лживость.

О зубахъ мы не скажемъ ни слова, потому-что въ физіономическомъ отношеніи мы не приписываемъ имъ никакого значенія; все, что ни замѣчается въ нихъ, относится только къ красотѣ лица, здоровью и благовоспитанности.

Подбородокъ образуется костью нижней челюсти и бываетъ трехъ родовъ:

1) Онъ или выдается впередъ, далѣе нижней губы,

2) Находится наравнѣ съ губами, или

3) Отдается назадъ.

Въ первомъ случаѣ онъ означаетъ болѣе мужественное развитіе, въ послѣднемъ—болѣе женственное. Подбородки второго разряда, по мнѣнію Лафатера, заслуживаютъ наиболѣе довѣрія.

Остроконечный подбородокъ обыкновенно считается знакомъ хитрости, но встрѣчается часто и у людей совершенно честныхъ; тогда онъ доказываетъ добродушную тонкость.

Подбородокъ мягкій, мясистый, двуярусный составляетъ принадлежность людей чувственныхъ.

Угловатые подбородки бываютъ только у людей умныхъ, твердыхъ и доброжелательныхъ; плоскіе предполагаютъ холодность и сухость; маленькіе — робость; круглые съ ямкой — доброту.

Уши, щоки, кожа, волосы. Уши, принадлежа къ важнѣйшимъ частямъ тѣла человѣческаго по своему акустическому значенію, не представляютъ ничего любопытнаго въ отношеніи физіономическомъ.

Digitized by Google

Моро утверждаетъ, что, какъ видно изъ наблюденій надъ различными животными, форма и выпуклость скулы обыкновенно гораздо болѣе крѣпки и рѣзки у животныхъ плотоядныхъ, хищныхъ, и потому онъ принимаетъ большое развитіе этой части за признакъ силы. Дѣйствительно, у большей части преступниковъ, отличавшихся какъ жестокостію, такъ и силою воли, замѣтна особенная выпуклость скулъ.

Полныя, мясистыя щоки доказываютъ вообще сырое тѣлосложеніе и наклонность къ чувственнымъ побужденіямъ, напротивъ того, худыя и втянутыя означаютъ сухость, но такъ-какъ часто худощавость есть слѣдствіе не одного тѣлосложенія, а образа жизни, горя, трудовъ, лишеній; то въ этомъ отношеніи мы напомнимъ читателямъ высказанную нами выше мысль, что мягкія части лица обозначаютъ преимущественно то употребленіе, какое человѣкомъ было дѣлано въ продолженіи жизни изъ его природныхъ дарованій.

Всѣ выраженія различныхъ ощущеній нашихъ пріобрѣтаютъ еще болѣе краснорѣчивости отъ измѣненій кожи, которая то краснѣетъ, то блѣднѣетъ, и переходитъ иногда отъ одного изъ этихъ состояній въ другое съ такою быстротою, что можетъ служить объясненіемъ внутреннихъ ощущеній и не только дополнять наблюденія физіономиста надъ различными частями лица, но даже быть первымъ указателемъ нравственныхъ потрясеній.

Постоянная болѣе или менѣе легкая живость цвѣта лица есть вообще признакъ наклонности къ гнѣву и запальчивости или откровенности. Цвѣтъ блѣдный, желтоватый всегда признавался доказательствомъ чувствительности, возвышенности души, иногда большой нравственной силы, страстности, равно способной на великіе подвиги, какъ и на страшныя преступленія.

Волосы представляютъ множество различій, относящихся къ возрасту, полу, темпераменту, климату, а равно различій индивидуальныхъ. По мнѣнію физіономистовъ, ихъ жосткость и мягкость, оттѣнки въ цвѣтѣ, сухость, тонкость и проч. составляютъ особенности, которыя заслуживаютъ вниманія при опредѣленіи какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ свойствъ людей. Многія измѣненія ихъ зависятъ отъ различныхъ обстоятельствъ: сильныя, бурныя страсти, нервическія болѣзни,

Digitized by Google

страхъ, горесть, невозлерпимость, постоянныя умственныя занятія бываютъ причиною ихъ паденія и сѣдины. Они означаютъ также энергичность и слабость человѣка. Лафатеръ называетъ волосами благородными золотисто-жолтые или темновато-бѣлокурые, нѣсколько блестящіе и вьющіеся.

Черные волосы, плоскіе, отъ природы невьющіеся, густые, грубые, показываютъ недостатокъ ума, но прилежаніе и любовь къ порядку. Если они тонки и растутъ на головѣ полуплешивой, которой лобъ возвышенъ и правильно окруженъ, то часто они служатъ признакомъ ума здраваго и свѣтлаго, но неизобрѣтательнаго и не остраго.

Бѣлокурые волосы вообще составляютъ принадлежность тѣлосложенія нѣжнаго, сангвиническаго и лимфатическаго. Рыжими волосами отличаются люди или совершенно добрые или совершенно злые.

Поразительная противоположность между волосами на головѣ, бровяхъ, бородѣ и усахъ внушаетъ недовѣрчивость.

Тѣлодвиженія. Тѣлодвиженія, составляющія, какъ мы сказали, одинъ изъ способовъ выраженія и служащія основаніемъ языка мимическаго, производятся оконечностями или членами, которыхъ главнѣйшее, первоначальное назначеніе есть удовлетвореніе потребностей. Эти оконечности, будучи устроены у человѣка несравненно съ бо́льшимъ совершенствомъ, нежели у животныхъ, даютъ ему удивительное надъ ними превосходство. Болѣе разнообразныя, онѣ не только поставляютъ его въ возможность производить механическія движенія, но особенно важны въ приложеніи къ его умственной изобрѣтательности и къ выраженію его ощущеній.

Движенія какъ нижнихъ, такъ и верхнихъ оконечностей тѣла имѣютъ четыре вида: первыя — ходьба, бѣгъ, скаканіе и колѣнопреклоненіе; вторыми человѣкъ или обнимаетъ и беретъ предметы, или удаляетъ и отталкиваетъ ихъ, или прижимаетъ ихъ книзу, или поднимаетъ кверху. Всѣ эти движенія какъ верхнихъ, такъ и нижнихъ оконечностей имѣютъ многоразличныя значенія въ отношеніи къ выраженію внутреннихъ ощущеній и столько извѣстны, что мы не считаемъ даже нужнымъ обращать вниманіе нашихъ читателей на подробное объясненіе ихъ.

Digitized by Google

Особеннаго замѣчанія заслуживаютъ руки, это орудіе, которымъ человѣкъ такъ неизмѣримо возвышается надъ прочими животными.

Совершенство тѣлодвиженія, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ бо́льшаго или мѐньшаго совершенства въ устройствѣ оконечностей. Вообще можно сказать, что чрезмѣрная толщина или тонкость, длина и короткость членовъ представляютъ важныя неудобства. Красивость пріемовъ и положеній, граціозность, независимо отъ природныхъ свойствъ оконечностей, зависятъ преимущественно отъ воспитанія, а слѣдовательно и отъ того общества, въ которомъ мы находимся. Чѣмъ болѣе природности, нѣжности, разнообразія въ тѣлодвиженіяхъ, тѣмъ они доказываютъ болѣе благородства въ нравахъ, обращеніи и привычкахъ; но сколько есть и обманчиваго въ этой свѣтской щеголеватости, такъ называемой пріятности, изяществѣ пріемовъ. Вѣрно разбирать смыслъ природы, выраженный буквами свѣтской образованности, принадлежитъ къ труднѣйшимъ задачамъ физіономиста.

Представляемъ нѣсколько подробностей о значеніи нѣкоторыхъ движеній

Все существованіе наше составляетъ безпрерывный переходъ отъ бездѣйствія къ дѣятельности, отъ волненія къ спокойствію. Этотъ переходъ, при физіологическихъ наблюденіяхъ, заслуживаетъ большого вниманія, потому-что часто въ немъ скрывается ключъ къ объясненію нравственнаго состоянія людей, которое обнаруживается иногда прежде, нежели дѣйствіе страсти, желанія и т. д. можетъ достигнуть высшей степени своего развитія. Такъ напримѣръ къ числу положеній, наиболѣе показывающихъ совершенное душевное спокойствіе, принадлежитъ то, когда человѣкъ сидитъ, полулежа, облакачиваясь назадъ, съ руками, сложенными на груди, закинувъ одну ногу на другую. Переходъ отъ этого положенія къ дѣятельности происходитъ не вдругъ, а постепенно, и съ тою быстротою, какой требуетъ важность предмета, возбуждающаго къ дѣятельности; онъ заключается въ обращеніи вниманія къ этому предмету устремленіемъ на него глазъ, послѣ чего разнимаются руки и ноги, какъ части, наиболѣе подвижныя, станъ выпрямляется, нѣсколько подаваясь впередъ, руки опираются на колѣни.....

Digitized by Google

Разнородность ощущеній производитъ разнородность въ движеніяхъ: мы привлекаемъ или отталкиваемъ отъ себя предметы, смотря потому впечатлѣнію, какое они на насъ производятъ. Такъ въ изъявленіяхъ дружбы употребляемъ пожатіе руки, поцалуй и обниманіе.

Въ скукѣ, грусти, горести человѣкъ ослабѣваетъ и, выражаясь общепринятымъ словомъ, «опускается»: голова наклоняется впередъ или въ сторону, руки упадаютъ, глаза обращены къ землѣ, все тѣло какъ-будто угнетено невидимою тяжестію; движенія его становятся медленны, безжизненны; походка невѣрна, не имѣетъ опредѣленнаго направленія....

Мы заключимъ это краткое объясненіе тѣлодвиженій словами Лафатера: «Я утверждаю»—говоритъ онъ—«что вѣрное изображеніе десятковъ двухъ удачно выбранныхъ положеній нашего тѣла, въ минуты, когда мы думаемъ, что никто не наблюдаетъ за нами, могло бы привести насъ къ познанію самихъ себя и составить источникъ полезныхъ замѣчаній; можетъ быть, болѣе ничего бы не было нужно для полнаго понятія о характерѣ всякаго человѣка».

Далѣе онъ присовокупляетъ: «Нѣтъ ничего многозначительнѣе движеній, сопровождающихъ положенія тѣла и походку. Естественныя и придуманныя, быстрыя и медленныя, страстныя и холодныя, важныя и шутливыя, благородныя и низкія, смѣлыя и робкія, граціозныя, величественныя, льстивыя, грозныя движенія могутъ измѣняться до безконечности. Учитесь различать и схватывать всѣ ихъ оттѣнки, и вы сдѣлаете большой шагъ въ физіономическихъ познаніяхъ. Удивительное согласіе, существующее между походкою, голосомъ и тѣлодвиженіями, никогда не бываетъ обманчиво».

Да и не только походка, голосъ и тѣлодвиженія отличаются этимъ согласіемъ: вся наружность человѣка отмѣчена печатью единства; умѣйте только проникнуть въ смыслъ ея формъ, разнообразныхъ до безконечности, но образующихъ одно цѣлое. Безъ сомнѣнія, мы, ни начиная, ни оканчивая этотъ на-скоро набросанный очеркъ основныхъ началъ физіономики, не имѣли притязанія дать ключъ къ разгадкѣ таинственнаго значенія лицъ, которыя мелькали и будутъ мелькать передъ глазами нашихъ читателей. Нѣтъ, немногія страницы слишкомъ недостаточны для того, чтобы исчерпать бездну таинственности человѣческой

Digitized by Google

физіономіи. Природа не такъ проста, хотя и очень часто ее называютъ простою. Люди давно вооружились тщедушными фразами въ родѣ древняго: «познай самого себя», и засѣвши, какъ въ сильной крѣпости, за ширмами своей самонадѣянности, произносятъ рѣшительные приговоры надъ себѣ подобными; но этотъ отъ начала міра познающій себя и познаваемый человѣкъ медленно разоблачаетъ свои свойства: только времени, генію и тяжелому, долгому, усиленному труду науки уступаетъ онъ мало-по-малу; и не безъ борьбы, не безъ заблужденій и наука, и геній, и время совершаютъ свои завоеванія. Не быстрый взглядъ на лицо человѣка выскажетъ вамъ его характеръ, его тайныя внутреннія свойства, которыя и для него самого часто остаются необъяснимыми, а вѣрныя отчетливыя указанія науки, подкрѣпленныя долгимъ упражненіемъ. Конечно, мы имѣли намѣреніе не составить кодексъ правилъ физіономики, а только обратить вниманіе читателей на ея основанія и возбудить въ нихъ охоту искать болѣе вѣрныхъ и положительныхъ свѣдѣній у тѣхъ физіономистовъ, которые посвятили многіе годы своей жизни изученію организаціи человѣка, со всѣми разнообразными внутренними и внѣшними ея свойствами. Но прибавимъ, что и читая одни мертвыя, хотя и краснорѣчивыя, страницы ихъ сочиненій, невозможно сдѣлаться физіономистомъ; для этого необходимъ еще опытъ, практическое примѣненіе правилъ и общихъ замѣчаній, и сравненіе однородныхъ физіономій между собою. Одно для насъ остается несомнительнымъ: тотъ, кто прочтетъ съ полнымъ вниманіемъ хотя одно физіономическое сочиненіе, не отважится на опрометчивое сужденіе о личности человѣка по его наружности, потому-что онъ непремѣнно убѣдится въ трудности опредѣленія физіономическихъ признаковъ; а опытъ покажетъ ему, что это искусство требуетъ, кромѣ природной проницательности, еще и постояннаго, напряженнаго вниманія при разсматриваніи лица, привычки отдавать отчетъ во всѣхъ явленіяхъ жизни, которыя такъ быстро, такъ неуловимо совершаются передъ нашими глазами на каждомъ шагу въ ежедневныхъ общественныхъ сношеніяхъ нашихъ. Поэтому для начальныхъ опытовъ чрезвычайно полезно наблюдать какъ живыя физіономіи людей, которые коротко знакомы наблюдателю, такъ и ихъ портреты: въ этомъ случаѣ внутреннія свойства будутъ служить указаніемъ свойствъ внѣшнихъ. Послѣ

Digitized by Google

опытовъ неудачныхъ, легко убѣдиться, какъ опасно при сужденіи о людяхъ поддаваться внушенію инстинкта, на непогрѣшительность котораго такъ многіе надѣются, и, наоборотъ, счастливые опыты докажутъ, что физіономика не есть наука мечтательная, праздная забава, а знаніе положительное и важное, хотя и далеко несовершенное.

Задача наша кончена. Предоставляемъ самимъ читателямъ, руководствуясь нашими указаніями, отъискать въ разнородныхъ портретахъ, приложенныхъ къ нашему трактату, признаки энергіи, слабости, ума, глупости, добродушія и всего, что встрѣчается въ человѣческихъ характерахъ.

Іюнь 1848 г.

Digitized by Google

СОНЪ ОБЛОМОВА.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ НЕКОНЧЕННАГО РОМАНА.

Digitized by Google

Digitized by Google

СОНЪ ОБЛОМОВА.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ НЕКОНЧЕННАГО РОМАНА.

Гдѣ мы? Въ какой благословенный уголокъ земли перенесъ насъ сонъ Обломова? Что́ за чудный край!

Нѣтъ, правда, тамъ моря, нѣтъ высокихъ горъ, скалъ и пропастей, ни дремучихъ лѣсовъ, нѣтъ ничего грандіознаго, дикаго и угрюмаго. Да и зачѣмъ оно, это дикое и грандіозное? Море, напримѣръ? Богъ съ нимъ! Оно наводитъ только грусть на человѣка: глядя на него хочется плакать. Сердце смущается робостью передъ необозримой пеленой водъ и не на чемъ отдохнуть взгляду, измученному однообразіемъ безконечной картины. Ревъ и бѣшеные раскаты валовъ не нѣжатъ слабаго слуха: они все твердятъ свою, отъ начала міра одну и ту же пѣснь мрачнаго и неразгаданнаго содержанія; и все слышится въ ней одинъ и тотъ же стонъ, однѣ и тѣ же жалобы будто обреченнаго на муку чудовища, да чьи-то пронзительные, зловѣщіе голоса. Птицы не щебечутъ вокругъ; только безмолвныя чайки, какъ осужденныя, уныло носятся у прибрежья и кружатся надъ водой.

Безсиленъ ревъ звѣря передъ этими воплями природы, ничтоженъ и голосъ человѣка, и самъ человѣкъ такъ малъ, слабъ, такъ незамѣтно исчезаетъ въ мелкихъ подробностяхъ широкой картины. Отъ этого можетъ быть такъ и тяжело ему смотрѣть

Digitized by Google

на море. Нѣтъ, Богъ съ нимъ, съ моремъ! Самая тишина и неподвижность его не раждаютъ отраднаго чувства въ душѣ: въ едва замѣтномъ колебаніи водяной массы человѣкъ все видитъ ту же необъятную, хоть и спящую силу, которая подъ-часъ такъ ядовито издѣвается надъ его гордой волей и такъ глубоко хоронитъ его отважные замыслы, всѣ его хлопоты и труды.

Горы и пропасти созданы тоже не для увеселенія человѣка. Онѣ грозны, страшны, какъ выпущенные и устремленные на него когти и зубы дикаго звѣря; онѣ слишкомъ живо напоминаютъ намъ бренный составъ нашъ и держатъ въ страхѣ и тоскѣ за жизнь. И небо тамъ, надъ скалами и пропастями, кажется такимъ далекимъ и недосягаемымъ, какъ-будто оно отступилось отъ людей.

Не таковъ мирный уголокъ, гдѣ вдругъ очутился нашъ герой. Небо тамъ, кажется, напротивъ, ближе жмется къ землѣ, но не съ тѣмъ, чтобъ метать сильнѣе стрѣлы, а развѣ только чтобъ обнять ее покрѣпче, съ любовью: оно распростерлось такъ невысоко надъ головой, какъ родительская надежная кровля, чтобъ уберечь, кажется, избранный уголокъ отъ всякихъ невзгодъ.

Солнце тамъ ярко и жарко свѣтитъ около полугода и потомъ удаляется оттуда не вдругъ, точно нехотя, какъ-будто оборачивается назадъ взглянуть еще разъ или два на любимое мѣсто и подарить ему осенью, среди ненастья, или ясный, или теплый день.

Горы тамъ — какъ-будто только модели тѣхъ страшныхъ, гдѣ-то воздвигнутыхъ горъ, которыя ужасаютъ воображеніе. Это рядъ отлогихъ холмовъ, съ которыхъ пріятно кататься рѣзвясь на спинѣ, или, сидя на нихъ, смотрѣть въ раздумьи на заходящее солнце.

Рѣка бѣжитъ весело, таля и играя; она то разольется въ широкій прудъ, то стремится быстрой нитью, или присмирѣетъ, будто задумавшись, и чуть-чуть ползетъ по камешкамъ, выпуская изъ себя по сторонамъ рѣзвые ручьи, подъ журчанье которыхъ сладко дремлется.

Весь уголокъ верстъ на 15 или на 20 вокругъ представлялъ рядъ живописныхъ этюдовъ, веселыхъ, улыбающихся пейзажей. Песчаные и отлогіе берега свѣтлой рѣчки, подбирающійся съ холма къ водѣ мелкій кустарникъ, искривленный оврагъ

Digitized by Google

съ ручьемъ на днѣ и березовая роща, — все какъ-будто было нарочно прибрано одно къ одному и мастерски нарисовано.

Измученное волненіями или незнакомое съ ними сердце такъ и просится спрятаться въ этотъ уголокъ и жить никому невѣдомымъ счастьемъ. Все сулитъ тамъ покойную, долговременную жизнь до желтизны волосъ, и незамѣтную, сну подобную смерть.

Правильно и невозмутимо совершается тамъ годовой кругъ. По указанію календаря, наступитъ въ мартѣ весна, побѣгутъ грязные ручьи съ холмовъ, оттаетъ земля и задымится теплымъ паромъ; скинетъ крестьянинъ полушубокъ, выйдетъ въ одной рубашкѣ на воздухъ и, прикрывъ глаза рукой, долго любуется солнцемъ, съ удовольствіемъ пожимая плечами; потомъ онъ потянетъ опрокинутую вверхъ дномъ телѣгу то за одну, то за другую оглоблю, или осмотритъ и ударитъ ногой праздно лежащую подъ навѣсомъ соху, готовясь къ знакомымъ упражненіямъ. Не возвращаются внезапныя вьюги весной, не засыпаютъ полей и не ломаютъ снѣгомъ деревьевъ. Зима, какъ неприступная холодная красавица, выдерживаетъ свой характеръ вплоть до узаконенной поры тепла. Не дразнитъ неожиданными оттепелями и не гнетъ въ-три-дуги неслыханными морозами. Все идетъ обычнымъ, предписаннымъ природой общимъ порядкомъ. Въ ноябрѣ начинается снѣгъ и морозъ, къ Крещенью усиливается до того, что крестьянинъ, выйдя на минуту изъ избы, воротится непремѣнно съ инеемъ на бородѣ; а въ февралѣ чуткій носъ ужь чувствуетъ въ воздухѣ мягкое вѣяніе весны.

Но лѣто, лѣто особенно упоительно въ томъ краю. Тамъ надо искать свѣжаго, сухого воздуха, напоеннаго.... не лимономъ и не лавромъ, а просто запахомъ травы, сосны и черемухи, — тамъ искать ясныхъ дней, слегка жгучихъ, но не палящихъ лучей солнца и почти въ теченіе трехъ мѣсяцовъ безоблачнаго неба. Какъ пойдутъ ясные дни, то и длятся недѣли три, четыре; и вечеръ тепелъ тамъ, и ночь душна. Звѣзды такъ привѣтливо, такъ дружески мигаютъ съ небесъ. Дождь ли пойдетъ.... какой благотворный лѣтній дождь! хлынетъ бойко, обильно, весело запрыгаетъ, точно крупныя и жаркія слезы внезапно обрадованнаго человѣка! а только перестанетъ, солнце ужь опять съ ясной улыбкой любви осматриваетъ и сушитъ поля и пригорки; и вся страна опять улыбается счастьемъ

Digitized by Google

въ отвѣтъ солнцу. Радостно привѣтствуетъ дождь крестьянинъ: «Дожжичекъ вымочитъ, солнышко высушитъ!» говоритъ онъ, подставляя съ наслажденіемъ подъ теплый ливень и лицо, и плечи, и спину. Грозы не страшны, а только благотворны тамъ: бываютъ постоянно въ одно и тоже установленное время, не забывая почти никогда Ильина дня, какъ-будто для того, чтобъ поддержать извѣстное преданіе въ народѣ. И число и сила ударовъ, кажется, всякой годъ одни и тѣ же, точно какъ-будто отпускалась на годъ на весь край извѣстная мѣра электричества. Ни страшныхъ бурь, ни разрушеній не слыхать въ томъ краю. Въ газетахъ ни разу никому не случилось прочесть чего-нибудь подобнаго объ этомъ благословенномъ Богомъ уголкѣ.

. . . . . .

Не наказывалъ Господь той стороны ни египетскими, ни простыми язвами. Никто изъ жителей не видалъ и не помнитъ никакихъ страшныхъ небесныхъ знаменій, ни шаровъ огненныхъ, ни внезапной темноты; не водится тамъ ядовитыхъ гадовъ, саранча не залетаетъ туда; нѣтъ ни львовъ рыкающихъ, ни тигровъ ревущихъ, ни даже медвѣдей и волковъ, потому-что нѣтъ лѣсовъ. По полямъ и по деревнѣ бродятъ только въ обиліи коровы жующія, овцы блеющія и куры кудахтающія.

Богъ знаетъ, удовольствовался ли бы поэтъ или мечтатель природой мирнаго уголка. Эти господа, какъ извѣстно, любятъ засматриваться на луну да слушать щолканье соловьевъ. Любятъ они луну-кокетку, которая бы наряжалась въ палевыя облака да сквозила таинственно черезъ вѣтви деревъ, или сыпала бы снопы серебряныхъ лучей въ глаза своимъ поклонникамъ. А въ этомъ краю никто и не зналъ, что за луна такая — всѣ называли ее мѣсяцомъ. Она какъ-то добродушно, во всѣ глаза смотрѣла на деревни и поле и очень походила на мѣдный, вычищенный тазъ. Напрасно поэтъ сталъ бы глядѣть восторженными глазами на нее: она такъ же бы простодушно глядѣла и на поэта, какъ круглолицая деревенская красавица глядитъ въ отвѣтъ на страстные и краснорѣчивые взгляды городского волокиты.

Соловьевъ тоже не слыхать въ томъ краю; можетъ быть оттого, что не водилось тамъ тѣнистыхъ пріютовъ и розъ; но зато, Боже мой, какое обиліе перепеловъ! Лѣтомъ, при уборкѣ хлѣба, мальчишки ловятъ ихъ просто руками. Да не подумаютъ

Digitized by Google

однако же, чтобы перепела составляли тамъ предметъ гастрономической роскоши — нѣтъ: они тамъ услаждаютъ людской слухъ пѣніемъ: оттого почти въ каждомъ дому подъ кровлей въ нитяной клѣткѣ виситъ перепелъ.

Поэтъ и мечтатель не остались бы довольны даже общимъ видомъ этой скромной и незатѣйливой мѣстности. Не удалось бы имъ тамъ видѣть какого-нибудь вечера въ швейцарскомъ или шотландскомъ вкусѣ, когда вся природа — и лѣсъ, и вода, и стѣны хижинъ, и песчаные холмы, — все горитъ точно багровымъ заревомъ; когда по этому багровому фону рѣзко оттѣняется ѣдущая по песчаной извилистой дорогѣ кавалькада мужчинъ, сопутствующихъ какой-нибудь леди въ прогулкѣ къ угрюмой развалинѣ, или поспѣшающихъ въ крѣпкій замокъ, гдѣ ихъ ожидаетъ эпизодъ о войнѣ двухъ розъ, разсказанный дѣдомъ, дикая коза на ужинъ, да пропѣтая молодою миссъ подъ звуки лютни баллада — картины, которыми такъ богато населило наше воображеніе перо Вальтеръ Скотта. Нѣтъ, ничего этого не было въ нашемъ краю.

Какъ все тихо, молчаливо въ трехъ, четырехъ деревенькахъ, составляющихъ этотъ уголокъ. Онѣ лежали недалеко другъ отъ друга и были какъ-будто случайно брошены гигантской рукой и разсыпались въ разныя стороны, да такъ съ тѣхъ поръ и остались. Какъ одна изба попала на обрывъ оврага, такъ и виситъ тамъ съ незапамятныхъ временъ, стоя одной половиной на воздухѣ и подпираясь тремя жердями. Три, четыре поколѣнія тихо и счастливо прожили въ ней. Кажется, курицѣ страшно бы войти въ нее, а тамъ живетъ съ женой Онисимъ Сусловъ, мужчина солидный, который не уставится во весь ростъ въ своемъ жилищѣ. Не всякой съумѣетъ и взойти въ избу къ Онисиму; развѣ только-что посѣтитель упроситъ ее *стать къ лѣсу задомъ, а къ нему передомъ*. Крыльцо ея висѣло надъ оврагомъ, и чтобъ попасть на крыльцо ногой, надо было одной рукой ухватиться за траву, другой за кровлю избы и потомъ шагнуть прямо на крыльцо. Другая изба прилѣпилась къ пригорку, какъ ласточкино гнѣздо, — тамъ три очутились случайно рядомъ, а двѣ стоятъ на самомъ днѣ оврага, и такъ далѣе.

Тихо все въ деревнѣ: безмолвныя избы стоятъ настежъ, не видно ни души; однѣ мухи тучами летаютъ и жужжатъ въ духотѣ. Войдя въ избу, напрасно станешь кликать громко: мертвое

Digitized by Google

молчаніе будетъ отвѣтомъ; въ рѣдкой избѣ отзовется болѣзненнымъ стономъ или глухимъ кашлемъ старуха, доживающая свой вѣкъ на печи, или появится изъ-за перегородки босой, длинноволосый трехлѣтній ребенокъ въ одной рубашонкѣ, молча, пристально поглядитъ на вошедшаго и робко спрячется опять. Таже глубокая тишина и миръ лежатъ и на поляхъ; только кое-гдѣ, какъ муравей, гомозится на черной нивѣ палимый зноемъ пахарь, налегая на соху и обливаясь потомъ.

Тишина и невозмутимое спокойствіе царствуетъ и въ нравахъ людей въ томъ краю. Ни грабежей, ни убійствъ, — никакихъ страшныхъ случайностей не бывало тамъ; сильныя страсти не волновали ихъ. Всякой зналъ тамъ самого себя. Обитатели этого края довольно далеко жили отъ другихъ людей. Ближайшія деревни и уѣздный городъ были верстахъ въ 25 и 30. Крестьяне въ извѣстное время возили хлѣбъ на ближайшую пристань къ Волгѣ, которая была ихъ Колхидой и Геркулесовыми Столпами, да разъ въ годъ ѣздили нѣкоторые на ярмарку, и болѣе никакихъ почти сношеній ни съ кѣмъ не имѣли. Интересы ихъ были сосредоточены на нихъ самихъ, не перекрещивались и не соприкасались ни съ чьими. Они знали, что въ осьмидесяти верстахъ отъ нихъ была губернія, то есть губернскій городъ, но рѣдкіе ѣзжали туда; потомъ знали, что подальше, тамъ, Саратовъ или Нижній; слыхали, что есть Москва и Питеръ, что за Питеромъ живутъ французы или нѣмцы, а далѣе уже начинался для нихъ, какъ для древнихъ, темный міръ, неизвѣстныя страны . . . . . .

. . . . . .

И какъ уголокъ ихъ былъ почти не проѣзжій, то и не откуда было почерпать новѣйшихъ извѣстій о томъ, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ: обозники съ деревянной посудой жили только въ двадцати верстахъ и знали не больше ихъ. Не съ чѣмъ даже было сличить имъ своего житья-бытья: хороше ли они живутъ, нѣтъ ли, богаты ли они, бѣдны ли, можно ли было чего еще пожелать, что̀ есть у другихъ и т. п. Счастливые люди жили, думая, что иначе и не должно и не можетъ быть, увѣренные, что и всѣ другіе живутъ точно такъ же, и что жить иначе — не нужно. Они бы и не повѣрили, еслибъ сказали имъ, что другіе какъ-нибудь иначе пашутъ, сѣютъ, жнутъ, продаютъ. У нихъ, какъ и у всѣхъ людей, были и заботы, и слабости —

Digitized by Google

взносъ подати или оброка, лѣнь и сонъ, но все это обходилось имъ дешево, безъ волненій и крови. Въ послѣднія пять лѣтъ, изъ нѣсколькихъ сотъ, не умеръ никто, не то что насильственной, даже и естественной смертью. А если кто отъ старости или отъ какой-нибудь застарѣлой болѣзни и почилъ вѣчнымъ сномъ, то тамъ долго послѣ того не могли надивиться такому необыкновенному случаю. Между тѣмъ имъ нисколько не показалось удивительно, какъ это напримѣръ кузнецъ Тарасъ чуть-было собственноручно не запарился до-смерти въ землянкѣ, до того, что надо было отливать его водой.

Изъ преступленій — одно, именно: кража гороху, моркови и рѣпы по огородамъ, была въ большомъ ходу, да однажды вдругъ исчезло два поросенка и курица, происшествіе, возмутившее весь околодокъ и приписанное, единогласно, проходившему наканунѣ обозу съ деревянной посудой на ярмарку. Ато вообще случайности всякаго рода были весьма рѣдки. Однажды впрочемъ еще найденъ былъ лежащій за околицей въ канавѣ у моста, видно, отставшій отъ проходившей въ городъ артели человѣкъ. Мальчишки первые замѣтили его и съ ужасомъ прибѣжали въ деревню, съ вѣстью о какомъ-то страшномъ змѣѣ или оборотнѣ, который лежитъ въ канавѣ, прибавивъ, что онъ погнался за ними и чуть не съѣлъ Кузьку. Мужики поудалѣе вооружились вилами и топорами и гурьбой пошли къ канавѣ.

— Куда васъ несетъ? унимали старики: — аль шея-то крѣпка! чего вамъ надо? сидѣли бы дома!

Но мужики пошли и сажень за пятьдесятъ до мѣста стали окликать чудовище разными голосами: отвѣта не было; они остановились. Потомъ опять двинулись. Въ канавѣ лежалъ мужикъ, опершись головой въ пригорокъ: около него валялся мѣшокъ и палка, на которой навѣшаны были двѣ пары лаптей. Мужики не рѣшались ни подходить близко, ни трогать.

— Эй! ты, братъ! кричали они по очереди, почесывая, кто затылокъ, кто спину: — какъ тамъ тебя, кто ты? эй, ты! что́ тебѣ тутъ?

Прохожій сдѣлалъ движеніе, чтобъ приподнять голову, но не могъ. Онъ, повидимому, былъ нездоровъ или очень утомленъ.

Одинъ рѣшился-было тронуть его вилой.

Digitized by Google

— Не замай, не замай! закричали многіе: — почемъ знать, какой онъ: ишь, не баетъ ничего; можетъ быть какой-нибудь такой.... Не замайте его, ребята, пойдемъ, говорили нѣкоторые: — право слово, пойдемъ: что онъ намъ, дядя, что ли? ну его!

И всѣ ушли назадъ въ деревню, разсказавъ старикамъ, что тамъ лежитъ нездѣшній, ничего не баетъ, и Богъ его вѣдаетъ, что онъ тамъ....

. . . . . .

Таковъ былъ уголокъ, куда вдругъ перенесся во снѣ Обломовъ. Изъ трехъ или четырехъ разбросанныхъ тамъ деревень одна была Сосновка, другая Вавиловка, въ одной верстѣ другъ отъ друга. Сосновка и Вавиловка были наслѣдственной отчиной рода Обломовыхъ и оттого извѣстны были подъ общимъ именемъ Обломовки. Въ Сосновкѣ была господская усадьба. Верстахъ въ пяти отъ Сосновки, лежало сельцо Верхлёво, тоже принадлежавшее нѣкогда фамиліи Обломовыхъ и давно нерешедшее въ другія руки, и еще нѣсколько причисленныхъ къ этому же селу кое-гдѣ разбросанныхъ избъ. Село принадлежало богатому помѣщику, который никогда не показывался въ свое имѣніе: имъ завѣдывалъ управляющій изъ нѣмцевъ. Вотъ и вся географія этого уголка.

Илья Ильичъ проснулся утромъ въ своей маленькой постелькѣ. Ему только семь лѣтъ. Ему легко, весело. Какой онъ хорошенькій, красненькій, полный! щочки такія кругленькія, что иной шалунъ надуется нарочно, а такихъ не сдѣлаетъ. Няня уже ждетъ его пробужденія. Она начинаетъ натягивать ему чулочки, онъ не дается, шалитъ, болтаетъ ногами; няня ловитъ его, — и оба они хохочутъ. Наконецъ удалось ей поднять его на ноги, она умываетъ его, причесываетъ головку и ведетъ къ матери. Обломовъ, увидѣвъ давно умершую мать, и во снѣ затрепеталъ отъ радости, отъ жаркой любви къ ней: у него у сонного медленно выплыли изъ-подъ рѣсницъ и стали неподвижно двѣ теплыя слезы. Мать осыпала его страстными поцалуями, потомъ осмотрѣла его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли глазки, спросила, не болитъ ли что-нибудь, разспросила няньку, покойно ли онъ спалъ, не просыпался ли ночью, не метался ли во снѣ, не было ли у него жару. Потомъ взяла его за руку и подвела къ образу. Тамъ, ставъ на колѣни и обнявъ

Digitized by Google

его одной рукой, подсказывала она ему слова молитвы. Мальчикъ разсѣянно повторялъ ихъ, глядя въ окно, откуда лилась въ комнату прохлада и запахъ сирени.

— Мы, маменька, сегодня пойдемъ гулять? вдругъ спрашивалъ онъ среди молитвы.

— Пойдемъ, душенька, торопливо говорила она, не отводя отъ иконы глазъ и спѣша договорить святыя слова.

Мальчикъ вяло повторялъ ихъ, но мать влагала въ нихъ всю свою душу. Потомъ шли къ отцу, потомъ къ чаю.

Около чайнаго стола Обломовъ увидалъ и живущую у нихъ престарѣлую тетку, осьмидесяти лѣтъ, безпрерывно ворчавшую на свою дѣвчонку, которая, тряся отъ старости головой, прислуживала ей, стоя за ея стуломъ. Тамъ и три пожилыя дѣвушки, дальнія родственницы его отца, и немного помѣшанный деверь его матери, и помѣщикъ семи душъ Чекменевъ, гостившій у нихъ, и еще какіе-то старушки и старички. Все населеніе дома Обломовыхъ подхватило на руки Илью Ильича и начало осыпать его ласками и похвалами: онъ едва успѣвалъ утирать слѣды непрошенныхъ поцалуевъ. Послѣ того начиналось кормленіе его булочками, сухариками, сливочками. Потомъ мать, приласкавъ его еще, отпускала гулять въ садъ по двору, на лугъ, съ строгимъ подтвержденіемъ нянькѣ не оставлять ребенка одного, не подпускать къ лошадямъ, къ собакамъ, къ козлу, не уходить далеко отъ дому, а главное — не пускать его въ оврагъ, какъ самое страшное мѣсто въ околодкѣ, пользовавшееся дурною репутаціей. Тамъ нашли однажды собаку, признанную бѣшеною, потому только, что она бросилась отъ людей прочь, когда на нее собрались съ вилами и топорами, и исчезла гдѣ-то за горой; въ оврагъ свозили падаль; въ оврагѣ предполагались и разбойники, и волки, и разныя другія существа, которыхъ или въ томъ краю, или совсѣмъ на свѣтѣ не было.

Ребенокъ не дождался предостереженій матери: онъ ужь давно на дворѣ. Онъ съ радостнымъ изумленіемъ, какъ-будто въ первый разъ, осмотрѣлъ и обѣжалъ кругомъ родительскій домъ, съ покривившимися на бокъ воротами, съ сѣвшей на серединѣ деревянной кровлей, на которой росъ нѣжный зеленый мохъ, съ шатающимся крыльцомъ, разными пристройками и настройками и съ запущеннымъ садомъ. Ему страхъ хочется взбѣжать

Digitized by Google

на огибающую весь домъ висячую галлерею, чтобы посмотрѣть съ одной стороны на рѣчку, но галлерея ветха, чуть-чуть держится.... Онъ не внималъ запрещеніямъ матери и уже направился-было къ соблазнительнымъ ступенямъ, но на крыльцѣ показалась няня и кое-какъ поймала его. Онъ бросился отъ нея къ сѣновалу, съ намѣреніемъ взобраться туда по крутой лѣстницѣ, и едва она поспѣвала дойти до сѣновала, какъ ужь надо было спѣшить разрушать его замыслы влѣзть на голубятню, проникнуть на скотный дворъ, и чего Боже сохрани, въ оврагъ.

— Ахъ ты, Господи, что это за ребенокъ, за юла за такая! да посидишь ли ты смирно, сударь? стыдно! говорила нянька.

И цѣлый день и всѣ дни и ночи няни наполнены были суматохой, бѣготней: то пыткой, то живой радостью за ребенка, то страхомъ, что онъ упадетъ и расшибетъ носъ, то умиленіемъ отъ его непритворной дѣтской ласки, или смутной тоской за отдаленную его будущность: этимъ только и билось сердце ея, этими волненіями подогрѣвалась кровь старухи и поддерживалась кое-какъ ими увядшая жизнь ея, которая безъ того можетъ быть угасла бы давнымъ-давно.

Не все рѣзовъ однакожь ребенокъ: онъ иногда вдругъ присмирѣетъ, сидя подлѣ няни, и смотритъ на все такъ пристально. Дѣтскій умъ его наблюдаетъ всѣ совершающіяся передъ нимъ явленія; они западаютъ глубоко въ душу его, потомъ растутъ и зрѣютъ вмѣстѣ съ нимъ.

Утро великолѣпное; въ воздухѣ прохладно; солнце еще не высоко. Отъ дома, отъ деревьевъ, и отъ голубятни, и отъ галлереи, отъ всего — побѣжали далеко длинныя тѣни. Въ саду и на дворѣ образовались прохладные уголки, манящіе къ задумчивости и сну. Только вдали поле съ рожью точно горитъ огнемъ, да рѣчка такъ блеститъ и сверкаетъ на солнцѣ, что глазамъ больно.

— Отчего это няня тутъ темно, а тамъ свѣтло, а ужо будетъ и тамъ свѣтло? спрашивалъ ребенокъ.

— Оттого, батюшка, что солнце идетъ на-встрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится, а ужо, какъ завидитъ издали, такъ и просвѣтлѣетъ.

Задумывается ребенокъ и все смотритъ вокругъ: видитъ онъ, какъ Антипъ поѣхалъ за водой, и по землѣ рядомъ съ нимъ шелъ другой Антипъ, въ-десятеро больше настоящаго, и бочка

Digitized by Google

казалась съ домъ величиной, а тѣнь лошади покрыла собой весь лугъ; тѣнь шагнула только два раза по лугу и вдругъ двинулась за гору, а Антипъ еще и со двора не успѣлъ съѣхать. Ребенокъ тоже шагнулъ раза два, еще шагъ, и онъ уйдетъ за гору. Ему хотѣлось бы къ горѣ, посмотрѣть, куда дѣлась лошадь. Онъ къ воротамъ, но изъ окна послышался голосъ матери.

— Няня! не видишь, что ребенокъ выбѣжалъ на солнышко: уведи его въ холодокъ; напечетъ ему головку — будетъ болѣть, тошно сдѣлается, кушать не станетъ. Онъ этакъ у тебя въ оврагъ уйдетъ.

— У! баловень! тихо ворчитъ нянька, утаскивая его на крыльцо.

Смотритъ ребенокъ и наблюдаетъ острымъ и переимчивымъ взглядомъ, какъ и что дѣлаютъ взрослые, чему посвящаютъ они утро. Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка: неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта; напитывается мягкій умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни по жизни его окружающей.

Нельзя сказать, чтобъ утро пропадало даромъ въ домѣ Обломовыхъ. Стукъ ножей, рубившихъ котлеты и зелень въ кухнѣ, долеталъ даже до деревни. Изъ людской слышалось шипѣнье веретена да тихій, тоненькій голосъ бабы: со двора трудно было распознать, плачетъ ли она, или импровизируетъ заунывную пѣсню безъ словъ. На дворѣ, какъ только Антипъ воротился съ бочкой, изъ разныхъ угловъ поползли къ ней съ ведрами, корытами и кувшинами бабы, кучера. А тамъ старуха пронесетъ изъ анбара въ кухню чашку съ мукой да кучу яицъ, тамъ поваръ вдругъ выплеснетъ воду изъ окошка и обольетъ Арапку, которая цѣлое утро, не сводя глазъ, смотритъ въ окно, ласково вилля хвостомъ и облизываясь.

И самъ Обломовъ-старикъ не безъ занятій. Онъ цѣлое утро сидитъ у окна и неукоснительно наблюдаетъ за всѣмъ, что дѣлается на дворѣ.

— Эй! Игнашка! что ты несешь? спроситъ онъ идущаго по двору [illegible]

— [illegible] точить въ людскую, отвѣчаетъ тотъ, не взглянувъ [illegible]

— [illegible] еси, да хорошенько, смотри, наточи.

Digitized by Google

Потомъ остановитъ бабу.

— Эй, баба, баба, куда ходила?

— Въ погребъ, батюшка, говорила она, останавливаясь, и, прикрывъ глаза рукой, глядѣла на окно: — молока къ столу достать.

— Ну, иди, иди, отвѣчалъ баринъ: — да смотри не пролей молоко-то. — А ты, Захарка, пострѣленокъ, куда опять бѣжишь? кричалъ потомъ: — вотъ я тебѣ — бѣгать! ужь, я вижу, что ты это въ третій разъ бѣжишь; пошелъ назадъ въ прихожую.

И Захарка шелъ опять дремать въ прихожую. Придутъ ли коровы съ поля, старикъ первый позаботится, чтобъ ихъ напоили, завидитъ ли изъ окна, что дворняшка преслѣдуетъ курицу, тотчасъ приметъ строгія мѣры противъ безпорядковъ.

И жена его сильно занята: она часа три толкуетъ съ Аверкой, портнымъ, какъ изъ мужниной фуфайки перешить Илюшѣ курточку; сама рисуетъ мѣломъ и наблюдаетъ, чтобъ Аверка не укралъ сукна. Потомъ перейдетъ въ дѣвичью, задастъ каждой дѣвкѣ, сколько сплести въ день кружевъ. Потомъ позоветъ съ собой какую-нибудь Настасью Ивановну, или Степаниду Агаповну погулять по саду съ практической цѣлью: посмотрѣть, какъ наливается яблоко, не упало ли вчерашнее, которое ужь созрѣло, тамъ привить, тамъ подрѣзать и т. п. Но главною заботою была кухня и обѣдъ. Объ обѣдѣ совѣщались цѣлымъ домомъ. И престарѣлая тетка приглашалась къ совѣту. Всякой предлагалъ свое блюдо: кто супъ съ потрохами, кто лапшу, или желудокъ, кто рубцы, кто красную, кто бѣлую подливку къ соусу. Всякой совѣтъ принимался въ соображеніе, обсуживался обстоятельно и потомъ принимался или отвергался по окончательному приговору хозяйки. На кухню посылались безпрестанно, то Настасья Петровна, то Степанида Ивановна, напомнить о томъ, прибавить это или отмѣнить то, отнести сахару, меду, вина для кушанья и посмотрѣть, все ли положитъ поваръ, что отпущено.

Забота о пищѣ была первая и главная жизненная забота въ Обломовкѣ. Какіе телята утучнялись тамъ къ годовымъ праздникамъ! какая птица воспитывалась! сколько тонкихъ соображеній, сколько знанія и заботъ въ ухаживаньи за нею! Индѣйки и цыплята, назначаемые къ именинамъ и другимъ торжествен-

Digitized by Google

нымъ днямъ, откармливались орѣхами; гусей лишали моціона, заставляя висѣть въ мѣшкѣ неподвижно за нѣсколько дней до праздника, чтобы они заплыли жиромъ. Какіе запасы были тамъ вареній, соленій, печеній! какіе меды, какіе квасы варились, какіе пироги пеклись въ Обломовкѣ!

И такъ до полудня все суетилось и заботилось, все жило такою полною, муравьиною, такою замѣтною жизнію. Въ воскресенье и въ праздничные дни тоже не унимались эти трудолюбивые муравьи: тогда стукъ ножей на кухнѣ раздавался чаще и сильнѣе; баба совершала нѣсколько разъ путешествіе изъ анбара въ кухню съ двойнымъ количествомъ муки и яицъ, на птичьемъ дворѣ было болѣе стоновъ и кровопролитія. Пекли исполинскій пирогъ, который сами господа ѣли еще на другой день; на третій и четвертый день остатки поступали въ дѣвичью; пирогъ доживалъ до пятницы, такъ-что одинъ совсѣмъ черствый конецъ, безъ всякой начинки, доставался Антипу, который съ трескомъ неустрашимо разрушалъ эту любопытную окаменѣлость, наслаждаясь болѣе сознаніемъ, что это господскій пирогъ, нежели самымъ пирогомъ. какъ археологъ, съ наслажденіемъ пьющій дрянное вино изъ черепка какой-нибудь тысячелѣтней посуды.

А ребенокъ все смотрѣлъ и все наблюдалъ своимъ дѣтскимъ пронзительнымъ умомъ. Онъ видѣлъ, какъ послѣ полезно и хлопотливо проведеннаго утра наставалъ полдень и обѣдъ. Полдень знойный: на небѣ ни облачка. Солнце стоитъ неподвижно надъ головой и жжетъ траву. Воздухъ пересталъ струиться и виситъ безъ движенія. Ни дерево, ни вода не шелохнутся; надъ деревней и полемъ лежитъ невозмутимая тишина: все какъ-будто вымерло. Звонко и далеко раздается человѣческій голосъ въ пустотѣ. Въ двадцати саженяхъ слышно, какъ пролетитъ и прожужжитъ жукъ; да въ густой травѣ кто-то все храпитъ, какъ-будто кто-нибудь завалился туда и спитъ сладкимъ сномъ.

И въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Наступилъ часъ всеобщаго послѣобѣденнаго сна. Ребенокъ видитъ, что и отецъ, и мать, и старая тетка, и гости и слуги,— всѣ разбрелись по своимъ угламъ. А у кого не было его, тотъ шелъ на сѣновалъ, другой въ садъ, третій искалъ прохлады въ сѣняхъ, а иной, прикрывъ лицо платкомъ отъ мухъ, засыпалъ тамъ, гдѣ сморила его жара и повалилъ громоздкій обѣдъ. И садовникъ растянулся

Digitized by Google

подъ кустомъ, въ саду, подлѣ своей пешни, и кучеръ спалъ на конюшнѣ. Илья Ильичъ заглянулъ въ людскую: въ людской всѣ легли въ-повалку, по лавкамъ, по полу и въ сѣняхъ, предоставивъ ребятишекъ самимъ себѣ; а ребятишки ползаютъ по двору и роются въ пескѣ. И собаки далеко залѣзли отъ жару по канурамъ, благо не на кого лаять. Можно было пройти по всему дому насквозь — и не встрѣтить ни души; легко было обокрасть все кругомъ и свезти со двора на подводахъ; никто не помѣшалъ бы, еслибъ только водились воры въ томъ краю. Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ не побѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво; только изъ всѣхъ угловъ несется разнообразное храпѣнье на всѣ тоны и лады, да изрѣдка кто-нибудь вдругъ подниметъ со сна голову, посмотритъ безсмысленно, съ удивленіемъ, на обѣ стороны и переверется на другой бокъ, или, не открывая глазъ, плюнетъ съ просонья и, почавкавъ губами или поворчавъ что-то подъ носъ себѣ, опять заснетъ. А другой быстро, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, вскочитъ обѣими ногами съ своего ложа, какъ-будто боясь потерять драгоцѣнныя минуты, схватитъ кружку съ квасомъ и, подувъ на плавающихъ тамъ мухъ, такъ-чтобъ ихъ отнесло къ другому краю, отчего муки до тѣхъ поръ неподвижныя, сильно начинаютъ шевелиться, промочитъ горло и потомъ падетъ опять на постель, какъ подстрѣленный.

А ребенокъ все наблюдалъ да наблюдалъ. Онъ съ няней послѣ обѣда опять выходилъ на воздухъ. Но и няня, несмотря на всю строгость наказовъ барыни и на свою собственную волю, не могла противиться обаянію сна. Она тоже заражалась этой господствующей въ Обломовкѣ повальной болѣзнью. Сначала она бодро смотрѣла за ребенкомъ, не пускала далеко отъ себя, строго ворчала за рѣзвость, потомъ, чувствуя симптомы приближающейся заразы, начинала упрашивать не ходить за ворота, не затрогивать козла, не лазить на голубятню или на галлерею. Сама она усаживалась гдѣ-нибудь въ холодкѣ: или на крыльцѣ, или на порогѣ погреба, или просто на травкѣ, повидимому съ тѣмъ, чтобъ взять чулокъ и смотрѣть за ребенкомъ. Но вскорѣ она лѣниво унимала его, кивая головой. «Влѣзетъ, акъ, того и гляди, влѣзетъ эта юла на галлерею», думала она почти сквозь сонъ: — «или еще.... какъ бы въ оврагъ....»

Digitized by Google

Тутъ голова старухи клонилась къ колѣнямъ, чулокъ выпадалъ изъ рукъ, она теряла изъ виду ребенка и, открывъ немного ротъ, испускала легкое храпѣнье. А онъ съ нетерпѣніемъ дожидался этого мгновенія, съ которымъ начиналась его самостоятельная жизнь. Онъ былъ какъ-будто одинъ въ цѣломъ мірѣ; онъ на цыпочкахъ убѣгалъ отъ няни, осматривалъ всѣхъ, кто гдѣ спитъ, остановится и смотритъ пристально, какъ кто очнется, плюнетъ или промычитъ что-то во снѣ. Потомъ съ замирающимъ сердцемъ взбѣгалъ на галлерею, обѣгалъ по скрыпучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада; слушалъ, какъ жужжитъ жукъ и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ; прислушивался какъ кто-то все стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этой тишины; поймаетъ стрекозу, оторветъ ей крылья и смотритъ, что изъ нея будетъ, или проткнетъ сквозь нея соломинку и слѣдитъ какъ она летаетъ съ этимъ прибавленіемъ; съ наслажденіемъ, боясь дохнуть, наблюдаетъ и за паукомъ, какъ онъ сосетъ кровь пойманной мухи, какъ бѣдная жертва бьется и жужжитъ у него въ лапахъ. Ребенокъ кончитъ тѣмъ, что убьетъ и жертву и мучителя. Потомъ онъ заберется въ канаву, роется, отыскиваетъ какіе-то корешки, очищаетъ отъ коры и ѣстъ въ сласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которыя даетъ маменька. Онъ выбѣжитъ и за ворота: ему бы хотѣлось въ березнякъ: онъ такъ близко кажется ему, что вотъ онъ въ пять минутъ добрался бы до него, не кругомъ по дорогѣ, а прямо черезъ канаву, плетни и ямы; но онъ боится: тамъ, говорятъ, и лѣшіе, и разбойники, и страшные звѣри. Хочется ему и въ оврагъ сбѣгать: онъ всего саженяхъ въ 50 отъ сада; ребенокъ ужь прибѣжалъ къ краю, зажмурилъ глаза, хотѣлъ заглянуть, какъ въ кратеръ волкана, но вдругъ передъ нимъ возстали всѣ толки и преданія объ этомъ оврагѣ: его объялъ ужасъ, и онъ ни живъ, ни мертвъ мчится назадъ, и дрожа отъ страха бросился къ нянькѣ и разбудилъ старуху. Она вспрянула отъ сна, поправила платокъ на головѣ, подобрала подъ него пальцомъ клочки сѣдыхъ волосъ и, притворяясь, что будто не спала совсѣмъ, подозрительно поглядываетъ на Илюшу, потомъ на барскія окна, и начинаетъ дрожащими пальцами тыкать одну въ другую спицы чулка, лежащаго у нея на колѣняхъ.

Между тѣмъ жара начала понемногу спадать; въ природѣ стало все пожиже; солнце уже подвинулось къ лѣсу.

Digitized by Google

И въ домѣ мало-по-малу нарушилась тишина: въ одномъ углу гдѣ-то скрыпнула дверь, послышались по двору чьи-то шаги; на сѣновалѣ кто-то чихнулъ. Вскорѣ изъ кухни торопливо пронесъ человѣкъ, нагибаясь отъ тяжести, огромный самоваръ. Начали собираться къ чаю: у кого лицо измято и глаза заплыли слезами; тотъ належалъ себѣ красное пятно на щекѣ и вискахъ, третій говоритъ со сна не своимъ голосомъ. Все это сопитъ, охаетъ, зѣваетъ, почесываетъ голову и разминается, едва приходя въ себя. Обѣдъ и сонъ раждали неутолимую жажду. Жажда палитъ горло: выпивается чашекъ по двѣнадцати чаю, но это не помогаетъ: слышится оханье, стенанье; прибѣгаютъ къ брусничной, къ грушевой водѣ, къ квасу, а иные и къ врачебному пособію, чтобы только залить засуху въ горлѣ. Всѣ искали освобожденія отъ жажды, какъ отъ какой-нибудь напасти; всѣ мечутся, всѣ томятся, точно караванъ путешественниковъ въ аравійской степи, не находящій нигдѣ ключа воды.

Ребенокъ тутъ, подлѣ маменьки: онъ вглядывается въ странныя, окружающія его лица, вслушивается въ ихъ сонный и вялый разговоръ. Весело ему смотрѣть на нихъ, любопытенъ кажется ему всякой сказанный ими вздоръ. Послѣ чаю всѣ займутся чѣмъ-нибудь: кто пойдетъ къ рѣчкѣ и тихо бродитъ по берегу, толкая ногой камешки въ воду. Другой сядетъ къ окну и ловитъ глазами каждое мимолетное явленіе: пробѣжитъ ли кошка по двору, пролетитъ ли галка — наблюдатель и ту и другую преслѣдуетъ взглядомъ и кончикомъ своего носа, поворачивая голову то на право, то на лѣво. Мать возьметъ голову Илюши, положитъ къ себѣ на колѣни и медленно расчесываетъ ему волосы, любуясь мягкостію ихъ и заставляя любоваться и Настасью Ивановну и Степаниду Тихоновну, и разговариваетъ съ ними о будущности Илюши, ставитъ его героемъ какой-нибудь созданной ею блистательной эпопеи. Тѣ сулятъ ему золотыя горы.

Но вотъ начинаетъ смеркаться. На кухнѣ опять трещитъ огонь, опять раздается дробный стукъ ножей; готовится ужинъ. Дворня собралась у воротъ: тамъ слышится балалайка, хохотъ. Люди играютъ въ горѣлки. А солнце ужь опускалось за лѣсъ: оно бросало нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которые прорѣзывались огненной полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли одинъ за другимъ: послѣдній

Digitized by Google

лучъ оставался долго: онъ какъ тонкая игла вонзился въ чащу вѣтвей, но и тотъ потухъ. Предметы теряли свою форму: все сливалось сначала въ сѣрую, потомъ въ темную массу. Пѣніе птицъ постепенно ослабѣвало. Вскорѣ онѣ совсѣмъ замолкли, кромѣ одной какой-то упрямой, которая, будто на перекоръ всѣмъ, среди общей тишины, одна монотонно чирикала съ промежутками, но все рѣже и рѣже; и та наконецъ свистнула слабо, незвучно, въ послѣдній разъ, встрепенулась, слегка пошевеливъ листья вокругъ себя, и заснула. Все смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары и разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла; немного погодя и въ ней вдругъ кто-то плеснулъ еще въ послѣдній разъ, и она стала неподвижна. Запахло сыростью. Становилось все темнѣе и темнѣе. Деревья сгруппировались въ какихъ-то чудовищъ; въ лѣсу стало страшно: тамъ кто-то вдругъ заскрыпитъ, точно одно изъ чудовищъ переходитъ съ своего мѣста на другое, и сухой сучокъ, кажется, хруститъ подъ его ногой. На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка, и въ окнахъ дома замелькали огоньки.

Настали минуты всеобщей, торжественной тишины природы, — тѣ минуты, когда сильнѣе работаетъ творческій умъ, жарче кипятъ поэтическія думы, когда въ сердцѣ живѣе вспыхиваетъ страсть или больнѣе ноетъ тоска, когда въ жестокой душѣ невозмутимѣе и сильнѣе зрѣетъ зерно преступной мысли.... Въ Обломовкѣ всѣ почиваютъ такъ крѣпко и покойно.

— Пойдемъ, мама, гулять, говоритъ Илюша.

— Что́ ты, Богъ съ тобой! теперь гулять, отвѣчаетъ она: — сыро, ножки простудишь; и страшно: въ лѣсу теперь лѣшій ходитъ, онъ уноситъ маленькихъ дѣтей.

— Куда онъ уноситъ? какой онъ бываетъ, гдѣ живетъ? спрашиваетъ ребенокъ.

И мать давала волю своей фантазіи; ребенокъ слушалъ ее, открывая и закрывая глаза, пока наконецъ сонъ не сморитъ его совсѣмъ. Приходила нянька и, взявъ его съ колѣней матери, уносила сонного, съ повисшей черезъ ея плечо головой, въ его постель.

Потомъ Обломову приснилась другая пора: онъ въ безконечный зимній вечеръ робко жмется къ нянѣ, а она нашептываетъ ему о какой-то невѣдомой сторонѣ, гдѣ нѣтъ ни ночей

Digitized by Google

ни холода, гдѣ все совершаются чудеса, гдѣ текутъ рѣки меду и молока, гдѣ никто ничего круглый годъ не дѣлаетъ, а деньденьской только и знаютъ, что гуляютъ все добрые молодцы, такіе, какъ Илья Ильичъ, да красавицы, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Тамъ есть и добрая волшебница, являющаяся у насъ иногда въ видѣ щуки, которая изберетъ себѣ какого-нибудь любимца, тихаго, безобиднаго, другими словами, какого-нибудь лѣнтяя, котораго всѣ обижаютъ, да и осыпаетъ его, ни съ того, ни съ сего, разнымъ добромъ, а онъ знай кушаетъ-себѣ да наряжается въ готовое платье, а потомъ женится на какой-нибудь неслыханной красавицѣ Милитрисѣ Кирбитьевнѣ. Ребенокъ, навостривъ уши и глаза, страстно вникался въ разсказъ. Нянька, или преданіе такъ искусно избѣгали въ разсказѣ всего, что существуетъ на самомъ дѣлѣ, что воображеніе и умъ, проникшись вымысломъ, оставались уже у него въ плѣну до старости. Нянька съ добродушіемъ повѣствовала сказку о Емелѣ дурачкѣ, эту злую и коварную сатиру на нашихъ прадѣдовъ.... Взрослый Илья Ильичъ хотя послѣ и узнаетъ, что нѣтъ медовыхъ и молочныхъ рѣкъ, нѣтъ добрыхъ волшебницъ, хотя и шутитъ онъ съ улыбкой надъ сказаніями няни, но улыбка эта не искренняя; она сопровождается тайнымъ вздохомъ: сказка у него смѣшалась съ жизнію, и онъ безсознательно груститъ подъ часъ, зачѣмъ сказка не жизнь, а жизнь не сказка. Онъ невольно мечтаетъ о Милитрисѣ Кирбитьевнѣ; его все тянетъ въ ту сторону, гдѣ только и знаютъ, что гуляютъ, гдѣ нѣтъ заботъ и печалей; у него навсегда остается расположеніе полежать на печи, походить въ готовомъ, незаработанномъ платьѣ и поѣсть на счетъ доброй волшебницы. И старикъ Обломовъ и дѣдъ выслушивали въ дѣтствѣ тѣже сказки, прошедшія въ стереотипномъ изданіи старины, въ устахъ нянекъ и дядекъ, сквозь вѣка и поколѣнія.

Няня между тѣмъ ужъ рисуетъ другую картину воображенію ребенка.

Она повѣствуетъ ему о подвигахъ нашихъ Ахилловъ и Улиссовъ, объ удали *Ильи Муромца*, *Добрыни Никитича*, *Алеши Поповича*, о *Полканѣ богатырѣ*, о *Колечищѣ прохожемъ*, о томъ, какъ они странствовали по Руси, побивали несмѣтныя полчища басурманъ, какъ состязались въ томъ, кто однимъ духомъ выпьетъ чару зелена вина и не крякнетъ. Потомъ говорила о злыхъ

Digitized by Google

разбойникахъ, о спящихъ царевнахъ, окаменѣлыхъ городахъ и людяхъ. Наконецъ переходила къ нашей демонологіи, къ мертвецамъ, къ чудовищамъ и къ оборотнямъ.

Она съ простотою и добродушіемъ Гомера, съ тою же животрепещущею вѣрностью подробностей и рельефностью картинъ влагала въ дѣтскую память и воображеніе Илліаду русской жизни, созданную нашими гомеридами тѣхъ туманныхъ временъ, когда человѣкъ еще не ладилъ съ опасностями и тайнами природы и жизни, — когда онъ трепеталъ и передъ оборотнемъ и передъ лѣшимъ, и у Алеши Поповича искалъ защиты отъ окружающихъ его бѣдъ, когда и въ воздухѣ, и въ водѣ, и въ лѣсу, и въ полѣ царствовали чары и колдовство. Страшна и невѣрна была жизнь тогдашняго человѣка; опасно было ему выйти за порогъ дома: его, того гляди, запоретъ звѣрь, зарѣжетъ разбойникъ, отниметъ у него все злой татаринъ, или пропадетъ человѣкъ безъ вѣсти, безъ всякихъ слѣдовъ.

А то вдругъ явятся огненные столпы да шары; а тамъ надъ свѣжей могилой вспыхнетъ огонекъ, или въ лѣсу кто-то прогуливается, будто съ фонаремъ, да страшно хохочетъ и сверкаетъ глазами въ темнотѣ. И съ самимъ человѣкомъ творилось столько непонятнаго: живетъ-живетъ человѣкъ долго и хорошо — ничего, да вдругъ заговоритъ такое непутное, или учнетъ кричать не своимъ голосомъ, или бродить сонный по ночамъ; другого, ни съ того, ни съ сего, начнетъ коробить и бить о земь. А передъ тѣмъ, какъ сдѣлаться этому, только-что курица прокричала пѣтухомъ, да воронъ прокаркалъ надъ крышей. Терялся слабый человѣкъ, съ ужасомъ озираясь въ жизни, и искалъ въ воображеніи ключа къ таинствамъ окружающей его и своей собственной природы.

А можетъ быть сонъ, вѣчная тишина вялой жизни и отсутствіе движенія и всякихъ дѣйствительныхъ страховъ, приключеній и опасностей заставляли человѣка творить, среди естественнаго міра, другой, несбыточный, и въ немъ искать разгула и потѣхи праздному воображенію или разгадки обыкновенныхъ сцѣпленій обстоятельствъ и причинъ явленія, внѣ самого явленія. Ощупью жили предки наши; не окрыляли и не сдерживали они своей воли, а потомъ наивно дивились или ужасались неудобству, злу и допрашивались причинъ у нѣмыхъ и неясныхъ гіероглифовъ природы. Смерть у нихъ приключалась

Digitized by Google

отъ вынесеннаго передъ тѣмъ изъ дому покойника головой, а не ногами изъ воротъ; пожаръ — отъ того, что собака выла три ночи подъ окномъ; и они хлопотали, чтобъ покойника выносили ногами изъ воротъ, а ѣли все тоже, по стольку же, и спали попрежнему на голой землѣ; воющую собаку били или сгоняли съ двора, а искры отъ лучины все-таки сбрасывали въ трещину гнилого пола. И понынѣ русскій человѣкъ, среди окружающей его, лишенной вымысла дѣйствительности, любитъ вѣрить соблазнительнымъ сказаніямъ старины....

Слушая отъ няни сказки о нашемъ *золотомъ рунѣ — Жаръ-птицѣ*, о преградахъ и тайникахъ волшебнаго замка, мальчикъ то бодрился, воображая себя героемъ подвига, и мурашки бѣгали у него по спинѣ, — то страдалъ за неудачи храбреца. Разсказъ лился за разсказомъ: няня повѣствовала съ пыломъ, живописно, съ увлеченіемъ, мѣстами вдохновенно, потому-что сама вполовину вѣрила разсказамъ. Глаза старухи искрились огнемъ, голова дрожала отъ волненія; голосъ возвышался до непривычныхъ нотъ. Ребенокъ, объятый невѣдомымъ ужасомъ, жался къ ней со слезами на глазахъ. Заходила ли рѣчь о мертвецахъ, подымающихся въ полночь изъ могилъ, или о жертвахъ, томящихся въ неволѣ у чудовища, или о медвѣдѣ съ деревянной ногой, который идетъ по селамъ и деревнямъ отыскивать отрубленную у него натуральную ногу, волосы ребенка трещали на головѣ отъ ужаса, дѣтское воображеніе то застывало, то клокотало какъ кипятокъ; онъ испытывалъ мучительный сладко-болѣзненный процессъ; нервы напрягались какъ струны. Когда нянька мрачно повторяла слова медвѣдя: «скрыпи, скрыпи, нога липовая; я по селамъ шелъ, по деревнямъ шелъ, и т. д.»; когда медвѣдь входилъ наконецъ въ избу и готовился схватить похитителя своей ноги, ребенокъ не выдерживалъ: онъ съ трепетомъ и визгомъ бросался на руки къ нянѣ; у него брызжутъ слезы испуга, и вмѣстѣ хохочетъ онъ отъ радости, что онъ не въ когтяхъ у звѣря, а на лежанкѣ, подлѣ няни. Населилось воображеніе мальчика странными призраками; боязнь и тоска засѣли надолго, можетъ быть навсегда въ душу: онъ печально озирается вокругъ и все видитъ бѣду, все мечтаетъ о той волшебной сторонѣ, гдѣ нѣтъ зла, хлопотъ, печалей, гдѣ живетъ Милитриса Кирбитьевна, гдѣ такъ хорошо кормятъ и одѣваютъ даромъ.

Digitized by Google

Сказка не надъ одними дѣтьми въ Обломовкѣ, но и надъ взрослыми до конца жизни сохраняетъ свою власть. Всѣ въ домѣ и въ деревнѣ, начиная отъ барина, жены его и до дюжаго кузнеца Тараса, всѣ трепещутъ чего-то въ темный вечеръ: всякое дерево превращается тогда въ великана, всякой кустъ въ вертепъ разбойниковъ. Стукъ ставни и завыванье вѣтра въ трубѣ заставляли блѣднѣть и мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей: никто въ Крещенье не выйдетъ послѣ девяти часовъ вечера одинъ за ворота; всякой въ ночь на Пасху побоится итти въ конюшню, опасаясь застать тамъ домового. Въ Обломовкѣ вѣрили всему—и оборотнямъ, и мертвецамъ: разскажутъ ли имъ, что копна сѣна разгуливала по полю — они не задумаются и повѣрятъ; пронуститъ ли кто-нибудь слухъ, что вотъ это не баранъ, а что-то другое, или, что такая-то Мареа или Степанида — вѣдьма, они будутъ бояться и барана и Мареы: имъ и въ голову не придетъ спросить, отъ чего баранъ сталъ не бараномъ, а Мареа сдѣлалась вѣдьмой, да еще накинутся и на того, кто бы вздумалъ усомниться въ этомъ: такъ сильна вѣра въ чудесное въ Обломовкѣ.

Илья Ильичъ и увидитъ послѣ, что просто устроенъ міръ, что не встаютъ мертвецы изъ могилъ, что великановъ, какъ только они заведутся, тотчасъ сажаютъ въ балаганъ, а разбойниковъ въ тюрьму; но если пропадаетъ самая вѣра въ призраки, то остается какой-то осадокъ страха и безотчетной тоски. Узналъ Илья Ильичъ, что нѣтъ бѣдъ отъ чудовищъ, а какія есть, едва знаетъ, и на каждомъ шагу все ждетъ чего-то страшнаго и боится. И теперь еще, оставшись въ темной комнатѣ, или увидя покойника, онъ трепещетъ отъ зловѣщей, въ дѣтствѣ зароненной въ душу тоски; смѣясь надъ страхами своими поутру, онъ опять блѣднѣетъ вечеромъ.

Далѣе Илья Ильичъ вдругъ увидѣлъ себя мальчикомъ лѣтъ тринадцати или четырнадцати. Онъ ужь учится въ селѣ Верхлёвѣ, верстахъ въ пяти отъ Обломовки, у тамошняго управляющаго, нѣмца Штольца, который завелъ небольшой пансіонъ для дѣтей окрестныхъ дворянъ. У него былъ свой сынъ Карлъ, почти однихъ лѣтъ съ Обломовымъ, да еще отдали ему одного мальчика, который почти никогда не учился, а больше страдалъ золотухой и все дѣтство проходилъ постоянно съ завязанными глазами или ушами, да плакалъ все втихомолку о томъ, что живетъ не у бабушки, а въ чужомъ домѣ, что вотъ его и прилас-

Digitized by Google

кать-то некому, и никто любимаго пирожка не испечетъ ему. Кромѣ этихъ дѣтей, другихъ еще въ пансіонѣ пока не было.

Нечего дѣлать: отецъ и мать посадили баловника Илюшу за книгу. Это стоило слезъ, воплей, капризовъ. Наконецъ отвезли. Нѣмецъ былъ человѣкъ дѣльный и строгій, какъ почти всѣ нѣмцы. Можетъ быть у него Илюша и успѣлъ бы выучиться чему-нибудь хорошенько, еслибъ Обломовка была верстахъ въ пяти-стахъ отъ Верхлёва. Ато какъ выучиться? Обаяніе обломовской атмосферы, образа жизни и привычекъ простиралось и на Верхлёво: вѣдь оно тоже было нѣкогда Обломовкой.

. . . . . .

Умъ и сердце ребенка исполнились всѣхъ картинъ, сценъ и нравовъ этого быта прежде, нежели онъ увидѣлъ первую книгу. А кто знаетъ, какъ рано начинается развитіе умственнаго зерна въ дѣтскомъ мозгу? какъ услѣдить за рожденіемъ въ младенческой душѣ первыхъ понятій и впечатлѣній? Можетъ быть, когда дитя еще едва выговаривало слова, а можетъ быть еще вовсе не выговаривало, даже не ходило, а только смотрѣло на все тѣмъ пристальнымъ, нѣмымъ дѣтскимъ взглядомъ, который взрослые называютъ тупымъ, и ужь видѣло и угадывало значеніе и связь явленій окружающей его сферы, да только не признавалось въ этомъ ни себѣ, ни другимъ. Можетъ быть Илюша ужь давно замѣчаетъ и понимаетъ, что̀ говорятъ и дѣлаютъ при немъ.

. . . . . .

. . . . . .

И вотъ воображенію спящаго Ильи Ильича начали по очереди, какъ живыя картины, открываться сначала три главные акта жизни, разыгрывавшіеся, какъ въ его семействѣ, такъ у родственниковъ и знаковыхъ: родины, сватьба, похороны. Потомъ потянулась пестрая процессія веселыхъ и печальныхъ подраздѣленій ея: имянинъ, семейныхъ праздниковъ, шумныхъ обѣдовъ, родственныхъ съѣздовъ, привѣтствій, поздравленій, офиціяльныхъ слезъ и улыбокъ. Все отправлялось съ такою точностію, такъ важно и торжественно. Ему представлялись даже знакомыя лица, и мины ихъ при разныхъ случаяхъ, ихъ заботливость и суета. Дайте имъ какое котите щекотливое сватовство, какую хотите торжественную сватьбу или имянины — справятъ по всѣмъ правиламъ, безъ малѣйшаго упущенія. Кого гдѣ посадить, что̀ и какъ подать, кому съ кѣмъ ѣхать въ церемоніи,

Digitized by Google

примѣту ли соблюсти, — во всемъ этомъ никто никогда не допускалъ ни малѣйшей ошибки въ Обломовкѣ. Ребенка ли выходить не сумѣютъ тамъ? Стоитъ только взглянуть, какихъ розовыхъ и увѣсистыхъ купидоновъ носятъ и водятъ за собой тамошнія матери. Онѣ на томъ стоятъ, чтобъ дѣти были толстенькія, бѣленькія и здоровенькія . . . . . .

Они отступятся отъ весны, знать ее не захотятъ, если не пенекутъ въ началѣ ея жаворонка. Какъ имъ не знать и не исполнять этого? Тутъ вся ихъ жизнь, всѣ ихъ скорби и радости. Оттого они и гонятъ отъ себя всякую другую заботу и печаль и не знаютъ другихъ радостей, что жизнь ихъ кишила этими неизбѣжными событіями, которыя задавали безконечную пищу ихъ уму и сердцу. Они съ біющимся отъ волненія сердцемъ ожидали пира, именинъ, сватьбы и т. п. Какъ только раждался ребенокъ, заботою родителей было задать послѣ крестинъ пиръ. За тѣмъ начиналось заботливое ухаживанье за нимъ. Мать задавала себѣ и нянькѣ задачу — выходить здоровенькаго ребенка, беречь его отъ простуды, отъ глазу и другихъ враждебныхъ обстоятельствъ. Усердно хлопотали, чтобъ дитя былъ всегда веселъ и кушалъ много. Только лишь поставятъ на ноги молодца, т. е. когда нянька станетъ ему не нужна, какъ въ сердце матери закрадывается уже тайное желаніе пріискать подругу подъ пару ему. Опять настаетъ эпоха пировъ, наконецъ сватьба: на этомъ и сосредоточивался весь паѳосъ жизни. Потомъ уже начинались повторенія: рожденіе дѣтей, пиры, пока похороны не измѣнятъ декораціи; но не надолго: одни лица уступаютъ мѣсто другимъ, дѣти становятся юношами и вмѣстѣ съ тѣмъ женихами, женятся, производятъ подобныхъ себѣ, — и такъ жизнь по этой програмѣ тянется безпрерывной однообразною тканью, незамѣтно обрываясь у самой могилы.

Но всматриваясь пристальнѣе въ давнопрошедшій бытъ Обломовки, видимъ, что скромнымъ ея обитателямъ навязывались порой и другія заботы, но обломовцы встрѣчали ихъ по большой части съ стоическимъ равнодушіемъ и заботы, покружившись надъ головами ихъ, мчались мимо, какъ птицы, которыя, прилетя къ гладкой стѣнѣ и не найдя мѣстечка пріютиться, потрепетавъ напрасно крыльями о твердый камень, летятъ далѣе. Такъ, напримѣръ, однажды часть галлереи у Обломовыхъ съ одной стороны дома вдругъ об-

Digitized by Google

рушилась и погребла подъ развалинами своими насѣдку съ цыплятами; досталось бы и Аксиньѣ, женѣ Антипа, которая усѣлась-было подъ галлереей съ донцемъ, да на ту пору, къ счастью своему, пошла за мочками. Въ домѣ сдѣлался гвалтъ: всѣ прибѣжали, отъ мала до велика, и ужаснулись, представивъ себѣ, что вмѣсто насѣдки съ цыплятами тутъ могла прохаживаться сама барыня съ Ильей Ильичемъ. Всѣ ахнули и начали упрекать другъ друга въ томъ, какъ это давно въ голову не пришло — одному напомнить, другому велѣть поправить, третьему поправить. Всѣ дались диву, что галлерея обрушилась, а на какунѣ дивились, какъ это она такъ долго держится. Начались заботы и толки, какъ поправить дѣло, пожалѣли о насѣдкѣ съ цыплятами и медленно разошлись по своимъ мѣстамъ, настрого запретивъ подводить къ галлереѣ Илью Ильича. Потомъ, недѣли черезъ три, велѣно было Андрюшкѣ, Петрушкѣ, Васькѣ обрушившіяся доски и перила оттащить къ сараямъ, чтобъ онѣ не лежали на дорогѣ. Тамъ валялись онѣ до весны. Старикъ Обломовъ всякой разъ, какъ увидитъ ихъ изъ окошка, такъ и озаботится мыслью о поправкѣ: призоветъ плотника, начнетъ совѣщаться какъ лучше сдѣлать, новую ли галлерею выстроить, или сломать и остатки, потомъ отпуститъ его домой, сказавъ: «поди себѣ, а я подумаю.» Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока Васька или Мотька донесъ барину, что вотъ-де когда онъ, Мотька, сего утра лазилъ на остатки галлереи, такъ углы совсѣмъ отстали отъ стѣнъ и того гляди рухнутъ опять. Тогда призванъ былъ плотникъ на окончательное совѣщаніе, вслѣдствіе котораго рѣшено было подпереть пока старыми обломками остальную часть уцѣлѣвшей галлереи, что́ и было сдѣлано къ концу того же мѣсяца.

— Э! да галлерея-то пойдетъ опять за-ново, сказалъ старикъ женѣ:—смотри-ка, какъ Ѳедотъ красиво разставилъ бревна! Вотъ теперь и хорошо: опять на-долго!

Кто-то напомнилъ ему, что вотъ кстати бы ужъ и ворота исправить и крыльцо починить, а то-дескать, сквозь ступеньки не только кошки, и собаки пролѣзаютъ въ подвалъ.

— Да, да, надо, заботливо отвѣчалъ Илья Иванычъ и шелъ тотчасъ осмотрѣть крыльцо.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, вишь вѣдь какъ, совсѣмъ разшаталось, говорилъ онъ, качая ногами крыльцо какъ колыбель.

Digitized by Google

— Да оно и тогда шаталось, какъ его сдѣлали, замѣтилъ кто-то. — Такъ что́жь, что шаталось, отвѣчалъ Обломовъ: — да вотъ не развалилось же, даромъ-что 16 лѣтъ безъ поправки стоитъ. Славно тогда сдѣлалъ Лука...Вотъ былъ плотникъ такъ плотникъ...умеръ, царство ему небесное! нынче избаловались: не сдѣлаютъ такъ.

И онъ обращалъ глаза въ другую сторону, а крыльцо, говорятъ, шатается и до сихъ поръ и все еще не развалилось.

Видно, въ-самомъ-дѣлѣ, славный былъ плотникъ этотъ Лука.

Надо впрочемъ отдать хозяевамъ справедливость: иной разъ въ бѣдѣ или при неудобствѣ они очень обеспокоятся, даже погорячатся и разсердятся. Какъ, дескать, можно запускать или оставлять то и другое: надо сей часъ принять мѣры. — И говорятъ долго о томъ, какъ-бы починить мостикъ, что-ли, черезъ канаву, или огородить въ одномъ мѣстѣ садъ, чтобъ скотина не портила деревьевъ, потому-что часть плетня въ одномъ мѣстѣ совсѣмъ лежала на землѣ. Илья Иванычъ простеръ свою заботливость даже до того, что однажды, гуляя по саду, собственноручно приподнялъ, кряхтя и охая, плетень и велѣлъ садовнику подставить поскорѣе двѣ жерди: плетень, благодаря этой распорядительности Обломова, простоялъ такъ все лѣто и только зимой снѣгомъ повалило его опять. Наконецъ даже дошло до того, что на мостикъ настлали три новыя доски, тотчасъ-же, какъ только Антипъ свалился съ него съ лошадью и съ бочкой въ канаву. Онъ еще не успѣлъ выздоровѣть отъ ушиба, а ужь мостикъ отдѣланъ былъ почти за-ново. Коровы и козы тоже немного взяли послѣ новаго паденія плетня въ саду: онѣ съѣли только смородинные кусты да принялись обдирать всего десятую липу, а до яблонь и не дошли, какъ послѣдовало распоряженіе — врыть плетень какъ надо и даже окопать канавкой. Досталось же и двумъ коровамъ и козѣ, пойманнымъ на дѣлѣ: славно вздули бока.

А вотъ и знакомая большая темная гостиная въ Обломовкѣ, съ ясеневыми старинными креслами, вѣчно покрытыми чехлами, съ огромнымъ неуклюжимъ и жосткимъ диваномъ, обитымъ полинялымъ голубымъ бараканомъ въ пятнахъ, и однимъ большимъ кожанымъ кресломъ. Наступаетъ длинный зимній вечеръ. Жена Ильи Иваныча сидитъ на диванѣ, поджавъ ноги подъ себя, и лѣниво вяжетъ дѣтскій чулокъ, зѣвая и почесывая по вре-

Digitized by Google

менамъ спящей голову. Подлѣ нея сидятъ Настасья Ивановна да Пелагея Игнатьевна и, уткнувъ носы въ работу, прилежно шьютъ что-нибудь къ празднику для Илюши, или для отца его, или для самихъ себя. Илья Иванычъ, заложивъ руки назадъ, ходитъ по комнатѣ взадъ и впередъ, въ совершенномъ удовольствіи, или присядетъ въ кресла и посидѣвъ немного, начнетъ опять ходить, внимательно прислушиваясь къ звуку собственныхъ шаговъ. Потомъ понюкаетъ табаку, высморкается и опять понюкаетъ. Въ комнатѣ тускло горитъ одна сальная свѣчка, и то это допускалось только въ зимніе и осенніе вечера. Въ лѣтніе мѣсяцы всѣ старались ложиться и вставать безъ свѣчей, при дневномъ свѣтѣ. Это частію дѣлалось по привычкѣ, частію изъ экономіи. На всякой предметъ, который производился не дома, а пріобрѣтался покупкою, обломовцы были до крайности скуны. Они съ радушіемъ заколятъ отличную индѣйку или дюжину цыплятъ къ пріѣзду гостя, но лишней изюменки въ кушанье не положатъ и поблѣднѣютъ, когда тотъ же гость самовольно вздумаетъ самъ наливать себѣ въ рюмку вина. Впрочемъ такого разврата тамъ почти не случалось: это сдѣлаетъ развѣ сорванецъ какой-нибудь, погибшій въ общемъ мнѣніи человѣкъ; такого гостя и на дворъ не пустятъ. Нѣтъ, не такіе нравы были тамъ: гость тамъ послѣ троекратнаго потчиванья и не дотронется ни до чего. Онъ очень хорошо знаетъ, что однократное подчиванье чаще заключаетъ въ себѣ просьбу отказаться отъ предлагаемаго блюда или вина, нежели отвѣдать его. Не для всякаго зажгутъ и двѣ свѣчи. Свѣчка покупалась въ городѣ на деньги и берегласъ, какъ и всѣ покупныя вещи, подъ ключомъ самой хозяйки. Огарки бережно считались и прятались. Вообще тамъ денегъ тратить не любили, и какъ ни необходима была вещь, но деньги за нее выдавались всегда съ великимъ соболѣзнованіемъ, что если издержка была незначительна. Значительная же трата сопровождалась стонами, воплями и бранью. Обломовцы соглашались лучше терпѣть всякаго рода неудобства, даже привыкали не считать ихъ неудобствами, чѣмъ тратить деньги. Отъ этого и диванъ въ гостиной давнымъ давно весь въ пятнахъ, отъ этого и кожаное кресло Ильи Иваныча только называется кожанымъ, а въ самомъ-то дѣлѣ оно не то мочальное, не то веревочное: кожи-то остался только на спинкѣ одинъ клочокъ, а остальная ужь пять лѣтъ какъ развалилась въ куски и слѣзла; оттого

Digitized by Google

же можетъ быть и ворота все дривы и крыльцо шатается. Но заплатить за что-нибудь, хоть самонужнѣйшее, вдругъ 200, 300, 500 рублей казалось имъ какимъ-то отчаяннымъ дѣломъ... Услыхавъ, что одинъ изъ окрестныхъ молодыхъ помѣщиковъ ѣздилъ въ Москву и заплатилъ тамъ за дюжину рубашекъ 300 р., 25 р. за сапоги и 40 р. за жилетъ къ сватьбѣ, старикъ Обломовъ сначала поблѣднѣлъ, потомъ на отрѣзъ отказался вѣрить. Вообще они глухи были къ политико-экономическимъ истинамъ о необходимости быстраго и живого обращенія капиталовъ, объ усиленной производительности и промѣнѣ продуктовъ и т. п. Они, въ простотѣ души, понимали и приводили въ исполненіе единственное употребленіе капиталовъ — держать ихъ въ сундукѣ.

На креслахъ въ гостиной, въ разныхъ положеніяхъ, сидятъ и сопятъ обитатели или обычные посѣтители дома. Между собесѣдниками по большой части царствуетъ глубокое молчаніе: всѣ видятся ежедневно другъ съ другомъ; умственныя сокровища взаимно изчерпаны и извѣданы, а новостей извнѣ не получается. Тихо; только раздаются шаги тяжелыхъ домашней работы сапогъ Ильи Иваныча, еще стѣнные часы въ футлярѣ глухо постукиваютъ маятникомъ, да порванная время отъ времени, рукой или зубами, нитка у Пелагеи Игнатьевны или Настасьи Ивановны нарушаютъ глубокую тишину. Такъ иногда пройдетъ полчаса, развѣ кто-нибудь зѣвнетъ вслухъ... За нимъ зѣвнетъ сосѣдъ, потомъ слѣдующій, медленно, какъ-будто по командѣ, отворяетъ ротъ, и такъ далѣе заразительная игра воздуха въ легкихъ обойдетъ всѣхъ, при чемъ иного прошибетъ слеза. Или Илья Иванычъ подойдетъ къ окну, взглянетъ туда и скажетъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ: «еще 5 часовъ только, а ужь какъ темно на дворѣ!»

— Да, отвѣтитъ кто-нибудь: — объ эту пору всегда темно; длинные вечера наступаютъ.

И опять замолчатъ. А тамъ кто-нибудь станетъ снимать со свѣчи и вдругъ погаситъ; всѣ встрепенутся: «нечаянный гость!» скажетъ непремѣнно кто-нибудь. Иногда на этомъ завяжется разговоръ.

— Ктожъ бы это гость? скажетъ хозяйка: — ужь не Настасья ли Ѳадевна? ахъ, дай-то Господи! да, нѣтъ: она ближе праздника не будетъ Тото бы радости, тото бы обнялись-то да наплакались съ ней вдвоемъ. . . . . .

Digitized by Google

— А когда, бишь, она уѣхала отъ насъ? спросилъ Илья Иванычъ: — кажется, послѣ Ильина дня.

— Что ты, Илья Иванычъ? всегда перепутаешь! Она и Семика не дождалась.

— Она, кажется, въ Петровки здѣсь была, возражаетъ Илья Иванычъ.

— Ты всегда такъ, съ упрекомъ скажетъ жена: — споришь, только срамишься....

— Ну, какъ же не была въ Петровки? еще тогда все пироги съ грибами пекли.... она любитъ....

— Такъ это Марья Онисимовна: она любитъ пироги съ грибами; какъ это не помнишь! да и Марья Онисимовна не до Ильина дня, а до Прохора и Никонора гостила.

Они вели счетъ времени по праздникамъ, по временамъ года, по разнымъ семейнымъ и домашнимъ случаямъ, не ссылаясь никогда ни на мѣсяцы, ни на числа. Можетъ быть это происходило частію и оттого, что кромѣ самого Обломова, прочіе все путали и названія мѣсяцовъ и порядокъ чиселъ.

Замолчитъ побѣжденный Илья Ильичъ, и опять все общество погрузится въ дремоту. Илюша, завалившись за спину матери, тоже дремлетъ, а иногда и совсѣмъ спитъ.

— Да, скажетъ потомъ какой-нибудь изъ гостей съ глубокимъ вздохомъ: — вотъ мужъ-то Марьи Онисимовны, покойникъ Василій Ѳомичъ, какой былъ, Богъ съ нимъ, здоровый, а умеръ! и шестидесяти лѣтъ не прожилъ: жить бы этакому сто лѣтъ.

— Всѣ умремъ, кому когда, воля Божья, возражаетъ Пелагея Игнатьевна со вздохомъ. — Кто умираетъ, а вотъ у Ухловыхъ такъ не поспѣваютъ крестить: говорятъ, Анна Андревна опять родила — ужь это шестой.

— Одна ли Анна Андревна! сказала хозяйка: — вотъ какъ брата-то ея женятъ и пойдутъ дѣти, столько ли еще будетъ хлопотъ? И меньшіе подрастаютъ — тоже въ женихи смотрятъ; тамъ дочерей выдавай за-мужъ, а гдѣ женихи здѣсь? нынче вишь вѣдь все хотятъ приданаго, да все деньгами....

— Что вы такое говорите? спросилъ Илья Иванычъ, подошедши къ бесѣдующимъ.

— Да вотъ говоримъ, что....

И ему повторяютъ разсказъ.

Digitized by Google

— Вотъ жизнь-то человѣческая! поучительно произнесъ Илья Иванычъ: — одинъ умираетъ, другой родится, третій женится, а мы вотъ все старѣемся: не то что годъ на годъ, день на день не приходится! — зачѣмъ это такъ? чтобы вотъ всегда такъ, какъ есть?.. грустно, какъ подумаешь....

— Да, грустно, особенно когда вспомнишь, что надо когда-нибудь умереть, замѣтила хозяйка.

— Правда, правда, трусливо, скороговоркой отозвался Илья Иванычъ, вздумавшій-было пофилософствовать, и пошелъ опять ходить взадъ и впередъ.

Долго опять молчатъ: шипятъ только продѣваемыя взадъ и впередъ иглой нитки. Иногда хозяйка нарушитъ молчаніе,

— Да, темно на дворѣ, скажетъ она. — Вотъ, Богъ дастъ, какъ дождемся святокъ: пріѣдутъ погостить свои, ужо будетъ повеселѣе, и не видно, какъ будутъ проходить вечера. Вотъ еслибъ Маланья Петровна пріѣхала, ужь тутъ было бы проказъ-то: чего она ни затѣетъ. И олово лить, и воскъ топить, и за ворота бѣгать; дѣвокъ у меня всѣхъ съ пути собьетъ. Прятки да игры разныя.... такая, право!

— Да, свѣтская дама! замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ: — въ позапрошломъ году она и съ горъ выдумала кататься, вотъ какъ еще Лука-то Савичъ бровь расшибъ....

Вдругъ всѣ встрепенулись, посмотрѣли на Луку Савича и разразились хохотомъ.

— Какъ это ты, Лука Савичъ, ну-ка, ну, разскажи, говоритъ Илья Иванычъ и помираетъ со смѣху.

И всѣ продолжаютъ хохотать, и Илюша, проснулся и онъ хохочетъ.

— Ну, чего разсказывать! говоритъ смущенный Лука Савичъ: — это все вонъ Алексѣй Наумычъ выдумалъ: ничего и не было совсѣмъ....

— Э! хоромъ подхватили всѣ: — да какъ же ничего не было? мы-то умерли развѣ?... а лобъ-то, лобъ-то, вонъ и до сихъ поръ рубецъ видѣнъ....

И захохотали.

— Да что вы смѣетесь! старается выговорить въ промежуткахъ смѣха Лука Савичъ: — я бы.... и не того.... да все Васька, разбойникъ.... салазки старыя подсунулъ.... онѣ и разъѣхались подо мной.... я и того....

Digitized by Google

Общій хохотъ покрылъ его голосъ. Напрасно онъ силится досказать исторію своего паденія. Хохотъ разлился по всему обществу, проникъ до передней и до дѣвичьей, обнялъ весь домъ, всѣ вспомнили забавный случай, всѣ хохочутъ долго, дружно, *несказанно*, какъ олимпійскіе боги. Начнутъ умолкать, какъ кто-нибудь подхватитъ опять, и пошло писать. Наконецъ кое-какъ съ трудомъ успокоились.

— А что, нынче о святкахъ будешь кататься, Лука Савичъ? спросилъ помолчавъ Илья Иванычъ.

Опять общій взрывъ хохота, продолжавшійся минутъ десять.

— Не велѣть ли Антипкѣ постомъ сдѣлать гору? вдругъ опять скажетъ Обломовъ: — Лука Савичъ, молъ, охотникъ большой, не терпится ему....

Хохотъ всей компаніи не далъ договорить ему.

— Да цѣлы ли тѣ... салазки-то? едва отъ смѣху выговорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

Опять смѣхъ.

Долго смѣялись всѣ. Наконецъ стали мало-по-малу затихать; иной утиралъ слезы, другой сморкался, третій кашлялъ неистово и плевалъ, съ трудомъ выговаривая:

— Ахъ, ты, батюшки! задушила мокрота совсѣмъ.... насмѣшилъ тогда: право! такой грѣхъ! Какъ онъ спиной-то кверху, а полы кафтана врозь....

Тутъ слѣдовалъ окончательно послѣдній, самый продолжительный раскатъ хохота, и за тѣмъ все смолкло. Одинъ вздохнулъ, другой зѣвнулъ вслухъ, съ приговоркой, и все погрузилось въ молчаніе.

По прежнему слышалось только качанье маятника, стукъ сапогъ Обломова, да легкій трескъ откушенной нитки. Вдругъ Илья Иванычъ остановился посреди комнаты съ встревоженнымъ видомъ, держась за кончикъ носа.

— Что это за бѣда! смотрите-ка! сказалъ онъ: — быть покойнику: у меня кончикъ носа все чешется....

— Ахъ, ты, Господи! всплеснувъ руками, сказала жена: — какой же это покойникъ, коли кончикъ чешется? Покойникъ — когда переносье чешется. Ну, Илья Иванычъ, какой ты, Богъ съ тобой, безпамятный! Вотъ, этакъ, скажешь въ людяхъ когда-нибудь или при гостяхъ, и стыдно будетъ.

Digitized by Google

— Да что́ же это значитъ — кончикъ-то чешется? спросилъ сконфуженный Илья Иванычъ.

— Въ рюмку смотрѣть! Ато, какъ это можно; покойникъ!

— Все путаю! сказалъ Илья Иванычъ: — гдѣ тутъ упомнить: то съ боку носъ чешется, то съ конца, то брови....

— Съ боку, подхватила Пелагея Ивановна: — означаетъ вѣсти, брови чешутся — слезы; лобъ — кланяться; съ правой стороны чешется — мужчинѣ, съ лѣвой — женщинѣ; уши зачешутся — значитъ къ дождю, губы — цаловаться; усы — гостинцы ѣсть; локоть — на новомъ мѣстѣ спать; подошвы — дорога....

— Ну, Пелагея Ивановна, молодецъ! сказалъ Илья Иванычъ: — а то еще когда масло дешево будетъ, такъ затылокъ, что́ ли, чешется....

Готовился опять взрывъ хохота, но въ эту минуту въ комнатѣ, среди глубокаго молчанія, раздалось въ одно время, какъ-будто ворчанье собаки и шипѣнье кошки, когда онѣ собираются броситься другъ на друга. Это загудѣли часы.

— Э! да ужь девять часовъ! съ радостнымъ изумленіемъ произнесъ Илья Иванычъ. — Смотри-ка, пожалуй, и не видать, какъ время прошло. Эй, Васька, Ванька, Мотька!

Явились три заспанныя физіономіи.

— Что́жь вы не накрываете на столъ! съ удивленіемъ и досадой спросилъ Обломовъ: — нѣтъ чтобы подумать о господахъ! Ну, чего стоите? скорѣй — водки!

— Вотъ отчего кончикъ носа чесался! живо сказала Пелагея Ивановна: — будете пить водку и посмотрите въ рюмку.

Послѣ ужина, почмокавшись, всѣ расходятся по своимъ постелямъ, и сонъ воцаряется надъ безпечными головами.

И не одинъ, не два такихъ вечера, — а тянутся цѣлые недѣли, мѣсяцы и годы такъ проводимыхъ дней и вечеровъ. Ничто не нарушало однообразія этой жизни и сами обломовцы не тяготились ею, потому-что и не представляли себѣ другого житья-бытья; а еслибъ и смогли представить, то съ ужасомъ отвернулись бы отъ него. Другой жизни и не хотѣли бы и не любили бы они. . . . . .

Зачѣмъ имъ разнообразіе, перемѣны, случайности, на которыя напрашиваются другіе? . . . . . .

Digitized by Google

Вѣдь случайности, хоть бы и выгоды какія-нибудь, безпокойны: онѣ требуютъ хлопотъ, заботъ, бѣготни, ѣзды — не посиди на мѣстѣ — торгуй или пиши — словомъ, поворачивайся, шутка ли! Они продолжали цѣлые десятки лѣтъ сопѣть, дремать и зѣвать, или заливаться добродушнымъ смѣхомъ отъ деревенскаго юмора, или, собираясь въ кружокъ, разсказывали, что́ кто видѣлъ ночью во снѣ. Если сонъ былъ страшный, всѣ задумывались, боялись не шутя, если вѣщій, всѣ непритворно радовались или печалились, смотря по тому, страшное или утѣшительное снилось во снѣ. Требовалъ ли сонъ соблюденія какой-нибудь примѣты, тотчасъ для этого принимались дѣятельныя мѣры. Не это, такъ играютъ въ дураки, въ свои козыри, а по праздникамъ съ гостями въ бостонъ, или раскладываютъ гранъ-пасьянсъ.

Изрѣдка развѣ это провожденіе времени нарушится какимъ-нибудь нечаяннымъ случаемъ, когда, напримѣръ, всѣ угорятъ цѣлымъ домомъ отъ мала до велика. Другихъ болѣзней почти и не слыхать было въ дому и деревнѣ. Развѣ кто-нибудь напорется на какой-нибудь колъ въ темнотѣ, или свернется съ сѣновала, или съ крыши свалится доска да ударитъ по головѣ. Но все это случалось рѣдко, и противъ такихъ нечаянностей употреблялись домашнія испытанныя средства: ушибенное мѣсто потрутъ бодягой или зарей, или пошепчутъ — и все пройдетъ. Но угаръ случался частенько. Тогда всѣ валяются въ-повалку по постелямъ; слышится оханье, стоны; одинъ обложитъ голову огурцами и повяжется полотенцемъ, другой положитъ клюквы въ уши и нюхаетъ хрѣнъ, третій въ одной рубашкѣ уйдетъ на морозъ, четвертый просто валяется безъ чувствъ по полу. Это случалось періодически одинъ или два раза въ мѣсяцъ, потому-что тепла даромъ въ трубу пускать не любили и закрывали печи, когда въ нихъ бѣгали еще такіе огоньки, какъ въ Робертѣ-дьяволѣ. Ни къ одной лежанкѣ, ни къ одной печкѣ нельзя было приложить руки: того и гляди, вскочитъ пузырь.

Однажды только однообразіе ихъ быта нарушилось ужь подлинно нечаяннымъ случаемъ. Когда, отдохнувъ послѣ труднаго обѣда, всѣ собрались къ чаю, вдругъ пришелъ воротившійся изъ города обломовскій мужикъ, и ужь онъ доставалъ, доставалъ изъ-за пазухи, наконецъ насилу досталъ скомканное письмо на имя Ильи Иваныча Обломова. Всѣ обомлѣли. Хозяйка да-

Digitized by Google

же измѣнилась немного въ лицѣ. Глаза у всѣхъ устремились и носы вытянулись по направленію къ письму.

— Что за диковина! отъ кого это? произнесла наконецъ барыня, опомнившись.

Обломовъ взялъ письмо и съ недоумѣніемъ ворочалъ его въ рукахъ, не зная, что съ нимъ дѣлать.

— Да ты гдѣ взялъ? спросилъ онъ мужика: — кто тебѣ далъ?

— А на дворѣ, гдѣ я приставалъ въ городѣ-то, слышь ты, отвѣчалъ мужикъ: — съ пошты приходили два раза спрашивать, нѣтъ ли обломовскихъ мужиковъ: письмо, слышь, къ барину есть.

— Ну?

— Ну, я перва-на-перво притаился: солдатъ и ушелъ съ письмомъ-то. Да верхлёвскій дьячокъ видалъ меня — онъ и сказалъ. Пришли въ-другорядь. Какъ пришли въ-другорядь-то, и отдали письмо, еще пятакъ взяли. Я спросилъ, что молъ дѣлать мнѣ съ нимъ, куда его дѣть? Такъ вотъ велѣли вашей милости отдать.

— А ты бы не бралъ, сердито замѣтила барыня.

— Я и то не бралъ. На что, молъ, намъ письмо-те, намъ не надо. Намъ, молъ, не наказывали писемъ брать — я не смѣю: подите вы, съ письмомъ-то.

— Отъ когожь бы это? задумчиво говорилъ Обломовъ, разсматривая адресъ: — рука какъ-будто знакомая — право.

И письмо пошло ходить изъ рукъ въ руки. Начались толки и догадки, отъ кого и о чемъ оно могло быть. Всѣ наконецъ стали въ-тупикъ. Илья Иванычъ велѣлъ сыскать очки: ихъ отыскивали часа полтора. Онъ надѣлъ ихъ и уже подумывалъ-было вскрыть письмо.

— Полно, не распечатывай, Илья Иванычъ, съ боязнію остановила его жена: — кто его знаетъ, какое оно тамъ, письмо-то? можетъ быть еще страшное, бѣда какая-нибудь. Вишь вѣдь народъ-то нынче какой сталъ! Завтра или послѣ завтра успѣешь — не уйдетъ оно отъ тебя.

И письмо съ очками было спрятано подъ замокъ. Всѣ занялись чаемъ. Оно бы пролежало тамъ годы, еслибъ не было слишкомъ необыкновеннымъ явленіемъ и не взволновало умы обломовцевъ. За чаемъ и на другой день у всѣхъ только и разго-

Digitized by Google

вору было что о письмѣ. Наконецъ не вытерпѣли и на четвертый день, собравшись толпой, съ смущеніемъ распечатали. Обломовъ взглянулъ на подпись.

— Радищевъ, прочиталъ онъ. — Э! да это отъ Филипа Матвѣича!

— А! э! вотъ отъ кого! поднялось со всѣхъ сторонъ: — да какъ это онъ еще живъ по сю пору? поди ты, еще не умеръ! Ну, слава Богу! что онъ пишетъ?

Обломовъ сталъ читать вслухъ. Оказалось, что Филипъ Матвѣичъ проситъ прислать ему рецептъ пива, которое особенно хорошо варили въ Обломовкѣ.

— Послать, послать ему! заговорили всѣ: — надо написать письмецо.

Такъ прошло недѣли двѣ.

— Надо, надо написать! твердилъ Илья Иванычъ женѣ: — гдѣ рецептъ-то?

— А гдѣ онъ? отвѣчала жена: — еще надо сыскать. Да погоди, что торопиться! Вотъ, Богъ дастъ, дождемся праздника, разговѣемся, тогда и напишешь, еще не уйдетъ....

— Въ самомъ дѣлѣ, о праздникѣ лучше напишу, сказалъ Илья Иванычъ.

На праздникѣ опять зашла рѣчь о письмѣ. Илья Иванычъ собрался совсѣмъ писать. Онъ удалился въ кабинетъ, надѣлъ очки и сѣлъ къ столу. Въ домѣ воцарилась глубокая тишина, прислугѣ не велѣно было топать и шумѣть. «Баринъ пишетъ!» шопотомъ говорили всѣ. Онъ только было вывелъ «Милостивый государь» медленно, криво, дрожащей рукой и съ такою осторожностію, какъ-будто дѣлаетъ какое-нибудь опасное дѣло, какъ къ нему явилась жена.

— Искала, искала, нѣту рецепта, сказала она. — Надо еще въ спальнѣ въ шкапѣ поискать. Да какъ посылать письмо-то?

— Съ почтой надо, отвѣчалъ Илья Иванычъ.

— А что туда стоитъ?

Обломовъ досталъ старый календарь.

— Сорокъ копеекъ, сказалъ онъ.

— Вотъ, сорокъ копеекъ на пустяки бросать! замѣтила она: — лучше подождемъ, не будетъ ли изъ города оказіи туда. Ты вели узнавать мужикамъ.

Digitized by Google

— И въ-самомъ-дѣлѣ, по оказіи-то лучше, отвѣчалъ Илья Иванычъ и, пощелкавъ перо объ столъ, всунулъ въ чернильницу и снялъ очки.

— Право, лучше, заключилъ онъ: — еще не уйдетъ: успѣемъ послать.

Неизвѣстно, дождался ли Филипъ Матвѣичъ рецепта?

Илья Иванычъ иногда возьметъ и книгу въ руки, ему все равно, какую-нибудь. Онъ и не подозрѣвалъ въ чтеніи существенной потребности, а считалъ его роскошью, такимъ дѣломъ, безъ котораго легко и обойтись можно, — такъ точно, какъ можно имѣть картину на стѣнѣ, можно и не имѣть; можно пойти прогуляться, можно и не пойти. Отъ этого ему и все равно, какая бы ни была книга; онъ смотрѣлъ на нее, какъ на вещь, назначенную для развлеченія, отъ скуки и отъ нечего дѣлать. «Давно не читалъ книги», скажетъ онъ, или иногда измѣнитъ фразу: «дай-ко почитаю книгу», скажетъ, или просто мимоходомъ случайно увидитъ доставшуюся ему послѣ брата небольшую кучку книгъ и вынетъ, не выбирая, что̀ попадется. Голиковъ ли попадется ему, *Новѣйшій ли Сонникъ*, Хераскова *Россіяда*, или трагедіи Сумарокова, или наконецъ третьегоднишныя вѣдомости — онъ все читаетъ съ равнымъ удовольствіемъ, приговаривая по временамъ: «видишь, что̀ вѣдь выдумалъ! экой разбойникъ! ахъ, чтобъ тебѣ пусто было!» Эти восклицанія относились къ авторамъ,—званіе, которое, въ глазахъ его, не пользовалось никакимъ уваженіемъ; онъ даже усвоилъ себѣ и то полупрезрѣніе къ писателямъ, которое питали къ нимъ люди стараго времени. Онъ, какъ и многіе тогда, почиталъ сочинителя не иначе какъ весельчакомъ, гулякой, пьяницей и потѣшникомъ, въ родѣ плясуна.

Иногда онъ изъ третьегоднишныхъ газетъ почитаетъ и вслухъ, для всѣхъ, или такъ сообщаетъ имъ извѣстія. «Вотъ изъ Гаги пишутъ», скажетъ онъ, «что е. в. король изволилъ благополучно возвратиться изъ кратковременнаго путешествія во дворецъ». Или: «въ Вѣнѣ такой-то посланникъ вручилъ свои кредитивныя граматы». «А вотъ тутъ пишутъ, говорилъ онъ еще, что сочиненіе г-жи Жанлисъ перевели на россійскій языкъ».

— Это все, чай, для того переводятъ, замѣчаетъ одинъ изъ слушателей, мелкопомѣстный помѣщикъ: — чтобъ у нашего брата деньги выманивать.

Digitized by Google

А бѣдный Илюша ѣздитъ да ѣздитъ учиться къ Штольцу. Какъ только онъ проснется въ понедѣльникъ, на него ужъ нападаетъ тоска. Онъ слышитъ рѣзкій голосъ Васьки, который кричитъ съ крыльца:

— Антипка! закладывай пѣгую: барченка къ нѣмцу везти!

Сердце дрогнетъ у него. Онъ печальный приходитъ къ матери. Та знаетъ отчего и начинаетъ золотить пилюлю, втайнѣ вздыхая сама о разлукѣ съ нимъ на цѣлую недѣлю. Не знаютъ чѣмъ и накормить его въ то утро, напекутъ ему булочекъ и крендельковъ, отпустятъ съ нимъ соленья, печенья, варенья, постилъ разныхъ и другихъ всякихъ сухихъ и мокрыхъ лакомствъ и даже съѣстныхъ припасовъ, въ такомъ количествѣ, съ которымъ можно открыть бакалейную лавку гдѣ-нибудь въ уѣздномъ городѣ. Все это отпускалось въ тѣхъ видахъ, что у нѣмца нежирно кормятъ.

— Тамъ не разъѣшься, говорили обломовцы: обѣдать-то дадутъ супу, да жаркого, да картофелю, къ чаю масла, а ужинать-то *моргенъ фри* — носъ утри.

Впрочемъ Ильѣ Ильичу представлялись больше такіе понедѣльники, когда онъ не слышитъ голоса Васьки, приказывающаго закладывать пѣгашку, и когда мать встрѣчаетъ его за чаемъ съ улыбкой и съ пріятною новостью:

— Сегодня не поѣдешь, въ четвергъ большой праздникъ: стоитъ ли ѣздить взадъ и впередъ на три дня?

Или иногда вдругъ объявитъ ему, что сегодня Родительская недѣля:

— Не до ученья: блины будемъ печь.

А не то такъ мать посмотритъ утромъ въ понедѣльникъ пристально на него, да и скажетъ:

— Что-то у тебя глаза не свѣжи сегодня? здоровъ ли ты? и покачаетъ головой.

Лукавый мальчишка здоровехонекъ, но молчитъ.

— Посидика-ка ты эту недѣльку дома, скажетъ она: — а тамъ что́ Богъ дастъ.

И всѣ въ домѣ были проникнуты убѣжденіемъ, что ученье и Родительская суббота никакъ не должны совпадать вмѣстѣ, или что праздникъ въ четвергъ есть неодолимая преграда къ ученью во всю недѣлю. . . . . .

Digitized by Google

Въ другой разъ вдругъ къ нѣмцу Антипка явится на знакомой пѣгашкѣ, среди или въ началѣ недѣли, за Ильей Ильичемъ.

— Пріѣхала, дескать, Марья Савишна или Наталья Ѳадевна гостить, или Кузовковы со всѣми дѣтьми — такъ пожалуйте домой.

И недѣли три Илюша гоститъ дома, а тамъ, смотришь, до Страстной недѣли ужь недалеко, а тамъ и праздникъ; а тамъ кто-нибудь въ семействѣ почему-то рѣшитъ, что на Ѳоминой недѣлѣ не учатся; до лѣта остается недѣли двѣ — не стоитъ ѣздить, а лѣтомъ и самъ нѣмецъ отдыхаетъ, такъ ужь лучше до осени отложить. Посмотришь, Илья Ильичъ и отгуляется полгода, и какъ выростетъ онъ въ это время, какъ потолстѣетъ, какъ спитъ славно: не налюбуются на него въ домѣ, замѣчая, напротивъ, что возвратясь въ субботу отъ нѣмца, ребенокъ худъ и блѣденъ:

— Долго ли до грѣха? говорили отецъ и мать: — ученье-то не уйдетъ, а здоровья не купишь; здоровье дороже всего въ жизни. Вишь онъ изъ ученья какъ изъ больницы воротится: жирокъ весь пропадаетъ, жиденькій такой.... да и шалунъ: все бы ему бѣгать!

— Да, замѣтитъ отецъ: — ученье-то не свой братъ: хоть кого въ бараній рогъ свернетъ.

И нѣжные родители продолжали пріискивать предлоги удерживать сына дома. За предлогами, и кромѣ праздниковъ, дѣло не ставало. Зимой казалось имъ холодно, лѣтомъ по жарѣ тоже не годится ѣхать, а иногда и дождь пойдетъ, осенью — слякоть мѣшаетъ. Иногда такъ Антипка что-то сомнителенъ покажется: пьянъ, не пьянъ, а какъ-то дико смотритъ: бѣды бы не было, завязнетъ или оборвется гдѣ-нибудь.

Обломовы старались впрочемъ придать какъ можно болѣе законности этимъ предлогамъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, и особенно въ глазахъ Штольца, который не щадилъ, и въ глаза и за глаза, *доннерветтеровъ* за такое баловство. Времена Простаковыхъ и Скотининыхъ миновались давно. Пословица: *ученье свѣтъ, а не ученье тьма*, бродила уже по селамъ и деревнямъ, вмѣстѣ съ книгами, развозимыми букинистами. Старики понимали выгоду просвѣщенія, но только внѣшнюю его выгоду. Они видѣли, что ужь всѣ начали выходить въ люди, т. е. пріобрѣтать чины, кресты и деньги не иначе, какъ только путемъ ученья,

Digitized by Google

что старымъ подъячимъ, заторѣлымъ на службѣ дѣльцамъ, состарѣвшимся въ давнишнихъ привычкахъ, навычкахъ и крючкахъ, приходилось плохо.... Стали носиться грозные, зловѣщіе слухи о необходимости не только знанія граматы, но и другихъ, до тѣхъ поръ неслыханныхъ въ томъ быту наукъ. Между титулярнымъ совѣтникомъ и коллежскимъ асессоромъ разверзалась бездна, мостомъ черезъ которую служитъ какой-то дипломъ. Старые служаки, чада привычки и питомцы взятокъ, стали исчезать. Многихъ, которые не успѣли умереть, выгнали за неблагонадежность, другихъ отдали подъ судъ; самые счастливые были тѣ, которые, махнувъ рукой на новый порядокъ вещей, убрались по добру да по здорову въ благопріобрѣтенные углы.

Обломовы смекали это и понимали выгоду образованія, но только эту *очевидную* выгоду. О внутренней потребности ученья они имѣли еще смутное и отдаленное понятіе, и оттого имъ хотѣлось уловить для своего Илюши пока нѣкоторыя блестящія преимущества. Они мечтали и о шитомъ мундирѣ для него, воображали его совѣтникомъ въ палатѣ, а мать даже и губернаторомъ, но всего этого хотѣлось бы имъ достигнуть какъ-нибудь подешевле, съ разными хитростями, обойти тайкомъ разбросанные по пути просвѣщенія и честей камни и преграды, не трудясь перескакивать черезъ нихъ, т. е. напримѣръ — учиться слегка, не до изнуренія души и тѣла, не до утраты благословенной, въ дѣтствѣ пріобрѣтенной полноты, а такъ, чтобъ только соблюсти предписанную форму и добыть какъ-нибудь атестатъ, въ которомъ бы сказано было, что Илюша *прошелъ всѣ науки и искусства.*

Вся эта обломовская система воспитанія встрѣтила сильную оппозицію въ системѣ Штольца. Борьба была съ обѣихъ сторонъ упорная. Штольцъ прямо, открыто и настойчиво поражалъ противниковъ, а они уклонялись отъ ударовъ вышесказанными и другими хитростями. Побѣда не рѣшалась никакъ; можетъ быть настойчивость Штольца и преодолѣла бы упрямство и закоснѣлость обломовцевъ, но нѣмецъ встрѣтилъ затрудненія на своей собственной сторонѣ, и побѣдѣ не суждено было рѣшиться ни на ту, ни на другую сторону. Дѣло въ томъ, что сынъ Штольца баловалъ Обломова, то подсказывая ему уроки, то дѣлая за него переводы.

Digitized by Google

Илья Ильичъ только-что проснется у себя дома, какъ у постели его уже стоитъ Захарка, впослѣдствіи знаменитый камердинеръ его Захаръ Трофимычъ.

Захаръ, какъ бывало нянька, натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Илюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему лежа то ту, то другую ногу. . . . . .

Потомъ Захарка чешетъ ему голову, натягиваетъ куртку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобъ не слишкомъ безпокоить его, и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать то, другое, вставши поутру, умыться и т. п.

Захочетъ ли чего-нибудь Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть, ужъ трое, четверо слугъ кидаются исполнять его желаніе. Уронитъ ли онъ что-нибудь, достать ли ему нужно вещь, да не достанетъ, принести ли что, сбѣгать ли зачѣмъ, ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать да три тетки въ пять голосовъ и закричатъ:

— Зачѣмъ, зачѣмъ, куда, куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй! Васька, Ванька, Захарка! чего вы смотрите, розини?

И не удастся никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что-нибудь самому для себя. Послѣ онъ нашелъ, что оно спокойнѣе гораздо, и самъ выучился покрикивать: эй, Васька, эй, Ванька! подай то, дай другое! Не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!

Побѣжитъ ли онъ съ лѣстницы или по двору, вдругъ вслѣдъ ему раздается въ десять отчаянныхъ голосовъ: «ахъ, ахъ, поддержите, остановите, упадетъ, расшибется: стой, стой!» Задумаетъ ли онъ выскочить зимой въ сѣни, или отворить форточку, опять крики: «ай, ай! куда, какъ можно? не бѣгай, не ходи, не отворяй: убьешся, простудишься....» И Илюша съ печалью оставался дома, лелѣемый, какъ экзотическій цвѣтокъ въ теплицѣ, и, также какъ послѣдній подъ стекломъ, онъ росъ медленно и вяло. Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли, увядая.

А иногда онъ проснется такой бодрый, свѣжій, веселый; онъ чувствуетъ, въ немъ играетъ что-то, кипитъ и поддразниваетъ его то влѣзть на крышу, то сѣсть на савраску да поскакать въ луга, гдѣ сѣно косятъ, или посидѣть на заборѣ верхомъ, или подраз-

Digitized by Google

нить деревенскихъ собакъ; или вдругъ захочется пуститься бѣгомъ по деревнѣ, потомъ въ поле, по буеракамъ, въ березнякъ, да въ три скачка броситься на дно оврага, или увязаться за мальчишками играть въ снѣжки, попробовать свои силы. Онъ крѣпится, крѣпится, наконецъ не вытерпитъ и вдругъ безъ картуза, зимой, прыгъ съ крыльца на дворъ, оттуда за ворота, захватилъ въ обѣ руки по кому снѣга и мчится къ кучѣ мальчишекъ. Свѣжій вѣтеръ такъ и рѣжетъ ему лицо, за уши щиплетъ морозъ, въ ротъ и горло пахнуло холодомъ, а грудь такъ и охватило радостью — онъ мчится, откуда ноги взялись, самъ и визжитъ и хохочетъ. Вотъ и мальчишки: онъ бацъ снѣгомъ — мимо: снаровки нѣтъ; только хотѣлъ захватить еще снѣжку, какъ все лицо залѣпила ему цѣлая глыба снѣгу: онъ упалъ; и больно ему съ непривычки, и весело, и хохочетъ онъ, и слезы у него на глазахъ.... А въ домѣ гвалтъ: Илюши нѣтъ. Крикъ, шумъ: на дворъ выскочилъ Захарка, за нимъ Васька, Митька, Ванька — всѣ бѣгутъ, растерянные, по двору. За ними кинулись, хватая ихъ за пятки, двѣ собаки, которыя, какъ извѣстно, не могутъ равнодушно видѣть бѣгущаго человѣка. Люди съ криками, съ воплями, собаки съ лаемъ мчатся по деревнѣ. Наконецъ набѣжали на мальчишекъ, овладѣли барченкомъ, окутали его въ захваченный тулупъ, потомъ въ отцовскую шубу, потомъ въ два одѣяла и торжественно принесли на рукахъ домой. Дома отчаялись уже видѣть его, считая погибшимъ; но при видѣ его живого и невредимаго, радость родителей была неописанна; потомъ напоили его мятой, тамъ бузиной, къ вечеру еще малиной и продержали дня три въ постели, а ему бы одно могло быть полезно: опять играть въ снѣжки . .

. . . . . .

И. ГОНЧАРОВЪ.

Digitized by Google

ѲОМУШКА.

РАЗСКАЗЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Бѣрнардскій.

Digitized by Google

ѲОМУШКА.

РАЗСКАЗЪ.

Вечеромъ, въ одинъ изъ послѣднихъ дней сентября, на сторонѣ большого русскаго села шумѣла, смѣялась и пѣла толпа дѣвочекъ, нѣсколькихъ парней и ребятишекъ. Солнце скрылось за горою, при которой оканчивалось село и по которой извивалась и тянулась куда-то черная, грязная дорога. Воздухъ былъ сыръ и холоденъ; за солнцемъ исчезали и красныя полосы, кое-гдѣ тянувшіяся по блѣдному небу. По селу раздивались скрыпъ какихъ-то воротъ да крики и понуканія, которыми проѣзжій мужикъ помогалъ своей лошади вытащить увязшую въ грязи телѣгу. Остановившись посреди улицы и вытянувши шею, протяжно мычала корова и потомъ плелась до знакомаго двора. Однообразно кричалъ и плакалъ на все село какой-то мальчишка, стоявшій глубоко въ грязи босикомъ и въ одной неподпоясанной рубашонкѣ. Въ это время на улицѣ показался человѣкъ въ черномъ зипунѣ, на которомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ были положены бѣлыя заплаты, въ лаптяхъ и въ большомъ изорванномъ картузѣ съ переломленнымъ козырькомъ. Изъ-подъ распахнутаго, неподпоясаннаго зипуна виднѣлась хрящевая рубашка, запачканная и истасканная. Остатокъ оборвавшейся застежки торчалъ въ одной изъ петель рубашеч-

Digitized by Google

наго воротника. Рубашка не была застегнута, и черная, загорѣлая грудь не была закрыта отъ сырого осенняго вечера. Въ рукахъ онъ держалъ длинную хворостину. Худое, синевато-блѣдное лицо этого человѣка, мутные глаза, медленная и нетвердая походка, — все это имѣло въ себѣ что-то болѣзненное, возбуждало къ нему и участіе и вмѣстѣ нѣсколько непріятное чувство. Во взглядѣ его было что-то дѣтское, не совсѣмъ обычное въ взросломъ. Онъ шелъ тихо и то озирался по сторонамъ, то потуплялъ голову, то наморщивалъ брови, то принималъ веселый видъ. На устахъ его появлялась и исчезала не то улыбка, не то судорожное движеніе. Этотъ странный человѣкъ былъ Ѳомушка, дуракъ, какъ обыкновенно звали его. Можетъ быть вы когда-нибудь видали этого Ѳомушку. Когда вашъ экипажъ, пробѣгая по нашимъ безконечнымъ степямъ или полямъ, на нѣсколько минутъ останавливался въ какомъ-нибудь селеніи, среди перебранивающихся ямщиковъ, среди женщинъ, предлагающихъ вамъ копеечный товаръ свой, среди кучи всякихъ зѣвающихъ на васъ лицъ, — можетъ быть тогда среди этой толпы замѣчали вы дурака Ѳомушку. Можетъ быть вы замѣтили, какъ робко онъ посматривалъ на васъ, какъ молча отвѣшивалъ вамъ поклоны, какъ боязливо онъ подошелъ къ окну вашей кареты. Можетъ быть замѣтили вы, съ какою робостію онъ попятился назадъ, когда на него прикрикнулъ ловкій лакей вашъ. Можетъ быть это странное существо хоть на мгновеніе заняло ваше дорожное разсѣянное вниманіе, и вы готовились удѣлить ему что-нибудь изъ кошелька своего, но въ ту минуту вашъ экипажъ быстро помчался впередъ и мигомъ далеко оставилъ за собою и село и толпу, и вы задумались о чемъ-то и задремали, и какъ-будто никогда передъ вами не бывало Ѳомушки.

Ѳомушка родился слабымъ ребенкомъ, безпрерывно болѣлъ, росъ и развивался медленно и тупо. Въ тѣ лѣта, когда дѣти уже начинаютъ ходить и болтать, онъ едва могъ ползать. Мать долго должна была няньчиться съ нимъ, носить его на рукахъ; онъ надоѣлъ ей, и мать первая дала сыну имя, оставшееся за нимъ во всю жизнь, — имя дурака. «Вотъ родилось — говорила она — четвертый ужь годъ ему, а оно не ходитъ, не говоритъ. Не то работай, не то съ нимъ таскайся». Слышалъ эти рѣчи отецъ и не радовался дуракомъ сыномъ; росло дитя, нелюбимое въ семьѣ своей, и дуракъ было ему имя. Дуракъ былъ молчаливъ,

Digitized by Google

тихъ и робокъ, и дразнили его сестры, обижали братья и чужія дѣти, а защиты не было дураку ни отъ отца, ни отъ матери. Дуракъ отбился отъ другихъ дѣтей, убѣгалъ отъ нихъ и прятался, и росъ одинъ, самъ съ собою. Никто не любилъ его; любила его только кудлашка, что́ стерегла дворъ и всѣ ночи напролетъ заливалась подъ воротами. И лежа ночью въ избѣ на печи, дуракъ Ѳомушка, съ радостію въ сердцѣ, слушалъ лай своего друга и чуть утро — выбѣгалъ къ кудлашкѣ и, протянувшись вмѣстѣ съ нею, грѣлся на лѣтнемъ солнцѣ. А когда мать давала ему черствый хлѣбъ и на весь день посылала его на лугъ пасть свинью съ поросятами, кудлашка всегда уходила за нимъ, и онъ проводилъ съ нею весь день, на зеленой травѣ, посреди цвѣтовъ и кустарника, и пополамъ съ нею дѣлилъ хлѣбъ свой. Когда же наступалъ вечеръ и померкалъ день, Ѳомушка неохотно разставался съ лугомъ и вмѣстѣ съ кудлашкою гналъ свинью домой. Въ одинъ лѣтній день, онъ, по обыкновенію, отправился съ кудлашкою на лугъ за свиньею, но собака была не весела и часто жалобно визжала, положивъ къ нему на колѣни свою морду. Вечеромъ она приплелась за нимъ домой, но ночью Ѳомушка не слыхалъ ея лая. Поутру онъ нашелъ своего друга подъ сараемъ; кудлашка лежала въ судорогахъ, но, увидѣвъ его, съ усиліемъ замахала хвостомъ и приподняла морду. Ѳомушка сѣлъ возлѣ нея, ласкалъ и гладилъ ее. Кудлашка тихо завизжала, потомъ потянулась и окоченѣла. Ѳомушка съ крикомъ, какой никогда не вырывался изъ груди его, бросился къ избѣ. Мать въ испугѣ выскочила ему на встрѣчу. Бѣдный мальчикъ только кричалъ: кудлашка, кудлашка! — «Молчи, дуракъ! закричала мать, замахнувшись на него кулакомъ. Ну, что́ кудлашка?» Дуракъ смолкъ, но трясся какъ листъ и задыхаясь могъ только сказать: застыла! Мать велѣла ему вытащить кудлашку въ поле. Мальчикъ взялъ собаку на руки и понесъ ее въ поле. Тамъ онъ долго сидѣлъ возлѣ нея и горько плакалъ; потомъ онъ вырылъ яму и зарылъ въ ней кудлашку. Медленно, опустивъ голову къ землѣ, пошелъ мальчикъ домой и уже одинъ погналъ свинью на лугъ. Съ той поры Ѳомушка сталъ еще молчаливѣе, еще безотвѣтнѣе и дичѣе. Взрослымъ онъ оставался кротокъ, послушенъ и терпѣливъ. Какъ бы ни бранили, какъ бы ни оскорбляли его, онъ былъ безотвѣтенъ, только блѣднѣлъ и потуплялъ глаза въ землю. Онъ

Digitized by Google

исправлялъ всѣ работы, какія ему поручали, пахалъ, сѣялъ, косилъ, молотилъ, и никогда не отказывался отъ труда. Только вотъ что было странно въ немъ: если ему не давали работы, онъ сидѣлъ въ полномъ бездѣйствіи; а если ему указывали работу, онъ тотчасъ же принимался за нее и продолжалъ трудиться, несмотря на свою усталость, до тѣхъ поръ, покуда не оканчивалъ ея или покуда его не отрывали отъ труда. Если его призывали, онъ обѣдалъ съ своею семьею; если же нѣтъ, онъ оставался безъ обѣда и голодалъ, не спрашивая ни куска хлѣба. Возвращаясь на ночь съ работы въ избу, онъ отправлялся спать на печь или на полати, если ему приказывали; если же нѣтъ, онъ сидѣлъ и не ложился, покуда обезсиленный не засыпалъ на мѣстѣ. Въ праздникъ, когда собирались въ селѣ хороводы, онъ не являлся среди нихъ, но если его призывали туда и заставляли пѣть, онъ пѣлъ; если его заставляли плясать, онъ плясалъ. Отецъ женилъ дурака, но и женатый онъ не перемѣнился. Всякъ, кто вздумалъ, тѣшился надъ дуракомъ. Онъ самъ такъ привыкъ къ своему положенію, что очень рѣдко возмущали его оскорбленія и насмѣшки. Запуганный и угнетенный почти отъ самого появленія на свѣтъ, дуракъ поневолѣ сосредоточился въ самомъ себѣ; онъ не смѣлъ и не могъ имѣть своей воли, своихъ желаній. Казалось, онъ жилъ и двигался только волею другихъ людей. Однако же, какъ ни рѣдко, но и у дурака бывали свои затѣи. Такъ когда наступала весна, грѣло солнце, зеленѣли поля и деревья одѣвались листомъ, онъ отправлялся въ лѣсъ и рвалъ цвѣты. Онъ натыкалъ ихъ себѣ на шапку и за поясъ, свивалъ изъ нихъ вѣнки, вязалъ цѣлые пуки и, обремененный цвѣтами, съ веселымъ лицомъ возвращался въ село. Тогда исчезала въ немъ обычная робость и дикость, и кого ни встрѣчалъ онъ на пути своемъ, всякому съ улыбкою подавалъ цвѣтокъ и говорилъ: возьми, изъ лѣсу. Таковъ былъ Ѳомушка, и такъ жилъ онъ до смерти матери и отца. Когда стариковъ не стало, жена бросила его и пошла жить по людямъ, а братья прогнали дурака съ двора. Съ той поры Ѳомушка лѣтомъ приставалъ къ какому-нибудь семейству, съ нимъ работалъ и кормился, а когда кончались сельскія работы, наступала осень, когда пустѣли поля и застилались густыми туманами, онъ ходилъ изъ села въ село, и гдѣ за пѣсни, гдѣ за пляску ему давали то пищу, то ночлегъ, то старую одежду. Въ такой жизни уменьшились прежняя нелюдимость и

Digitized by Google

робость Ѳомушки; порою онъ дѣлался разговорчивъ и развязенъ, хотя порою овладѣвала имъ тоска и досада на тѣшившійся имъ народъ. Ѳомушка не былъ дѣйствительно дуракъ, онъ не былъ совершенно лишенъ ума, но въ немъ недоставало именно того смышленаго и бойкаго ума, какимъ отличается наше простонародье. Ѳомушка былъ слишкомъ сосредоточенъ въ самомъ себѣ, и представленія не были въ немъ такъ ясны и точны, какъ у его собратій; тѣмъ не менѣе ума нельзя отрицать въ немъ. Ѳомушка былъ рожденъ добрымъ, кроткимъ, любящимъ существомъ, но всѣ его природныя качества, встрѣчая вѣчное противорѣчіе въ окружающемъ мірѣ, всегда отвергнутыя, всегда подавленныя, подрывали и искажали силы души его. Оскорбленія, насмѣшки, обиды и родительскіе побои, которымъ съ раннихъ лѣтъ подвергся Ѳомушка въ своей семьѣ и среди чужихъ людей, не могли не оставить въ робкомъ и добромъ существѣ слѣдовъ душевнаго разстройства. Это разстройство въ Ѳомушкѣ особенно выказывалось въ его мутномъ взглядѣ, въ растерянности мыслей, въ отрывочности его рѣчей, порою въ долгомъ упорномъ молчаніи, а порою во внезапной дѣтской болтливости.

Ѳомушка приближался къ шумящей толпѣ.

— Глянь-ка, дуракъ идетъ, Ѳомушка, Ѳомушка! закричалъ кто-то, завидя его.

Шумъ и пѣсни толпы прервались. Всѣ мигомъ окружили дурака.

— Здравствуй, Ѳомка!

— Здравствуй, дуракъ, здорово, Ѳомушка! раздавались голоса.

Ѳомушка озирался на всѣхъ, переминалъ плечами и проговорилъ: — Здравствуйте, здравствуйте всѣ!

— Какой на тебѣ, Ѳомушка, халатъ важный! проговорила одна изъ дѣвокъ.

Ѳомушка молча началъ осматривать свой зипунъ и ощупывать его заплаты.

— И въ картузѣ.... вишь какой молодецъ! со смѣхомъ сказала другая.

— А кто тебѣ лапотки сплелъ? спросила третья.

Digitized by Google

Ѳомушка взглянулъ на свои лапти, тронулъ ихъ хворостиной и проговорилъ: въ лѣсу, самъ.

— Ты съ нами гулять пришелъ? спросила четвертая.

— А я безъ тебя, Ѳомушка, ужь какъ скучала, было заболѣла! закричала пятая, и раздался громкій, общій хохотъ.

— Да, да, Акулька говоритъ: смерть моя, какъ Ѳомушк нѣтъ, закричала шестая.

— Вишь какъ разрядился, сказалъ какой-то парень и ударилъ Ѳомушку по картузу. Картузъ слетѣлъ съ него въ грязь Опять раздался громкій хохотъ. — Ѳомушка улыбнулся но жалкою, раздирающею сердце улыбкою. Въ ней были и смутное чувство униженія, и безсильная досада, и дѣтская боязнь всѣхъ здоровыхъ, сильныхъ и умныхъ, всѣхъ, кто можетъ посмѣяться надъ дуракомъ. Губы Ѳомушки задрожали, синяя тѣнь пробѣжала по лицу его, но вмигъ оно было спокойно и опять по-дѣтски смотрѣли его глаза. Онъ поднялъ и надѣлъ запачкавшійся въ грязи картузъ.

— Да что́жь ты, Ѳомушка, такой невеселый, сказалъ какой-то парень. — Чаво ты стоишь-та, спой-ка пѣсенку.

— Спой журку, сказалъ подвернувшійся мальчишка.

— Спой, спой! закричала толпа.

— Нѣтъ, ей-Богу нѣтъ, проговорилъ Ѳомушка какимъ-то страннымъ голосомъ.

— Стой, Ѳомушка, сказала Акулька. — Вотъ я запою, а ты ужь и тяни.... И она начала:

Ужь ты журка, ты журка,
Журка, добрый человѣкъ,
На мѣльницу ѣздилъ,
Диковинку видѣлъ,
Какъ козелъ муку мѣлетъ,
Коза....

— Да что́жь ты, ай не хочешь?

— Чаво пѣть, закричала другая дѣвка. — Споемъ мы; Ѳомушка попляшетъ.

— Не хочется, сказалъ Ѳомушка.

— Ну, не хочется! попляши! Ну, Ѳомушка, ну! раздались голоса.

Digitized by Google

— Стой, Ѳомушка! вотъ я съ тобой попляшу, вызвалась Акулька.

— Во, вотъ Акулька съ тобой попляшетъ, закричала толпа.

Акулька подошла къ Ѳомушкѣ. Толпа расположилась кружкомъ около нихъ. Потомъ всѣ ударили въ ладоши и подхватили плясовую. Акулька правою рукою уперлась въ бокъ и, повѣсивъ голову на правую сторону, начала вытаптывать ногами, сначала тихо, потомъ все бойчѣе и бойчѣе и наконецъ, подбоченившись обѣими руками, пустилась въ-скачь, прикрикивая: что́ ты, что́ ты, вотъ и я, вотъ и я! Ѳомушка началъ передвигать ногами, потомъ тихо проплясалъ онъ раза два вокругъ Акульки и остановился; пѣсня смолкла.

— Эхъ, молодецъ, развѣ такъ-то пляшутъ? Дѣвка только-что было разошлась, а онъ ужь и бросилъ!

Эти слова произнесъ проѣзжій купецъ, подошедшій незамѣченнымъ къ поющей толпѣ отъ своей повозки, запряженной дюжею лошадью, которая между тѣмъ продолжала итти своею дорогою, однообразно гремя глухимъ бубенчикомъ, повѣшеннымъ на ушахъ ея. Купецъ былъ молодой, плотный дѣтина. Одѣтъ онъ былъ въ черные, плисовые шаровары, заткнутые въ сапоги съ длинными голенищами, и въ теплый полушубокъ, покрытый синимъ сукномъ и подпоясанный краснымъ кушакомъ. Его поярковая шляпа, повязанная бархаткою съ мѣдною пряжкою, была надѣта нѣсколько на бокъ. По его виду и ухваткамъ замѣтно, что онъ франтъ и любезникъ.

— Здравствуйте, красавицы! продолжалъ онъ, вытащивъ изъ голенища сапога трубку и закуривая ее. Что это бравый парень у васъ? Счастливъ! вишь сколько около него красныхъ!

Всѣ засмѣялись. Ѳомушка задумался и тыкалъ землю своею хворостиной.

— Ай тебя, господинъ купецъ, завидки берутъ? да вить это у насъ дуракъ, отозвалась какая-то дѣвка.

— Нашелъ кому завидовать! сказала другая.

— Небось около нашего-то брата такъ не ухаживали бы, продолжалъ любезникъ-купецъ. То-то любо дураку!

— Вишь какой нашелся! закричали нѣсколько дѣвокъ; другія засмѣялись. Ѳомушка вдругъ очнулся отъ думы.

— Нѣтъ, вамъ лучше, лучше, сказалъ онъ:—дураку плохо!

Digitized by Google

— Ой ли? Да чегожь тебѣ надо? Вишь, сколько красавицъ около тебя. Съ тобой и пляшутъ и поютъ; любо! чѣмъ не веселье?

— Другихъ весели, самъ горюй, отвѣчалъ Ѳомушка.—Вамъ лучше, лучше. Всѣ смѣются, никто не жалѣетъ дурака.

— А я-то, Ѳомушка, развѣ я не жалѣю тебя? отозвалась Акулька.

Всѣ захохотали.

— Нѐкому вишь жалѣть его, сказала одна изъ дѣвокъ. — У тебя же жена есть!

— Нѣту, сказалъ Ѳомушка: — бросила; жена у людей.

— Э, отозвался купецъ: — ты видно вотъ здѣсь за красными-то ухаживаешь, а жену кормить не хочешь. А зачѣмъ женился?

— Женили, бачька велѣлъ.

— Бачька велѣлъ! закричала Акулька. — А на Катѣ-то небось самъ бы женился?

Дуракъ опустилъ голову.

— Что̀ голову-то клонишь? продолжала Акулька.

— Катя добрая была, проговорилъ Ѳомушка, какъ бы самъ для себя.

— Такъ зачѣмъ же отецъ женилъ тебя? продолжалъ распрашивать купецъ.

— Варя на селѣ была, богата да не брали: родила; меня бачька женилъ.

— Вотъ что̀!

Купецъ усмѣхнулся и, поправляя на головѣ шляпу, переглянулся съ дѣвками; иныя хохотали, иныя прятались одна за другую. Удержалась отъ смѣха только одна изъ нихъ, толстенькая, красненькая и помоложе другихъ. Наконецъ она также разразилась громкимъ хохотомъ и, закрывши лицо руками съ крикомъ: охъ, чтобъ тебѣ! пустилась бѣжать отъ толпы.

— Тю! закричалъ ей вслѣдъ какой-то парень.

Ѳомушка стоялъ задумчивъ и водилъ по землѣ хворостиною.

Купецъ потянулъ дымъ изъ своей трубки и обратился опять къ Ѳомушкѣ.

— А Катя-то небось важная была?

Разсѣянность Ѳомушки вдругъ исчезла, и, какъ часто случалось съ нимъ, болтливость смѣнила его неразговорчивость.

Digitized by Google

— Катя добрая была, отвѣчалъ онъ: — жалѣла меня, дуракомъ николи не звала, звала Ѳомушкой, и въ обиду меня не давала. Иду селомъ, мальчишки обсыплютъ: какой кричитъ, какой дергаетъ. Увидитъ Катя, всѣхъ прогонитъ. Рубашка-то на мнѣ вишь какая черная, а Катя-то, бывало, вымоетъ, а въ праздникъ мнѣ голову причешетъ и въ шапку цвѣтокъ заткнетъ и застежку мнѣ дастъ, да важную застежку!

— Не ту ли, что вотъ теперь у тебя торчитъ? спросилъ купецъ, указывая на остатокъ оборвавшейся застежки. — Толпа захохотала.

— Нѣтъ, сказалъ Ѳомушка: — ту я берегу, спрятана; такой ужь никто не дастъ мнѣ.

— Да гдѣ дѣвалась твоя Катя?

— Увезли, отвѣчалъ Ѳомушка купцу: — мужъ увезъ, — и принялся разсказывать: прихожу къ избѣ, а тамъ плясъ, да пѣсни играютъ, да шумъ такой... Я хотѣлъ и себѣ туда... откуда ни возьмись ребятишки, ну меня дергать, кричатъ: прогулялъ невѣсту, прогулялъ невѣсту! Я отъ нихъ отбиваться, а мужикъ вышелъ, да и разогналъ ихъ, мнѣ сказалъ: ступай прочь. Пришелъ на другой день передъ вечерней зорькой, какъ, бывало, Катя по воду ходитъ. Ждать — нѣту Кати. На третій день нѣтъ, на четвертый нѣтъ; не видалъ послѣ Кати, а бачька женилъ.

Ѳомушка задумался.

— Э, эхъ, бѣдняга! А гдѣжь твой бачька? спросилъ купецъ.

— Бачька умеръ, умеръ на Зимняго Николу. У, студено было! Земля застыла, что копать нельзя. Я топоромъ ему и могилу вырубилъ!

Темнѣло. Лошадь купца уже въ концѣ села гремѣла своимъ бубенчикомъ.

— Э, повозка-то моя уѣхала. Прощайте, красныя! сказалъ купецъ, далъ Ѳомушкѣ мѣдный пятакъ и, покуривая трубку, быстрыми шагами догонялъ свою лошадь.

Толпа дѣвокъ и парней разбрелась по домамъ. Около Ѳомушки только вертѣлся какой-то мальчишка.

— А что у тебя въ рукѣ? спросилъ онъ.

Ѳомушка открылъ руку и показалъ пятакъ. Мальчишка вмигъ схватилъ его и пустился бѣжать.

— Укралъ, проговорилъ Ѳомушка и побрелъ по селу.

Digitized by Google

Уже совершенно стемнѣло. Наступила холодная осенняя ночь. Въ небѣ тускло блистали звѣзды. Въ селѣ настала глубокая тишина; все спало. Только не спалъ долго Ѳомушка и смотрѣлъ на небо.

— Много звѣздъ, говорилъ онъ: — одна, другая; одна, другая.... такъ считалъ дуракъ звѣзды, покуда наконецъ не заснулъ глубокимъ сномъ.

А. С — Ъ.

1843.

Digitized by Google

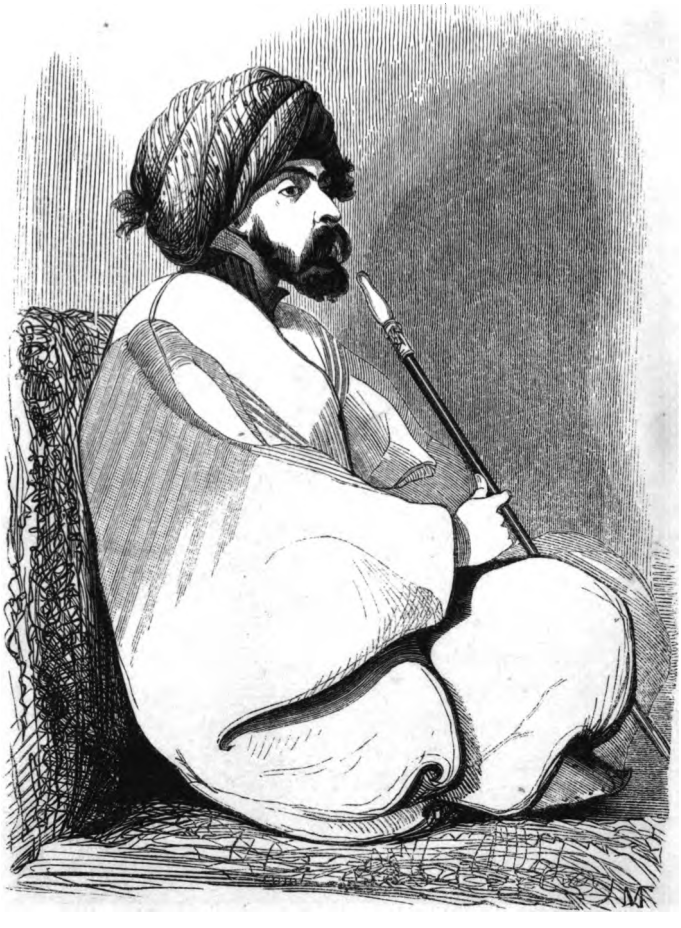
166

ЕГИПЕТСКАЯ СКАЗКА.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ЕГИПЕТСКАЯ СКАЗКА.

Сулейманъ-Бей, проѣзжая однажды по одной изъ улицъ Каира, увидѣлъ трехъ человѣкъ весьма незатѣйливой наружности, сидѣвшихъ у дверей кофейной и безмолвно похлебывавшихъ кофе — По ихъ неопредѣленному, безсмысленному взору, онъ догадался, что эти люди были подъ вліяніемъ хашиша. Посмотрѣвъ на нихъ пристально, Бей поклонился имъ и продолжалъ свою дорогу.... Но, отъѣхавъ нѣсколько шаговъ, онъ долженъ былъ остановиться. Длинная вереница громоздко навьюченныхъ верблюдовъ заперла узкую улицу и проѣзду не было. Бей отъ нечего дѣлать оглянулся на хашшашей (¹). Шумный споръ кипѣлъ между тремя стариками; размахивая руками, они кричали другъ на друга, дѣлая страшныя рожи; но словъ ихъ, за дальностью, Бей не могъ разслышать. Возвратившись домой и подстрекаемый любопытствомъ узнать предметъ этой ссоры, бей послалъ чавуша (²) за тремя чудаками.. Ихъ привели.

— О чемъ вы спорили, братцы, между собою, когда я проѣхалъ мимо васъ? спросилъ Бей.

— Да продлитъ Господь дни ваши, сказалъ одинъ изъ хашшашей. — Мы спорили о томъ, къ кому изъ насъ относился поклонъ могущественнаго повелителя нашего.

(¹) Хашшашами называются въ Египтѣ потребители хашиша, одуряющаго снадобья въ лепешечкахъ изъ конопляннаго листка.

(²) Посыльный полицейскій въ свитѣ большихъ чиновниковъ турецкихъ.

Digitized by Google

Каждый изъ нихъ приписывалъ эту честь себѣ.

Бей расхохотался.

— Я поклонился, сказалъ онъ: — тому изъ васъ, который надѣлалъ болѣе дурачествъ въ бреду хашиша....

— Я, я, я, могущественный повелитель... завопили въ одинъ голосъ всѣ трое....

— Постойте, возразилъ Бей: — пусть каждый изъ васъ разскажетъ мнѣ одну изъ своихъ продѣлокъ; чья будетъ глупѣе, тотъ и считай за собою поклонъ мой; начинай хоть ты.

И Бей указалъ на одного изъ нихъ.

— Узнай, о могущественный повелитель! началъ первый хашишъ: — что нѣсколько времени тому назадъ я имѣлъ въ кошелькѣ моемъ тысячу піастровъ, кормился ими и былъ доволенъ своею судьбою. Вотъ однажды, возвратившись домой съ прогулки, съѣлъ я кусочекъ хашишу, хлебнулъ кофею и запалилъ трубку; часа черезъ два-три, когда въ головѣ у меня зашумѣло, я вышелъ снова изъ дому и пустился крестить по переулкамъ. Вижу, у одной кофейной нѣсколько человѣкъ окружаютъ пѣвца, напѣвающаго что-то подъ ладъ своихъ маленькихъ бубенъ. Я присѣлъ къ кружку, спросилъ кофе, закурилъ трубку и сталъ прислушиваться къ пѣснѣ. Пѣвецъ описывалъ красоту какой-то дѣвушки.... Боже мой, какъ она была хороша, по словамъ пѣсни! Нельзя было не влюбиться въ ея прелести.... Передъ нею Зулейка была какъ простая звѣзда передъ солнцемъ, а Абля (¹) просто грязь.... Я и дался въ сѣть и влюбился въ красавицу, да такъ, что когда пѣвецъ замолчалъ, я отдалъ ему всѣ деньги, которыя были при мнѣ. На другой день въ тоже время съ туманомъ хашиша въ головѣ прибѣжалъ я къ моей кофейной, и тотъ же пѣвецъ мурлыкалъ продолженіе вчерашней повѣсти. Въ этотъ разъ онъ описывалъ, какъ герои и падишахи боролись между собою за обладаніе моей возлюбленной Харидѐ, и какъ она пренебрегала любовью ихъ и отвергала ихъ жертвы. Я болѣе и болѣе терялъ голову, и на этотъ разъ пѣвцу досталось отъ меня втрое больше вчерашней суммы денегъ. Я отдалъ ему все, что было въ карманѣ, все, до послѣдней *хамсе* (²).

На слѣдующій день я не оставилъ скамейки своей около кофейной праздною. Пѣвецъ и въ этотъ разъ, постукивая въ буб-

(¹) Героиня извѣстной народной арабской поэмы Антаръ.

(²) Пять пара, двѣ съ половиною копейки — мѣдная египетская монета.

Digitized by Google

M

Digitized by Google

Digitized by Google

ны, пѣлъ прелести Харидѐ.... Но теперь онъ разсказывалъ про любовь ея къ какому-то повѣсѣ.... Чтó я тогда чувствовалъ, того и описать не въ-силахъ: змѣя ревности разрывала на куски мое сердце и по жиламъ моимъ разливала ядъ бѣшенства. Я изнемогалъ.... Но вотъ, слышу, родственники разлучили любовниковъ и погрузили ихъ въ море слезъ.... Я отдохнулъ и опорожнилъ мои карманы, чтобы набить кису пѣвца.... Такимъ образомъ продолжалось нѣсколько дней сряду.... пламя любви и иглы ревности терзали меня попеременно. Хашишъ работалъ въ свою очередь и пламенною кистью дорисовывалъ картины, набрасываемыя пѣвцомъ, расширялъ ихъ поле, населялъ ихъ новыми образами, о которыхъ пѣвцу вѣроятно и не грезилось... и наконецъ оживлялъ ихъ, двигалъ ими по произволу и бросалъ меня попеременно изъ жару въ холодъ, съ небесъ въ преисподнюю. Капиталъ мой таялъ вмѣстѣ со мною, и скоро я простился съ послѣднею хàмсе. Но я не думалъ о деньгахъ и о пищѣ: любовь питала и согрѣвала меня. — Такимъ образомъ, съ пустымъ карманомъ, но съ головою, набитою парами хашиша, пошелъ я однажды къ кофейной.... слышу, голосъ пѣвца дрожитъ.... онъ плачетъ, грусть на лицѣ его.... — Чтó случилось? спросилъ я его, подойдя поближе.... — Бѣдная Харидѐ!... отвѣчалъ онъ, печально качая головою. — Чтò же, чтò съ нею?... кричалъ я. — Приказала долго жить, прошепталъ пѣвецъ.... — Я застоналъ и, разрывая одежды мои, побѣжалъ, самъ не зная куда. Когда первые порывы отчаянія утихлись, хашишъ развернулъ передо мною похоронный ходъ, и печальное *ля-илля, илль-аллà, Мохамедъ ресуль-аллà* (нѣтъ Бога кромѣ Бога, а Мохаммедъ посланный отъ Бога) раздалось въ ушахъ моихъ посреди воя и женскихъ воплей. Я бѣгалъ какъ безумный изъ переулка въ переулокъ, а по пятамъ моимъ бѣжала толпа съ гробомъ Харидѐ, и страшные вопли и *ля-илля* все громче, все страшнѣе звенѣли въ ушахъ моихъ. Наконецъ, изнеможенный, истерзанный, я упалъ гдѣ-то и лишился чувствъ; очнувшись, я увидѣлъ себя на порогѣ моихъ дверей.... Встаю, припоминаю предшествовавшія обстоятельства.... И когдà всѣ они воскресли въ моей памяти, у меня такъ и опустились руки.... Казна моя пуста, сердце разбито, и сверхъ того по лицу моему текла кровь, потому-что я размозжилъ себѣ голову при паденіи. Пролежавъ дома цѣлый день и проглотивъ кусочекъ хашишу, побрелъ я въ сосѣд-

Digitized by Google

нюю кофейную, гдѣ пріятель кафеджи напоилъ меня кофе и далъ трубку. Тутъ-то я сошелся съ моими товарищами и удостоился лицезрѣнія и поклона твоего, — о могущественный повелитель!

— Недурно; но не торопись приписывать себѣ эту честь; послушаемъ, что скажутъ другіе, замѣтилъ Бей.

— Узнай, о великій повелитель! началъ другой: — я нѣкогда былъ богатый и почетный купецъ, имѣлъ красавицу жену и пятерыхъ дѣтей. Жизнь моя была подобна весеннему утру: свѣтла, тиха, благоуханна. Но хашишъ подрылъ зданіе моего благополучія и обратилъ его вверхъ дномъ. Однажды, проглотивъ частицу этого рокового зелья, сѣлъ я, послѣ дневныхъ трудовъ, отдохнуть на своей софѣ и услаждалъ себя отъ времени до времени *финджаномъ* (1) мокка и благовоннымъ дымомъ *абуриха* (2).... Жена работала, сидя подлѣ меня, а ребятишки рѣзвились и оглашали комнаты своимъ дѣтскимъ крикомъ. Наконецъ голова моя стала наполняться чадомъ отъ хашиша.... грезы налетали одна за другою.... воображеніе мое пришло въ дѣйствіе.... Крикъ моихъ повѣсъ сталъ мнѣ несносенъ....

....Нѣсколько разъ просилъ я ихъ уняться, — но дѣти, пьяные и сумасшедшіе не понимаютъ просьбъ. Я вышелъ наконецъ изъ терпѣнія, и, схвативъ палку, ударилъ ею съ угрозою объ полъ, закричалъ на безстыдниковъ, чтобы они замолчали.... Но при этомъ движеніи я остановился внезапно: плита моего пола издала глухой звукъ, какъ-будто подъ нею было пустое пространство. — Хашишъ шепнулъ мнѣ, что въ этомъ мѣстѣ зарытъ кладъ. — Хм, сказалъ я самъ себѣ: — не надо спѣшить; если я примусь вынимать кладъ при женѣ, она сойдетъ съ ума и пойдетъ трезвонить по всѣмъ сосѣдямъ.... что изъ этого выйдетъ хорошаго? Какъ же бы такъ сдѣлать, чтобъ ее удалить?

....Но что долго думать? и, вскочивъ съ мѣста: — Жена! закричалъ я: — *инши теллака би-т-телятѣ* (ты разведена тройнымъ разводомъ) (3).

---

(1) Чашечка съ серебрянымъ или мѣднымъ поддончикомъ, изъ которой пьютъ турки кофе.

(2) Черный сирійскій табакъ, прозванный абуриха — *отецъ благовонія*.

(3) Чтобъ разводъ былъ заключенъ, мусульманину достаточно сказать женѣ своей: *ты разведена*. Послѣ этого онъ можетъ взять ее назадъ къ себѣ, когда ему заблагоразсудится, и жить съ нею по прежнему; законъ не противится это-

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Жена моя помертвѣла; бросивъ работу и вскочивъ на ноги; — Что̀ ты это мужъ?.... что̀ съ тобою? за что̀ я провинилась? завопила она.

— Ни слова, и сейчасъ же выбирайся изъ дому и съ дѣтьми.

— Помилуй, мужъ, когда, чѣмъ подала я тебѣ поводъ къ неудовольствію? Двѣнадцать лѣтъ живемъ мы вмѣстѣ мирно и ладно, и кромѣ нѣжностей ничего другъ отъ друга не видали. Скажи мнѣ....

— Довольно; нѐ къ чему много толковать. Вотъ тебѣ тысячу грушей (1). Возьми изъ комнаты и кладовой все, что̀ тебѣ нужно, все, что̀ тебѣ нравится, — и ступай въ домъ твоего отца!

Рыдая и вопія, собрала она вещи, взяла дѣтей своихъ и отправилась изъ дому.

— А! воскликнулъ я, съ самодовольнымъ видомъ: — вотъ я и одинъ въ домѣ.

«Тише, тише, Абу Халифе!» шепталъ мнѣ хашишъ: — «не надо торопиться. Положимъ, примешься ты отрывать кладъ; но кто тебѣ сказалъ, что самъ ты за рюмкой *амберіѐ* (2) или въ обществѣ моихъ поклонниковъ не разгласишь всему свѣту о твоей находкѣ.... Проучи-ка себя прежде чѣмъ-нибудь хорошенько, чтобы языкъ твой былъ на привязи и не болталъ лишняго». Послушный голосу моего повелителя, я всталъ, вынулъ изъ сундука пятьсотъ грушей и отправился къ *валѝ* (3). — Возьми, сказалъ я ему: — эти пятьсотъ грушей и дай мнѣ по пятамъ пятьсотъ *курбачей* (4); во время же *фалѝки* (5) спрашивай меня: не видалъ ли чего? не нашелъ ли чего? не отрылъ ли чего?—Правитель удивился чрезмѣрно моему странному требованію и не соглашался исполнить его, но окружающіе его замѣтили ему,

---

му. Если же онъ, въ минуту гнѣва, разведется съ нею тройнымъ разводомъ, сказавъ ей приведенную выше фразу, то онъ можетъ законнымъ порядкомъ принять ее къ себѣ въ домъ и жить съ нею по прежнему не иначе, какъ выдавъ ее сперва за-мужъ за него бы то ни было, и не прежде, какъ на утро такъ называемой *входной ночи*.

(1) Грушъ — турецкій піастръ, 20 копеекъ мѣди.

(2) *Амберіѐ* — ликеръ.

(3) *Валѝ* — губернаторъ.

(4) *Курбачъ* — выдѣланный пропотамовый нервъ, употребляемый вмѣсто кнута.

(5) *Фалѝка* - колодка, надѣваемая виновному на ноги, когда его наказываютъ по пятамъ.

Digitized by Google

что тѣло мое принадлежитъ мнѣ, и что я властенъ располагать имъ какъ мнѣ заблагоразсудится. — Возьми его деньги, заключили они: — и отколоти его до смерти.

Пожавъ плечами, вали́ далъ знакъ, и меня повалили, связали, подняли ноги, и курбачъ засвисталъ и запрыгалъ по пятамъ моимъ; въ это время повторяли безпрерывно: не видалъ ли чего? не нашелъ ли чего? не отрылъ ли чего? Я же въ свою очередь кричалъ въ отвѣтъ: ничего не видалъ, ничего не находилъ, ничего не отрывалъ. Хоръ этотъ продолжался до послѣдняго удара. Изнеможенный, поднялся-было я на окровавленныя пяты, но повалился снова и черезъ силу выползъ на колѣняхъ на улицу, сѣлъ на осла и поѣхалъ въ домъ свой. Пролежавъ нѣсколько дней, я поправился и рѣшился приступить къ открытію пола. Но хашишъ, которому я не забылъ въ тотъ день поклониться, по обыкновенію, опять остановилъ меня. «О, Абу Халифе, шепталъ онъ мнѣ: — «ты еще недовольно проучилъ себя; ну какъ ты да выболтаешь свою тайну; проучи-ка себя другой разъ, любезный!» Нечего дѣлать, — вынувъ изъ сундука тысячу грушей, отправился я къ янычаръ-агѣ. — Возьми эти деньги, сказалъ я ему: — и дай мнѣ тысячу палокъ, приговаривая: не видалъ ли чего? не нашелъ ли чего? и проч. Янычаръ-ага не заставилъ себя долго просить и, схвативъ деньги, приказалъ мнѣ отсыпать требуемое мною число ударовъ по спинѣ.

По окончаніи расправы, душа едва держалась въ моемъ тѣлѣ, а на ногахъ держаться я уже былъ не въ состояніи. Меня довели до осла моего, и дома я протянулъ ноги на нѣсколько дней. — Пришедши въ силы, я сталъ припоминать всѣ обстоятельства страннаго случая, которому былъ обязанъ я болью во всемъ тѣлѣ, и чѣмъ болѣе углублялся въ размышленіе, тѣмъ яснѣе рисовались предъ мною пагубныя послѣдствія, до которыхъ можетъ довести излишняя довѣренность къ коварнымъ наущеніямъ хашиша. Я проклиналъ всѣ дьявольскія навожденія, пораждаемыя чадомъ этого зелья, и, внутренно обѣщаясь исправить и вознаградить по возможности несправедливость мою противъ жены, торжественно зарекался навсегда обращаться къ моему любимому лакомству; но въ то самое время, какъ эта похвальная рѣшимость благоуханнымъ цвѣткомъ распускалась на почвѣ моего мозга, рука моя, не спросясь моей воли, пошарила

Digitized by Google

подъ подушкою и доставъ оттуда оловянную коробочку, вынула изъ нея бѣлую пластинку и вложила ее мнѣ въ ротъ, будто въ насмѣшку надъ моими мудрыми рѣшеніями. И въ-самомъ-дѣлѣ, пока умъ мой работалъ прилежно надъ совершеннымъ разрывомъ съ лукавымъ коноплемъ, этотъ плутъ подкрался къ нему какъ ночной воръ и, наславъ на него дурманъ свой, обратилъ вверхъ дномъ зданіе, только-что имъ воздвигнутое.... Я вновь, безсознательно, очутился въ объятіяхъ моего стараго друга.... «Эй, Абу Халифе! вставай, ты ужь оправился и уже довольно проучилъ себя; пора приниматься за работу. Вставай, не пропускай *предопредѣленной минуты,* ато будешь раскаяваться».... Что́ прикажешь дѣлать? Въ эти минуты я принадлежалъ вполнѣ моему властителю и повиновался ему безусловно. Поднявшись съ постели, съ ужасною болью въ крестцѣ и въ бокахъ, поплелся я къ заповѣдной плитѣ и, съ біеніемъ сердца и туманомъ въ головѣ, принялся ее отворачивать.... плита подалась безъ большихъ усилій.... я сѣлъ на закраину, опустивъ ноги внизъ и опершись руками по сторонамъ, боялся взглянуть внизъ.... хашишъ однако же меня знай-понукалъ, налегая мнѣ на плечи.... Я сталъ спускаться, не отрывая рукъ отъ окраинъ и все глядя вверхъ. При новомъ усиліи хашиша, руки мои оборвались и я рухнулъ... ой! не спрашивай, могущественный повелитель, гдѣ я очутился... только въ одну минуту дыханье мое захватило, я обезумѣлъ, я задыхался... мутная вода подступила мнѣ къ горлу... волосы мои стали дыбомъ, я хотѣлъ кричать — и не могъ... всѣ струны моего голоса были оборваны.... А въ то время, какъ, преслѣдуемый коварными наущеніями хашиша, я стремился къ краю пропасти и наконецъ низринутъ былъ ими чуть не въ преисподнюю, жена моя, неутѣшная, проливая слезы, просилась у отца своего сходить провѣдать обо мнѣ.... «Я не знаю, говорила она, всхлипивая: — что́ за дурь вдругъ нашла на моего мужа, что ни съ того, ни съ сего прогналъ онъ меня.... Я увѣрена, что все это проказы хашиша.... да низойдетъ на него проклятіе!... Образумясь, мужъ мой раскается въ несправедливомъ своемъ противъ меня поступкѣ, потому-что я ни въ чемъ себя упрекнуть не могу; пойду, посмотрю, что́ съ нимъ сталось». — «Ступай, матушка, я тебя не удерживаю», сказалъ ей отецъ. — И она отправилась.... стукъ въ дверь, — никто не откликается .... стукъ пять.... и еще и еще. «Абу Халифе дома?» спрашиваетъ она у

Digitized by Google

сосѣдей.... «Абу Халифе уже болѣе недѣли какъ не выходилъ изъ дому», отвѣчаютъ ей.... Она опять принимается стучать, но отвѣта нѣтъ.... Тогда она побѣжала за слесаремъ и, сопровождаемая толпою сосѣдей и сосѣдокъ, вошла въ домъ. По долгомъ исканіи, наконецъ нашли они меня въ моей ямѣ, полуживого отъ страданій. — Когда меня вытащили, обмыли, одѣли и успокоили, я вышелъ изъ дому, чтобы освѣжиться воздухомъ, и злостный хашишъ, виновникъ всѣхъ моихъ бѣдствій, уже снова безъ моего вѣдома, проскользнулъ ко мнѣ подъ языкъ и привелъ меня прямо къ кофейной, гдѣ я удостоился поклона твоего, — о великій повелитель...

— Постой, закричалъ Бей, катаясь отъ смѣху: — твои приключенія тоже хороши; но прежде чѣмъ останется за тобой поклонъ, выслушаемъ твоего третьяго товарища.

— Могущественный повелитель, началъ третій хашишъ. — Не болѣе недѣли тому назадъ, я былъ такъ счастливъ, такъ доволенъ судьбою, что, право, не помѣнялся бы и съ тобой моимъ положеніемъ: домъ, полный всякой благостыни, — денегъ вволю, — двоюродная сестра-жена (1) — чудо красоты. Однажды красавица моя, проведя цѣлый день въ банѣ, возвратилась домой такая чистенькая, такая свѣженькая, розовенькая, блестящая, что голова моя, въ которой хашишъ, часа за полтора набѣду проглоченный мною, уже начиналъ мутить мысли и распалять воображеніе, голова моя стала теряться, глаза жадно впивались въ прелести двоюродной сестрицы, какъ-будто въ первый разъ ихъ замѣтили, сердце волновалось какъ священная рѣка (2) въ бурю.

— Двоюродная сестрица! воскликнулъ я какъ бы невольно: — ты сегодня плѣнительна, я влюбился въ тебя по уши.... Тутъ хашишъ сталъ совѣтовать мнѣ, чтобы я немедленно развелся и снова сочетался съ нею бракомъ, рисуя мнѣ первые дни женитьбы самыми заманчивыми красками.... И я тутъ же приступилъ къ дѣлу, произнеся обычную разводную фразу, и на другой день заварилъ новую сватьбу. Три дня пировали у меня родные, сосѣди, знакомые; я угощалъ ихъ на-славу въ ожиданіи *входной ночи*... Въ послѣдній вечеръ я былъ самъ не свой отъ

(1) Египтяне женятся часто на своихъ родственницахъ, большею частью на двоюродныхъ сестрахъ.

(2) Нилъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

упоенія, и хашишъ, который я не позабылъ проглотить, такъ и толкалъ меня, чтобы я вытолкалъ гостей, хотя еще далеко было до ночи; выпроводивъ весь народъ изъ дому, до послѣдняго служителя, я забылъ второпяхъ запереть дверь на улицу. Когда я остался одинъ съ двоюродной сестрицей, она сказала мнѣ: — Двоюродный братецъ, заприте-ка дверь на улицу. — «Удивительное дѣло», воскликнулъ я: — «чтобъ я, новобрачный, одѣтый въ шали, въ толкъ и съ алмазнымъ кинжаломъ, пошелъ запирать дверь! да ты, матушка, съ ума сошла! поди-ка ты сама запри ее». — Машаллахъ! воскликнула двоюродная сестра: — чтобы я, молодая, разодѣтая въ атласъ, кружева, драгоцѣнные камни, пошла запирать дверь! да это не я, а ты, кажется, спятилъ съ ума! — Но сдѣлаемъ уговоръ, если хочешь, продолжала она: — пусть тотъ изъ насъ запретъ дверь, кто первый заговоритъ. — «Ладно», отвѣчалъ я и замолчалъ, замолчала и она, и мы сѣли, какъ были, въ нарядахъ, на скамейки другъ противъ друга, въ ожиданіи перваго слова.

Сидимъ часъ, другой, а между тѣмъ шайка воровъ, проходя мимо нашего дому, и, увидѣвъ отворенную дверь, вошла въ нее и начала подбирать все, что попадалось ей подъ руки; мы слышимъ, что кто-то шаркаетъ по дому — и все себѣ молчимъ; вотъ воры добрались и до нашей комнаты, видятъ, что мы сидимъ неподвижно, не обращаемъ на нихъ вниманія, и принялись складывать всѣ мебели, драгоцѣнныя вещи, даже ковры повытаскали изъ-подъ насъ, потомъ ужь и на насъ наложили руки и сняли съ насъ все, что казалось имъ достойно ихъ вниманія, такъ-что мы остались только-что не нагіе; но, боясь промолвить слово, молчали. Обобравъ все что было въ домѣ, воры съ миромъ изъ него выбрались и отправились себѣ куда хотѣли; а мы остались на нашихъ скамеечкахъ, тараща въ молчаніи другъ на друга глаза. Къ утру подошелъ полиціймейстеръ съ обходомъ, и увидя отворенныя двери, вошелъ въ домъ.... Осмотрѣвъ всѣ комнаты и не встрѣтивъ живого существа, дошелъ наконецъ до покоя, гдѣ сидѣли мы, и обратился къ намъ съ вопросомъ: что все это значило; но ни я, ни двоюродная сестрица и не думали отвѣчать ему. Онъ разсердился и велѣлъ рубить мнѣ голову. Палачъ подошелъ, выхватилъ изъ ноженъ свой мечъ и только-что занесъ его на меня, какъ жена моя закричала: Господи, Боже

Digitized by Google

мой!... двоюродный братецъ! пощадите.... «Ага! заревѣлъ я, захлопавъ въ ладоши: — попалась! изволька запереть двери»... И съ тѣмъ вмѣстѣ объяснилъ я полиціймейстеру въ чемъ дѣло; онъ, пожимая плечами, вышелъ изъ дому съ людьми своими и оставилъ насъ въ покоѣ,—но въ какомъ положеніи! Съ горя отправился я въ кофейную, гдѣ видѣлъ ты насъ, могущественный повелитель.

— Ну, братъ, проговорилъ Бей, держась за бока отъ смѣху: — тебѣ, тебѣ принадлежитъ мой поклонъ.

М. ГАМАЗОВЪ.

Каиръ. 1842 года.

572006

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google